
ОГОНЁК
№ 35 АВГУСТ 1959
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Показывает Карелия

В Москве проходит декада карельского искусства и литературы. Москвичи смотрят драматические спектакли, первый национальный балет.

По мотивам известного карельского эпоса «Калевала» композитором Гельмером Синисало и балетмейстером Игорем Смирновым создан балет «Сампо».

Главный герой эпоса — «старый, верный Вяйнямейнен», предводитель народа Калевалы, песнопевец. Народ Калевалы одерживает победу над черными силами страны Похъелы именно тогда, когда Вяйнямейнен берет в руки кантеле.

Кантеле — народный карельский инструмент, напоминающий русские гусли. Когда кантеле мастерили из пня (пень по-карельски и есть канто), выдалбливая небольшое корытце и натягивая на него пять струн, звучание инструмента напоминало перезвон колоколов. С той поры кантеле усовершенствовали: на нем можно исполнять и классические произведения. Но особая его прелесть проявляется именно в народных карельских, финских песнях.

Балет «Сампо», 1-й акт.

«Кантеле» — так называется крупнейший в республике ансамбль песни и танца. Руководитель танцевальной группы балетмейстер-самородок, народный артист республики Василий Иванович Кононов уверяет, что в танце, как ни в каком другом виде искусства, проявляется характер карельского народа.

Только самые необходимые слова, только самые необходимые жесты… Суровая природа наложила отпечаток и на карельские танцы. Они отличаются сдержанностью, спокойствием.

Люди Карелии очень музыкальны. На декаде выступят народные певцы, сказители, самодеятельные хоры.

В Сегозерском хоре поют работники Паданского леспромхоза, поют лесорубы и сплавщики, рабочие и служащие кирпичного завода, подсобных предприятий. Руководит хором певец-самоучка Георгий Васильевич Савицкий. Хор поет на карельском и русском языках. В репертуаре — пятьдесят песен и частушек собственного сочинения.

Народные песни Карелии москвичи услышат и в исполнении Сирки Рикки, чудесной певицы. Она выступит в Москве с сольным концертом «Песни народов мира».

Судьба этой артистки сложилась так, что она в течение многих лет слышала песни многих народов, кроме своего, родного. Сирка Рикка родилась в Соединенных Штатах в семье финского коммуниста. На чужбине ей пришлось переменить немало профессий — от манекенщицы до массажистки,— пока не появилась возможность приехать в Советский Союз и целиком посвятить себя искусству. Народная артистка республики Сирка Рикка в концертах исполнит карельские и финские, английские и негритянские, русские и украинские, чешские, немецкие, итальянские, французские, китайские песни…

Добрую славу талантливому коллективу Государственного финского драматического театра принесли опытные мастера: главный режиссер театра заслуженный деятель искусств В. Суни, народные артисты Карелии Е. Томберг, С. Туорила, Т. Ромпайнен, заслуженный артист Т. Ланкинен. Их, как и многих других артистов, москвичи встретят в спектаклях «Сельские сапожники», «Люди с Дангора». В репертуар также входит горьковский спектакль «Егор Булычов» и две пьесы о современности: «Хозяйка леса» и «Бессмертные звезды».

В. ПОЛЫНИН

Фото М. Савина.

Ансамбль «Кантеле». На первом плане артистка Лидия Выданова.

Сцена из спектакля «Сельские сапожники».

На первой странице обложки: Герой Советского Союза, заслуженный мастер спорта, испытатель парашютов Василий Григорьевич Романюк.

Фото И. Тункеля.

На последней странице обложки: В лесу.

Фото Б. Кузьмина.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 35 (1680)

23 АВГУСТА 1959

37-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Закрытие второй Спартакиады народов СССР на стадионе имени В. И. Ленина. Идут знаменосцы.

ПОСЛЕ ФИНИША

Когда-нибудь в будущем, взяв в руки объемистый том истории Спартакиад народов СССР, мы с особым вниманием перечтем вторую главу этой книги, помеченную датой: 1959.

Вторая Спартакиада народов СССР. Вот она вся перед нами с ее восемью тысячами действующих лиц, с ее неоглядным размахом, блестящим началом и победным концом.

Вся Москва стала ареной яркой спортивной борьбы, и первое мировое достижение, показанное на Спартакиаде, родилось не на стадионе, а на асфальтовых магистралях столицы. Житель Москвы А. Ведяков прошел 50 километров за 4 часа 3 минуты 52,2 секунды. И второе сенсационное событие произошло вдалеке от Лужников — в Сокольниках. Там на закрытом теннисном корте кемеровский шахтер Рудольф Плюкфельдер в могучем толчке побил мировой рекорд американца Джима Джорджа. Он поднял штангу весом 176,5 килограмма. Но не успели смолкнуть восторженные аплодисменты зрителей, как товарищ Плюкфельдера, Василий Пегов, попросил прибавить к этому весу еще полкилограмма и уверенно вытолкнул штангу.

На весь мир славятся русские силачи, и тяжелую атлетику можно считать спортом уральцев и сибиряков, москвичей и сталинградцев.

А вот диковинный, еще лет восемь назад никому неведомый вид спорта, получивший название «современное пятиборье», теперь стал популярным в Армении. И хотя в отличие от первой Спартакиады армянской команде не удалось завоевать первенства в пятиборье, чемпионом снова стал представитель Армении — двукратный чемпион мира Игорь Новиков.

Большой интерес зрителей вызывали два «именинника» — теннис и фехтование, еще недавно находившиеся в глубоком прорыве.

Их представители добиваются теперь все больших и больших успехов на крупнейших международных соревнованиях. И на сей раз теннисная молодежь Эстонии продемонстрировала большую силу, закрепив за своей командой почетное, третье призовое место, после Москвы и Украины. Так мы еще раз могли убедиться в том, что теннис остался в Эстонии любимым спортом.

Неизменный интерес вызывали выступления сильнейших легкоатлетов. И если первый день соревнований на центральной арене прошел под знаком бега на 10 тысяч метров, то последний день был отмечен высоким результатом в беге на 5 тысяч метров. Борьба москвича Петра Болотникова и ленинградца Александра Артынюка завершилась победой Болотникова.

Москвичи и ленинградцы по-прежнему являются сильнейшими в легкой атлетике, а украинцы еще раз показали, что они не только первоклассные легкоатлеты, но и гимнасты. Абсолютными чемпионами Спартакиады стали Борис Шахлин и Полина Астахова.

В других видах спорта прозвучало много новых имен. Мы запомнили победу Игоря Петренко в прыжках с шестом и Ирины Пресс в пятиборье. Большого успеха добился двадцатилетний таллинский байдарочник Юло Бертинг, завоевавший золотую медаль на дистанции 500 метров.

Много способной молодежи отлично проявило себя и на борцовском ковре, и на водных дорожках, и на волейбольных площадках. Блестящий старт взяли все они в Москве, на второй Спартакиаде народов СССР. А вот прошел и финиш этих крупнейших комплексных соревнований. 16 августа на большой спортивной арене стадиона имени Ленина командам Москвы, РСФСР и Ленинграда были вручены призы Совета Министров СССР.

В. ВИКТОРОВ

Призы Спартакиады, завоеванные столичными спортсменами.

Фото А. Бочинина.

Америка ждет ЧЕЛОВЕКА С ОТКРЫТ

Генрих БОРОВИК

Понятное волнение

В Америке спорят. Спорят политические деятели, газеты, партии. Спорят о том, кто же сказал последнее слово перед тем, как Эйзенхауэр решил пригласить Никиту Сергеевича Хрущева в Соединенные Штаты.

Претендентов на такую весьма почетную роль довольно много. Называет себя Аверелл Гарриман, летом побывавший в нашей стране; напоминает о себе сенатор Хэмфри, имевший с главой Советского правительства длительную беседу в конце прошлого года; во всеуслышание заявляют о своей роли американские губернаторы, которых не так давно принимал Председатель Совета Министров СССР; идет разговор о вице-президенте США Ричарде Никсоне; и, наконец, некоторые считают, что Эйзенхауэр принял решение совершенно самостоятельно. Спор этот выплеснулся и за границы Соединенных Штатов. Английские консерваторы и лейбористы, как говорят, тоже вступили в полемику друг с другом, и каждая из этих партий отводит себе не последнее место в списке претендентов.

Не суть важно, как решит этот спор американская пресса. Главное ведь в том, что наконец встречаются «два самых влиятельных человека в мире, которые,— как писала одна американская газета,— вели длительные откровенные и конфиденциальные беседы со всеми значительными людьми, но которые не имели длительных, откровенных и конфиденциальных бесед друг с другом».

Через три недели Никита Сергеевич Хрущев отправится в Соединенные Штаты. Никогда еще заокеанское государство не принимало премьер-министра Советского Союза. Поэтому вполне понятно волнение и обеспокоенность американской печати.

«Эйзенхауэру,— предупреждает известный обозреватель Уолтер Липпман,— придется иметь дело с очень находчивым, практичным политическим деятелем, который опирается на сильную идеологическую и на колоссальную материальную базу».

Агентство «Ассошиэйтед пресс» сообщает: «Премьер Советского Союза Хрущев, один из больше всего разъезжающих русских деятелей, привезет с собой в Америку простое человеческое обаяние... Хрущев может очаровать фермеров своим знанием сельского хозяйства... Хрущев — ярый коммунист, но он может говорить о коммунизме как с юмором, так и серьезно».

Некоторая тревога чувствуется и в словах Маргариты Хиггинс из «Нью-Йорк геральд трибюн»: «Хрущев — это ходячее статистическое бюро по сельскому хозяйству и другим сторонам американской жизни... Всех американцев... нужно сразу предупредить, что всякий, кто намерен обсуждать с господином Хрущевым во время его предстоящего приезда в Америку такие темы, как выращивание кукурузы, должен немедленно подробно записать факты, иначе советский премьер посмеется над ним».

Ну что ж, волнение и беспокойство американской прессы понятны: ведь к визиту Никиты Сергеевича Хрущева в США привлечено сейчас внимание всего человечества.

«Холодильники» системы «сенатор Берд»

Но есть в Штатах беспокойство другого рода. Это даже не беспокойство, это просто паника. Или, как очень точно говорят американцы, «мирная паника». Поднялась она в Нью-Йорке в большом гранитном здании на Уолл-стрит, 11, где помещается нью-йоркская биржа.

Биржевой телетайп сообщил: «Состоится обмен визитами между Хрущевым и Эйзенхауэром, состоятся встреча и откровенная беседа между руководителями двух величайших держав». И сразу дрогнули и покатились вниз акции военных предприятий и компаний.

— Лед тронулся! Лед «холодной войны» тронулся, господа акционеры! — завопили дельцы на бирже.

Панические крики в газетах выглядели, конечно, более сдержанно и обтекаемо. Но так же недвусмысленно.

«Джорнэл оф коммерс»: «Что стала бы делать наша страна, если бы значительная часть производительной мощи не шла на вооружение? Этот вопрос задают не так уж часто, но ответ, который могут в конце концов дать на него, может оказаться роковым».

...И все завертелось...

— Стойте! Все назад! — грудью бросились защищать свои интересы наиболее выдержанные.— Ничего не известно. Морозы еще будут!

Эти ободряющие окрики в печати выглядели, конечно, более дипломатично:

«Юнайтед пресс интернэшнл»: «Считают, что разработки урегулирования отношений с Советским Союзом — это длительный процесс, который займет, возможно, от двадцати пяти до пятидесяти лет».

Иными словами, лед толстый, крепкий, мол, лет пятьдесят продержится, на «наш век» хватит, а там видно будет. Хранители обледенелостей спешно засовывают в «холодильники» теплящуюся надежду американцев на окончание «холодной войны».

Деловые люди, не связанные с военными заказами, надеются, что соревнование в гонке вооружений сменится мирным соревнованием. Но надеждам этим не дают расти. Немедленно включаются «холодильные установки». «Значительное ослабление американо-русской напряженности не освободило бы нас от экономических тревог,— раздается леденящий душу американского бизнесмена голос «Джорнэл оф коммерс».— Если некоторым американским отраслям промышленности трудно конкурировать на экспортных рынках сейчас, то в будущем — быть может, не в столь отдаленном будущем — им придется еще труднее, если предполагать увеличение русского экспорта. Повышение уровня жизни в России и в Западной Европе... могло бы вызвать более ожесточенную конкуренцию для Соединенных Штатов».

Именно такие «холодильники» в образе некоторых сенаторов или журналистов усиленно рекомендуют, чтобы Никите Сергеевичу Хрущеву показали в Соединенных Штатах ракетные установки. Зачем? Чтобы, не дай бог, лед не растаял.

«Холодильники» боятся человека с открытым сердцем. Они боятся прямого, откровенного тона его беседы. И они спешно переключают регуляторы на деление «оч. холодно».

«США должны противостоять Хрущеву!» — скрипит старенький, потрепанный рефрижератор системы «Трумэн». «Я полагаю,— вторит ему холодильная установка системы «сенатор Берд»,— что предостерегающие слова, с которыми выступил наш уважаемый бывший президент, могут послужить хорошим руководством для каждого человека, который помогает определить курс нашей страны в эти напряженные дни».

Напряженные дни! Вот как, оказывается, называет Берд время, о котором весь мир думает с надеждой.

А лед все-таки тронулся! И лучшее, самое верное доказательство тому — панические крики на бирже и раздраженный скрип ржавеющих «холодильников».

«Это лучше всех дипломатических нот»

Теперь вернемся к тому спору, о котором я говорил вначале.

В прошлом году одна японская газета писала: «Шестидесятитрехлетний буддист Ханиро کояма, крестьянин в префектуре Канагава, около Токио, оставил свои занятия и удалился на вершину горы Асада, около Камакура — к юго-западу от Токио, чтобы молиться за разрядку международной напряженности. В прошлую пятницу он закончил первый цикл из 600 дней. Не помогло. Будет продолжать еще 1 500 дней».

Я не считаю способ, выбранный японским крестьянином для влияния на международную обстановку, наиболее эффективным, но склонен думать, что именно простые люди, подобные ему, сотни миллионов людей, встревоженные «холодной войной», непрекращающимися испытаниями атомных бомб, сыграли решающую роль в приглашении Никиты Сергеевича Хрущева посетить США.

Сам Эйзенхауэр сказал несколько дней назад:

«В последние месяцы 1958 года мы начали чувствовать, что методы, которыми мы действуем, необходимо подкрепить чем-то иным, действовать иначе, чем мы действовали до настоящего времени».

А вот что писала по этому поводу газета «Скотсмен»: «Ясно, что Никсон своими телеграммами из России не сыграл никакой роли в том, чтобы заставить его (Эйзенхауэра) принять такое решение... Президент сказал, что это приглашение — секрет, который известен всему миру. В действительности люди предсказывали это потому, что это было весьма желательно и **все более неизбежно**».

Итак, простые люди! Недаром же в день, когда пришла весть об обмене визитами, корреспонденты американских газет бросились из своих редакций, чтобы узнать, как встретили эту новость люди на улицах. Вот что они услышали:

Опрос газеты «Уолл-стрит джорнэл»:

Коммивояжер Конрад Реник, из города Сент-Луис: — При нынешних настроениях обеих стран все может быть полезным. Мы те-

ЫМ СЕРДЦЕМ

перь так далеки друг от друга, что всякое улучшение взаимопонимания помогло бы смягчить напряженность.

Бостонский комиссионер (фамилия не приводится): — Визит Хрущева не может повредить ни одной стране, а может только помочь. Но едва ли он изменит его отношение к нам. Он коммунист и коммунистом останется.

Опрос газеты «Кэпитал-таймс», на главной площади города Мадисон, штат Висконсин:

М. Петерсон: — Если мы сможем верить русским, такая встреча будет действенной. Было бы прекрасно, если бы обе страны доверяли друг другу, и поэтому, мне кажется, эти визиты оправдают себя.

Доминик Руссо: — Я думаю, что это действительно хорошая мысль — пригласить Хрущева сюда. Это будет содействовать миру во всем мире гораздо больше, чем если бы он оставался на родине. Хрущев, по-видимому, такой человек, который воспринимает доводы разума.

Дик Зулек: — Я думаю, что это хорошая мысль. Им надо встретиться и покончить с разногласиями. Это означает уступки, но именно на это надо пойти.

Кларенс Лукаш: — Порознь мы действуем не очень хорошо. Может быть, будет хорошо, если они встретятся. Личная встреча лучше всех этих дипломатических нот.

Одноэтажная Америка приглашает

Пока в массивном здании биржи Нью-Йорка идет паника, пока некоторые конгрессмены рассуждают о том, как бы ухитриться закончить работу законодательного органа до 15 сентября, чтобы не приглашать Н. С. Хрущева выступить в Капитолии, одноэтажная Америка простых людей засыпала конгрессменов, губернаторов, госдепартамент, редакции газет письмами и приглашениями Никите Сергеевичу Хрущеву. Нет, обыкновенные американцы не собираются показывать Никите Сергеевичу ракетные базы! Они хотят показать человеку с открытым сердцем свои хлебопекарни, свои жилища, свою кукурузу, свои машины. Они встречают гостя тоже с открытым сердцем.

Маслодел, живущий около Монтгомери (Алабама), хочет, чтобы «господин Хрущев осмотрел нашу молочную ферму».

Директор пекарни в Стоктоне (Калифорния) пишет: «Мы гордимся своей пекарней, мы выпекаем отличный хлеб, так как месим тесто по новому, непрерывному способу. Хрущеву следует ознакомиться с американской промышленностью малых масштабов».

И еще об одном приглашении мне хочется рассказать. Перелистывая подшивку «Огонька» за 1945 год, я наткнулся на фотографию, изображающую один из эпизодов встречи советских и американских войск на Эльбе. С чуть пожелтевших страниц повеяло ушедшими уже в далекое прошлое, но никогда не забываемыми днями войны, когда советский и американский народы шли вместе к одной цели. А что думают о визите Хрущева те американцы, что дрались вместе с советскими людьми против общего врага? Мы решили поговорить с одним из тех, кто был запечатлен на снимке. Легче всего оказалось разыскать адрес Джозефа Половского. Он живет в Чикаго. Я позвонил ему.

— О, мы все помним об Эльбе! — ответил Половский на мой вопрос.— Это был первый непосредственный контакт между американцами и русскими. Мы ждем новых контактов. И все мы, ветераны, будем сердечно встречать господина Хрущева. Мы надеемся, что будем иметь возможность увидеться с ним и выразить ему наши искренние, дружеские чувства. Еще я хотел бы сказать вам, что был бы счастлив, если бы Никита Сергеевич Хрущев мог посетить мою семью, когда будет в Чикаго. Передайте ему мое приглашение.

— Обязательно передадим. Не хотели бы вы, Джозеф, сказать что-нибудь вашим друзьям, с которыми вы встречались на Эльбе?

— С удовольствием. Передайте моему другу, лейтенанту Григорию Голобородько, вот что. Записывайте: «Дорогой Голобородько, я уверен, что во время встречи Хрущева и Эйзенхауэра мы тоже будем с тобой вместе — вместе по духу. Дружба между нашими народами имеет исторические корни. Она окрепла во время войны. Надо, чтобы наши руководители развивали эту дружбу».

Итак, через три недели мы будем провожать Никиту Сергеевича Хрущева в поездку за океан. Его ждут там по-разному: кое-кто с легким беспокойством, кое-кто с большой тревогой. Но подавляющее большинство американцев ждет этого исторического визита с дружбой и надеждой: ведь к ним едет человек с открытым сердцем.

Находящаяся в Советском Союзе правительственная делегация Гвинейской Республики, возглавляемая председателем Национального собрания Гвинеи, членом Политбюро и политическим секретарем Демократической партии Гвинеи Сайфулай Диалло, нанесла в Кремле визит первому заместителю Председателя Совета Министров СССР А. И. Микояну. На снимке (справа налево): Сайфулай Диалло, А. И. Микоян, министр общественных работ Исмаил Туре, генеральный секретарь правительства Жан Фараге Тункара.

Фото А. Гостева.

Первый секретарь ЦК КП Чехословакии и президент Чехословацкой Республики Антонин Новотный (справа) посетил выставку чехословацкого стекла в Центральном выставочном зале в Москве.

Фото Карела Чейка.

19 августа в Кремле состоялось вручение международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» греческому писателю Костасу Варналису. На снимке: И. Г. Эренбург и Костас Варналис.

Фото А. Гостева.

В годы народной власти в степи вырос химический завод (Сэвинешть, Молдова).

Горы Молдовы — богатейшая кладовая полезных ископаемых. На руднике Леши-Урсулуп.

23 августа — пятнадцатилетие освобождения Румынии от фашистского ига

МОЛОДЕЕТ ДРЕВ

К. АЛЕКСАНДРЕСКУ,
румынский журналист

Фото И. Грека.

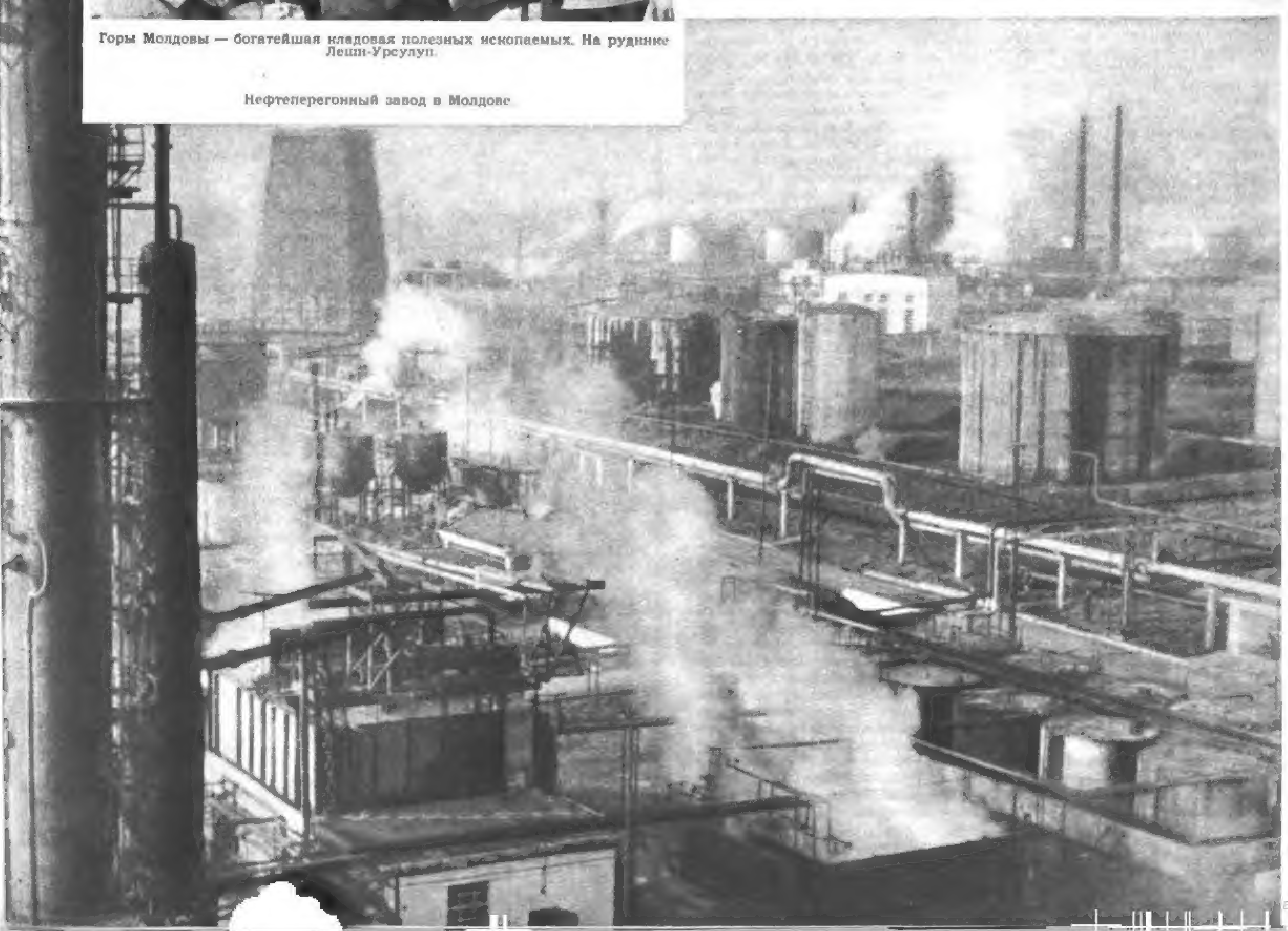
Молдова — область на северо-востоке Румынии. Новая судьба этого некогда нищего и заброшенного края — яркий и убедительный символ. Символ того, как преобразует землю своей родины румынский народ, полтора десятка лет назад сбросивший цепи фашистского рабства.

Бырлад... Многие из вас, конечно, не слыхали этого слова. И это естественно: совсем недавно Бырлад был маленьким пыльным городком, как две капли воды похожим на другие города Молдовы. В прошлом известен он был разве что своими трущобами, беспросветной бедностью и безграмотностью. Медленно и уныло текли там дни и годы. Лишь во время ярмарок, на которые съезжались окрестные бояре-землевладельцы, этот городок с его мелочными лавчонками, кабачками и продавцами лимонада словно просыпался.

Может быть, советские друзья с Московского шарикоподшипникового завода смогли бы лучше, чем я, рассказать о сегодняшнем Бырладе. Они проработали там долгое время на постройке первого в Румынии шарикоподшипникового завода, который не только вдохнул новую жизнь в старый городок, но и стал гордостью нашей страны. В Бырладе родилось новое рабочее племя, сознательное и трудолюбивое. Архитекторы и строители придали новые черты городу, воздвигнув красивые каменные здания на бывших пыльных пустырях.

Но, рассказывая о Молдове, нельзя говорить только о Бырладе. Огромные перемены произошли за годы народно-демократической власти в этой провинции, где безраздельно царила бедность, но где недра таили в себе неисчислимые богатства. Живой иллюстрацией могут служить земли по обеим сторонам реки Тротуш. Здесь открыты большие запасы нефти, газа, соли. Одни соляные залежи вблизи местечка

Нефтеперегонный завод в Молдове.

...НЯЯ ЗЕМЛЯ

Биказ. Строительство ГЭС имени В. И. Ленина. Река Бистрица вскоре даст энергию для десятков предприятий и сел.

Борзешть могли бы снабжать весь мир солью в течение пятисот лет. Село Борзешть до недавнего времени было известно только как место, связанное с историческим прошлым Румынии. Теперь в Борзешти творится новая история страны. Там работает мощная электростанция, строится огромный комплекс химических предприятий — сооружения протянулись более чем на пять километров. Через несколько лет химкомбинат в Борзешти будет давать стране четвертую часть всей нашей химической продукции, которая и без того выросла уже в десять раз по сравнению с довоенным временем.

Недалеко отсюда видны дома города химиков, который пока еще не обозначен ни на одной географической карте. Город растет, как на дрожжах, со всех концов страны сюда приезжают молодые энтузиасты, чтобы принять участие в строительстве одного из самых крупных промышленных объектов народно-демократической Румынии.

По всей Румынии идет слава о Биказе. Биказ — это будущее Молдовы. Здесь вскоре будет возведена одна из самых больших гидроцентралей Румынии. На двадцать километров раскинулась эта стройка среди могучих гор по узкой долине Бистрицы. Если глядеть с высоты 127-метровой плотины, Бистрица кажется узенькой ленточкой, зажатой меж бетонных берегов, которые пока оставили свободным ее русло. Строительство приближается к концу. Пройдет не больше года — и поток энергии и света потечет по линиям высокого напряжения к новым комбинатам и заводам Молдовы, передавая преображенную силу волн Бистрицы тысячам машин и агрегатов, зажигая электрические огни в десятках сел, до недавнего времени знавших только лучину.

Энергия Бистрицы дойдет и до трубопрокатного завода в городе Романе. Плод братского сотрудничества между Румынией и Советским Союзом, этот завод — самый большой на юго-востоке Европы и один из самых больших и современных в мире.

Рассказанное здесь не исчерпывает и малой доли того, что сделано нашим народом для индустриализации этого края, только сейчас по-настоящему раскрывающего свои сокровища настоящему хозяину — народу.

Картина была бы неполной, если бы мы не упомянули и о новом в сельском хозяйстве Молдовы. Раньше трудящийся крестьянин не чувствовал себя прочно на этой плодородной земле. Нелегок был его труд, примитивна техника. Ныне тысячи тракторов и комбайнов помогают брать у молдовской земли ее дары. Впервые труженики полей, объединившись по совету и указанию партии рабочего класса в сельскохозяйственные товарищества и коллективные сельские хозяйства, возвратили себе, как хорошо сказал наш писатель Джео Богза, «тысячелетнее право сеять и собирать урожай».

Молдова, когда-то отсталая и забитая, широким шагом движется к социализму. Таков путь и всей народно-демократической Румынии.

Неустанно идет разведка недр Молдовы. На подвесном мосту в Молдовских Карпатах

Идет сбор винограда...

СУИТ С МАДУРЫ

О. ЧЕЧЕТКИНА

Вот история Суита с острова Мадуры. Это история жизни Суита, его победы, о которой столько говорили в Индонезии.

Мадура лежит совсем рядом, всего в 5—6 километрах от Явы. Про Индонезию говорят, что она была создана богом впопыхах, уже в самый последний день, когда на дне большого мешка остались только мелкие куски, которые творец и высыпал у экватора. Но если так говорят про всю Индонезию, то Мадура, видно, была самым последним куском, выброшенным в голубые воды Яванского моря.

Природа обошла остров. Все острова Индонезии — от крупнейшего Калимантана до самых крошечных — покрыты буйной, пышной растительностью. Реки — могучие равнинные или быстрые горные — пересекают Яву, Суматру, Калимантан, журчат по зеленым склонам Бали и Молуккских островов. Основное богатство скупой природы Мадуры — соль. Зато снабжает она ею почти всю Индонезию.

Мадура принимает на себя все штормы широких океанских просторов и прикрывает собой Сурабайю от любых, самых буйных морских ветров.

Не потому ли мадурцы славятся своей смелостью, силой, мужеством в борьбе, преданностью в дружбе, любовью к морю?

Суит — потомок тех гордых племен мастеров-кораблестроителей, которые на остроносых судах, украшенных цветами, предназначенными морским богам, отправлялись торговать на самые отдаленные острова Полинезии, нередко доходя и до берегов Китая.

С тех пор как он помнит себя, жизнь Суита связана с морем. Море — его кормилец, его друг, его самая большая любовь. Отец Суита был мадурским рыбаком, и сам он с детских лет умел ставить паруса, закидывать сети; по едва уловимому признаку угадывал приближение бури; по оттенкам вечерней зари мог предсказать погоду; знал, когда, где и каким будет улов. Одним словом, Суит — это мадурец, моряк. И, как у каждого мадурца и моряка, у него богатая приключениями жизнь, хотя измерена она всего двадцатью с небольшим годами.

Но сегодня речь идет только об одном — о том, что приключилось с молодым мадурцем на голландском пароходе «Рубиа».

Эту историю рассказал мне сам Суит.

— Нанимался-то, впрочем, я не специально на «Рубиа», а на любое судно, отправлявшееся в дальнее плавание. Ну, конечно, при всех обстоятельствах оно было бы голландским. Каким же другим? Индонезийского флота пока еще нет. Нанимал индонезийцев голландский агент, без контракта, «на веру». Мадурцы — неплохие моряки, но только нас брали не в матросы, а в буфетные, в «бои».

Первым на нашем пути был Неаполь. Ничего не скажешь, красивый город. Очень красивый! Только там все и началось. Уже много дней подряд нам давали всего плошку риса в день. Сначала мы ждали: думали, что просто где-то не утрясли вопрос о питании и скоро все наладится. Мы обратились к главному повару. Нам, мусульманам, нужна своя пища. Мы не можем больше жить этой несчастной плошкой «голого» риса. Кок сказал: «Хорошо, хорошо, ребята! Но надо потерпеть до Нью-Йорка».

Вам, наверное, уже говорили о терпеливости индонезийцев? Я-то лично думаю, что у нас ее слишком много. Может, бог с остатками земли выбросил на наши острова и все многотерпение, которое следовало бы разложить на всех... Одним словом, мы терпели. Но та же песня заводилась и в Нью-Йорке, и в Сан-Франциско, и в Канаде.

Пришли в Кейптаун. И, когда кок опять затянул свое «потерпите, ребята», у нас терпение лопнуло. Мы решили действовать. Вам, должно быть, известно, что у нас на каждом пароходе, будь он хоть в самом дальнем плавании, есть обязательно профсоюзная группа. Мы вступили все в союз моряков в Сурабайе. Наш союз крепкий, боевой. А я как раз был секретарем профсоюзной группы на «Рубиа». Меня выбрали еще до отплытия в Голландию.

Мы и начали действовать. Как? Очень просто: потребовали немедленно убрать повара. Иначе мы уйдем с судна. Мы знали, что это угроза серьезная: им не найти такой дешевой прислуги в Европе или Америке. К тому же не только мы, но и голландцы хорошо знают, что в Сурабайе наш профсоюз всегда поддержит нас. Выбрали делегацию, меня руководителем, и мы пошли к капитану Бауму...

Суит вспоминает этот приход. В тот момент в нем заговорило все: гордая и смелая кровь мадурцев, сознание нового чувства — чувства локтя товарища. У них была общая сила — профсоюзная организация, и он ее вожак.

Так стоял он перед голландцем, молодой, с мужественным взлетом тонких бровей над большими, гневно сверкающими глазами. Понял ли голландский капитан, что этот молодой мадурец, беспредельно любящий море, мог быть прекрасным матросом, верным товарищем в трудную минуту? Понял ли, что перед ним человек из другого времени, из новой эпохи и что сам он, капитан Баум, безнадежно отстал от времени? Нет, он ничего не понял, как не понимают этого некоторые его соотечественники, все еще мечтающие о возврате тех времен, когда Голландия кичилась своими колониальными владениями и «солнце никогда не заходило над Нидерландской империей — от Северного моря до Новой Гвинеи».

Для капитана Баума Суит и его товарищи продолжали оставаться дешевой «туземной» прислугой. И он крикнул им: «Убирайтесь!».

Десять индонезийских моряков сошли на землю.

Но сейчас уже не время «империи от Северного моря до Новой Гвинеи», и индонезийцы уже не те. В тот же день прислуга другого голландского парохода, «Южный крест», стоявшего на том же рейде, объявила забастовку в поддержку моряков с «Рубиа». Капитан Баум долго совещался с капитаном «Южного креста», а потом объявил: «Вопрос будет решен в Амстердаме». Но Суит и его товарищи уже не вернулись на «Рубиа». Они перешли на «Южный крест» и на нем пошли в Голландию.

Что их ждало в Амстердаме? Их просто-напросто выбросили, списали с судна и посадили в какую-то конюшню в порту. Начальник конторы голландской компании посмеивался: «Ну-с, сбежали с «Рубиа»?.. Да, да, у меня есть телеграмма. Придется, приятели, возвращаться в Индонезию».

— Мы протестовали, требовали справедливого решения вопроса,— продолжает Суит.— Но голландцы гнули свое. Они не захотели считаться даже с профсоюзом. А надо вам сказать, что в это время в Сурабайе и в Джакарте союз портовых рабочих уже начал борьбу в нашу поддержку. Он обратился к морякам и докерам Голландии и Австралии, в порты, куда часто заходят голландские суда, с призывом: солидарность! И все-таки администрация компании в Голландии не захотела ни с чем считаться. Нас арестовали, ну, совсем как это бывало в довоенное время!.. Впихнули нас в автобус, бросили туда наши вещи. Меня схватили два полицейских, как какого-нибудь преступника. И, конечно, они не выплатили нам ни гроша.

Два дня держали нас в заключении, а потом, ничего не говоря, отвезли в аэропорт и отправили самолетом в Индонезию. Нам было ясно: голландцы испугались рабочей солидарности; стало известно, что во многих странах, куда заходят голландские суда, портовики готовят им бойкот. Матросы на других голландских пароходах тоже заявили о своей поддержке требований профсоюза. Именно это как раз и помогло нам в те трудные дни вдали от родины.

Уже вернувшись в Сурабайю, в результате борьбы профсоюза мы наконец получили свою заработную плату за плавание на этом окаянном «Рубиа».

Вы спрашиваете, почему товарищи из союза говорят здесь: «Мы одержали победу»? А как же? Разве это не победа, когда компания «Роттердамше лойд» вынуждена была выплатить матросам-индонезийцам с парохода «Рубиа» полную заработную плату? О, мы теперь сильные! Времена голландских колонизаторов прошли. Теперь, если они хотят с нами работать (а почему бы нам не плавать на иностранных судах, пока у нас нет своего флота?), так вот если они хотят этого, то пусть забудут, что нами можно помыкать. Мы этого не позволим. Равные с равными, за хорошую работу — хорошая зарплата и честное отношение. Вот на этом принципе, пожалуйста, давайте плавать по морям, ко всем континентам.

Таков он, молодой моряк, сын рыбака, Суит с острова Мадуры.

...И вот сейчас мы плывем из Сурабайи на небольшой лодке на Мадуру, в деревню, где живет семья Суита.

Деревня Таджунган спускается почти к самому морю. Дома стоят один к одному, бедные, старые, но с аккуратно прибранными палисадниками, террасами. Вдоль берега идет «набережная» — длинная насыпь, выложенная серым камнем, на ней сушатся рыбачьи сети.

Дом семьи Суита стоит в этом ряду приморской «улицы», маленький, в одну комнатушку, с крошечной верандой, такой же ветхий и так же бедно обставленный, как и все другие дома Таджунгана.

Мать Суита, еще не старая женщина, радостно-хлопотливая, гордая за сына, счастливая встречей с ним, долго вытирала чистым полотенцем стулья, прежде чем усадить нас на веранде. Сейчас же появились горячий кофе, дешевые деревенские леденцы и печенье.

— Мальчик ведь был совсем еще маленьким, когда умер отец,— объясняет мне Сути (так зовут мать моряка).— Когда Суит подрос и пошел на заработок в Сурабайю (сколько же ему тогда было? Лет, пожалуй, уже двенадцать), тогда стало легче. Но все же в семье осталось четверо детей. Их ведь одной рыбой не прокормишь, да и ту надо кому-то ловить. Как у нас живут люди? Все живут морем. Одни рыбачат, другие нанимаются на суда. Некоторые рыбачат и продают улов здесь, а другие — у кого хорошая лодка — возят рыбу в Сурабайю. Это же махина, этот город Сурабайя, там рыба всегда нужна. Только ведь и море не всегда ласковое да доброе... Другой раз заштормит так, что вся рыба попрячется, а другой раз и тихо и луна по ночам, а рыбы опять нет.

— Какие у вас планы на будущее, Суит?

— Трудно сказать. Пока ведь еще неизвестно, уволила ли меня компания. Во всяком случае я буду еще бороться, и товарищи так говорят. Ну, а если все же меня уволят, буду искать новую работу. Я ведь не один: у нас профсоюз, да и времена не те...

И вот мы возвращаемся на Яву. Мы идем по берегу, и я вижу, как много здесь приятелей Суита, а знаком он почти со всеми. Сразу его обступают голоса:

— Селамат сианг! Добрый день!

— А, привет герою!

— Какой же он герой? Он голодающий.

— А что, Суит, чем голландцы кормят мусульман?..

Суит отмахивается, но можно представить, какие здесь начнутся разговоры, как только он, проводив нас до центра Гресика, вернется на базар.

Сурабайя.

Участники Международного фестиваля аплодируют С. Бондарчуку, получившему «Большой золотой приз».

Фото Е. Умнова.

Член жюри художественных фильмов профессор А. Броусил поздравляет своих соотечественников — режиссера фильма «Бегство из тени» И. Секвенса и исполнительницу главной роли актрису Л. Вондлову — с присуждением серебряной медали.

До скорого свидания!

Итак, Международный кинофестиваль в Москве закончился. Разъехались гости. Сняты флаги стран мира с гостиницы «Москва». Вернулись к своим делам кинематографисты. И все же фестиваль не сходит с уст советских зрителей, фестивалем полны сердца уехавших гостей, фестиваль на страницах мировой прессы...

Чем же покорил Московский фестиваль всех его участников — не только представителей 48 стран, официально принимавших участие в конкурсе, но еще и многомиллионного московского зрителя?

Те, кому приходилось бывать на других международных кинофестивалях, отвечают на этот вопрос так: Московский фестиваль отличался необычайно дружеской и творческой обстановкой. В центре фестиваля было не торжище фильмов, как обычно, а большие раздумья о путях развития современного киноискусства.

Все с радостью отметили огромный рост молодых сил, успехи молодых кинематографий, представивших на фестиваль куда более талантливые и интересные фильмы, чем такие признанные лидеры киноискусства, как Франция, Италия, Великобритания... Критерий сегодняшнего киноискусства — человек, его жизнь и деятельность, показанные с высоких, гуманных позиций. Именно с этих высоких позиций ведущие кинематографисты мира, входившие в состав жюри, присудили главную премию фестиваля — «Большой золотой приз» — советскому фильму «Судьба человека».

Золотые медали получили картины: «Мы — вундеркинды» (ФРГ), «День на рассвете» (Пакистан), «Бегство из тени» (Чехословакия) и короткометражный документальный фильм «Строительство канала Бак Хинг Хай» (Вьетнам).

Серебряные медали получили документальные картины: «Властители леса» (Бельгия), «Покорители моря» (СССР), мультипликационный фильм «Маленький карп ищет славы» (Китай) и другие.

Многие фильмы получили дипломы и премии. Овацией было встречено на торжественном закрытии фестиваля сообщение о присуждении премии Союза кинематографистов талантливой итальянской актрисе Джульетте Мазина. Фильм с ее участием «Ночи Кабирии» пользовался у зрителей большим успехом.

Впрочем, на неуспех никто не жаловался. Наши гости оценили русское гостеприимство, и не было человека, который, покидая Москву, не говорил бы: «Я к вам обязательно еще приеду». Сейчас эти обещания легко выполнить. Ведь столько завязано новых связей, столько установилось дружеских контактов, столько запроектировано интересных совместных постановок!..

Уезжая, все говорили друг другу: «До свидания!..» «До свидания на экране, на фестивале, в киностудии за совместной работой»...

До скорого свидания, дорогие друзья!..

Наш корреспондент обратился к членам жюри фестиваля с просьбой поделиться впечатлениями о просмотренных фильмах.

Вот что они нам сказали.

«СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА» ЗАРАЖАЕТ СИЛОЙ И НЕЖНОСТЬЮ

Кристиан ЖАК,
кинорежиссер (Франция)

«Судьба человека» — превосходный фильм. Трудно найти другие слова, чтобы говорить о нем. Невозможно анализировать отдельно игру актеров, работу режиссера, оператора, ибо картина превосходна со всех точек зрения. Это фильм огромной силы и нежности, он наполнен чистотой и надеждой.

Человек, захваченный вихрем войны, все потерял. Черные тучи окутали его. И все же он нашел силы пройти через все это, нашел силы взять ребенка — обездоленное и беспомощное существо, песчинку, гонимую вихрем войны... Все большие события, чувства показаны с тактом, вкусом, сдержанностью. Тут мне особенно хочется отметить необыкновенную игру мальчика. Если бы в картине не было никаких других достоинств, то лишь за одни эпизоды с ребенком, которые созданы так тонко, глубоко и правдиво, с огромной трагической силой,— лишь за одно это Бондарчука следовало бы считать большим талантом!..

«МЫ — ВУНДЕРКИНДЫ» РАЗОБЛАЧАЕТ ФАШИЗМ

Ганс РОДЕНБЕРГ,
профессор (ГДР)

Мне еще до фестиваля был знаком фильм ФРГ «Мы — вундеркинды». Эта картина с большим успехом демонстрировалась в Германии. Она шла и в Западной зоне и у нас, в демократической республике. Причина ее успеха, конечно, в очень оригинальной режиссуре, хорошем сценарии, талантливой игре артистов. Но главное, в ее бесспорной антифашистской и антивоенной направленности.

Правда, герой фильма не борец. Это страдающий, пассивный и аполитичный немецкий интеллигент. Он антифашист по взглядам, а не по действиям. И в этом слабость фильма, да и романа, по которому он сделан. Ведь из-за пассивности таких именно людей фашизм и возрождается сейчас в Западной Германии. Но, тем не менее, картина объективно разоблачает современных хозяев Бонна, предупреждает против возрождения фашизма.

А для нас этот фильм очень важен еще и потому, что через эту картину, через дискуссии вокруг нее мы находим новых союзников в Западной Германии — людей, готовых на борьбу за упрочение мира и за мирный договор.

•

«БЕГСТВО ИЗ ТЕНИ» ВОЛНУЕТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГЛУБИНОЙ

Анри СТОРК,
режиссер (Бельгия)

Правдивостью рассказа, точностью характеристик и прежде всего их большой психологической глубиной волнует чехословацкий фильм «Бегство из тени». Работа молодого режиссера Иржи Секвенса очень понравилась мне. Режиссер избежал штампов и схематизма, часто бытующих в фильмах, которые говорят о так называемых семейных конфликтах. Раскрывая человеческие отношения, он с большим проникновением показывает формирование человека социалистического общества.

•

«ДЕНЬ НА РАССВЕТЕ» ЗВУЧИТ ОПТИМИСТИЧЕСКИ

Ежи ТЕПЛИЦ,
профессор (Польша)

Фильм Пакистана «День на рассвете» — это большой сюрприз фестиваля. До сих пор в Пакистане существовала довольно примитивная кинематография. И это не удивительно: ведь она там еще только зарождается. И вдруг появился этот глубоко человечный, поэтичный фильм, где с живостью и наблюдательностью увидены люди, их своеобразие, где мужественно и реалистически показаны те трудности, которые преодолевает народ.

Фильм звучит оптимистически. Он утверждает, что простой человек сильнее условий, в какие он подчас бывает поставлен судьбой, и обладает волей к победе.

Ценность фильма и в этой гуманной идее и в прекрасном сочетании операторской и режиссерской работы с очень хорошей, правдивой игрой актеров-непрофессионалов.

«СТРОИТЕЛЬСТВО КАНАЛА БАК ХИНГ ХАЙ» ЗНАКОМИТ С НАРОДОМ ВЬЕТНАМА

Йорис ИВЕНС,
кинорежиссер (Голландия)

Я поистине счастлив, что жюри присудило вьетнамскому фильму «Строительство канала Бак Хинг Хай» золотую медаль.

Мы видели много картин о больших стройках в социалистических странах. Вьетнамский фильм тоже решает эту тему, решает необыкновенно свежо и оригинально. Камера оператора всегда в гуще народа, на первом плане всегда человек, поэтому картина очень человечна, гуманна. Фильм показывает энтузиазм, неистощимую изобретательность людей, строящих социализм.

Создатели фильма останавливают внимание только на самом существенном, самом главном. Вот почему короткометражная картина дает столь яркое представление о замечательном народе Вьетнама.

•

«ПУТЬ» И «ПОКОРИТЕЛИ МОРЯ» ВПЕЧАТЛЯЮТ ЖИВОЙ НАГЛЯДНОСТЬЮ

ГАО ВЭЙ-ЦЗИНЬ,
редактор (Китай)

В документальном фильме «Путь» видна та большая дорога жизни, которую прошел польский народ. Создатели этой картины талантливо использовали исторические и архивные документы и показали не только историю Польской рабочей партии, но и то, как революции в других странах, их опыт помогают польскому народу в построении социализма.

Не могу умолчать о фильме «Покорители моря». У нас в Китае с большим успехом прошла «Повесть о нефтяниках Каспия». Сейчас я вновь встретилась со многими героями фильма как со старыми дорогими и любимыми друзьями. Мы уже видели, как рабочие-нефтяники начинали строить свой чудесный город на море. А теперь с большим интересом смотрим, как живет этот молодой промышленный город нефтяников на Каспийском море. Фильм сделан строго, правдиво и вместе с тем так эмоционально, что впечатляет своей живой наглядностью больше, чем многие художественные картины.

Рисунок Гр. Оганова.

СО ВРЕМЕН ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ

Четыре интервью по поводу одного письма

Этот павильон мне особенно близок: я работала здесь и тогда, когда он был на промышленной выставке, и сейчас, когда он именуется павильоном «Машиностроение» Выставки достижений народного хозяйства. Я всегда испытывала волнение в торжественный день открытия. Вот распахнутся двери — и войдут люди. Люди, выросшие за год. Понравится ли им? Какие вопросы, пожелания будут к нам, работникам павильона? Но, пожалуй, никогда я так не волновалась, как в нынешнем году. Все здесь у нас сейчас необычно. Несколько лет тому назад мы показывали наши достижения, новые модели. А нынче? Рядом с новыми моделями — устаревшие, те, что уже уходят или должны уйти.

Как воспримут это посетители выставки, люди, которые придут в наш павильон, самый большой среди других: более 20 тысяч квадратных метров, 26 залов?

В первый же день сплошной людской поток.

Я стояла и наблюдала. Сначала оживленные и радостные лица. А потом на лицах промелькнуло недоумение. Один из товарищей подошел ко мне и спросил возмущенно:

— Послушайте, для чего вы нам эту рухлядь демонстрируете?

— А вы походите по залам, посмотрите, потом поговорим,— ответила я.

Зашел он ко мне часа через четыре; говорит, смущенно улыбаясь:

— А вы знаете, просто здорово! Здесь ведь настоящая производственная школа. Спасибо!

Здесь люди спорят возле машин, предлагают, советуют. Сразу, как войдете в павильон, увидите масляный выключатель «МКП-220». По своим размерам это великан. Одна фаза весит более 26 тонн. Выпускает его свердловский завод «Уралэлектроаппарат». А рядом новая конструкция — малообъемный масляный выключатель. Это просто малютка рядом со своим собратом, хотя напряжение у него такое же, а мощность больше. Для сравнения приведу лишь одну цифру: у новичка вес одной фазы составляет всего лишь 3,5 тонны.

Пройдите чуть дальше, и вы увидите станок для насекания зубьев. Возле него особенно людно. Почему? Привлекает оригинальная надпись: «Станок существует во всем мире со времен Леонардо да Винчи, то есть около пятисот лет».

На лицах посетителей и улыбки и удивление. Кто-то спрашивает: «Неужели такие станки выпускает завод? Кстати, откуда они? С напильного, Луганского? Надо бы поинтересоваться». А рядом с «пятисотлетним старичком» уже новая модель такого же станка — полуавтомат «Е319». Один рабочий может обслуживать пять таких автоматов. Скоро их начнет выпускать Егорьевский завод «Комсомолец» Московской области.

А над приборами завода «Теплоконтроль» плакат: «Татарский совнархоз должен ускорить модернизацию выпускаемых изделий».

За короткий срок в нашем павильоне побывали рабочие, директора заводов, руководители совнархозов. И, честно говоря, далеко не для всех было это парадным шествием.

Ведь раньше было так: директор завода, главный инженер гордо шагали по павильону: здесь все самое лучшее, самое новое, а то, что где-то там, у них на заводе, выпускают устаревшую конструкцию, так об этом мало кто знает.

Теперь многих хозяйственников, инженеров, конструкторов одолевают смятение, тревога, раздумье: «О наших грехах знают люди всей страны. Уже давно пора сдать в архив нашу машину, уже появилась куда более современная, а мы никак не расстанемся со стариной!..»

Недавно я просмотрела книги отзывов и предложений, которые находятся в наших залах. Там уже много толковых замечаний, много благодарностей. Люди пишут о новых конструкциях, технологических новинках. Порадовали их станки с программным управлением, почти всех заинтересовала ультразвуковая обработка деталей.

Но есть и такие записи: «Хорошо, что выставлены машины новые и устаревшие. Мне кажется, что выставку «гробов» нужно было поставить на один участок и указать фамилии директоров заводов, выпускающих отсталую технику. Это поможет им побыстрее перестроиться. Инженер из Ленинграда».

Многие спрашивают меня: а что сейчас предпринимают там, на заводе, где еще выпускают устаревшие машины? Модернизируют ли технику? Не знаете? И как помогают таким заводам совнархозы?

Что ответить на эти вопросы?

Инженер А. ЛЮБАШЕВСКАЯ

Получив письмо инженера тов. Любашевской, мы решили помочь ей. С вопросами, которые адресованы к ней, работнику выставки, редакция обратилась к руководителям некоторых предприятий, совнархозов.

Вот что они сообщили нашим корреспондентам.

Я. Н. РУСАКОВ,
главный инженер автомобильного завода (Брянск)

Вопрос. Нас интересует двигатель-дизель на гусеничных тракторах «6 К ДМ-50». Модель его выставлена на выставке как устаревшая. Ваш завод и сейчас выпускает этот двигатель?

Ответ. Да, к сожалению, выпускаем. Обидно еще и то, что эти двигатели сконструированы на Челябинском тракторном заводе и переданы нам. В этом году наше конструкторское бюро работает над модернизацией дизеля. Хотим снизить удельный вес двигателя с 19 до 12 килограммов. Но пока все наши проекты на бумаге.

А. М. ТАТОЛИ,
директор завода имени Рудь (Луганск)

Вопрос. Вы еще выпускаете станки для насекания зубьев, один из которых представлен на выставке? Ваш станок — своеобразная сенсация: ему почти пятьсот лет.

Ответ. Мы перестали выпускать эти станки. Сейчас они уже модернизированы нами.

Наш завод сконструировал новый станок пневматического управления. Процесс насекания зубьев будет автоматизирован. Первый опытный образец уже запущен в производство. Думаем, что в четвертом квартале этого года начнем их выпускать серийно.

С. И. АЛИГИН,
начальник производственно-технического отдела Татарского совнархоза (Казань)

Вопрос. Знаете ли вы, что устаревшие приборы-дифманометры завода «Теплоконтроль» выставлены в павильоне?

Ответ. Да, знаем. Но мы хотим сообщить, что на выставке скоро появится новая модель. На этом заводе уже выпускают дифманометры с более высоким классом точности, с увеличенным сроком действия и гораздо меньших габаритов.

В этом году на «Теплоконтроле» создано новое конструкторское бюро. Там уже разрабатываются универсальные и еще более совершенные приборы теплового контроля.

Б. Д. ИВАНОВ,
заместитель начальника управления электротехнической промышленности Свердловского совнархоза (Свердловск)

Вопрос. Нас интересует, как обстоят дела с масляным выключателем, который экспонируется на выставке.

Ответ. Завод «Уралэлектроаппарат» снял его с производства. Сейчас он модернизирован. Вес фазы значительно снижен, а мощность увеличена.

Вопрос. А что мешает внедрению в производство новой техники?

Ответ. Если говорить о нашем заводе «Уралэлектроаппарат», то прежде всего отсутствие необходимой лабораторно-экспериментальной базы. Сделаем свою машину, а отправляем ее испытывать за тысячи километров от Урала; иногда на это уходят годы. Между тем Госплан РСФСР, приняв решение создать такую научно-экспериментальную базу, материально не подкрепил его.

Они стоят рядом: старый, тяжелый и громоздкий масляный выключатель и новый, легкий, куда более совершенный.

• • •

Что можно сказать по поводу четырех этих интервью? Кое-кто пока еще медленно отказывается от проторенных дорог. Легче, конечно, выпускать машины, приборы, станки, давным-давно освоенные, хотя жизнь властно требует: пора их сдать в музей, пора их заменить новыми, более совершенными, такими, которые действительно стоят на уровне современной науки и техники. К сожалению, далеко не везде энергично, как того требуют решения июньского Пленума ЦК КПСС, взялись за освоение производства новой техники, которая должна заменить устаревшую. Даже такое передовое предприятие, как столичный станкостроительный завод «Красный пролетарий», дающий первоклассные станки, продолжает выпускать многошпиндельные токарные полуавтоматы конструкции... 1936 года.

Надо надеяться, что проходящий сейчас на многих предприятиях общественный смотр технического уровня машин и приборов в немалой мере посодействует успехам нашей промышленности.

С. Герасимов. ПЛОЩАДЬ СВЯТОГО МАРКА В ВЕНЕЦИИ.

ВЫСТАВКА В ДОМЕ ДРУЖБЫ С НАРОДАМИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Н. Пономарев. ХАЙФОН. ВЬЕТНАМ.

В. Иванов. ПО ДОРОГЕ В АСУАН. ЕГИПЕТ.

К. Максимов. ПОРТРЕТ КИТАЙСКОЙ ДЕВУШКИ.

ЗНАКОМОЕ ЛИЦО

Главы из повести

Валерия ГЕРАСИМОВА

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

«Фауст»

После поездки на рыбалку прошло несколько дней. И вот элегантный чемоданчик уже готов. Когда-то певица Нелидова брала его с собой на концерты. Теперь в него были уложены мягкие туфли, халат, лекарства. В Праге Ирине Игнатьевне предстояло пробыть недолго.

Пожалуй, никогда муж не следил за ее сборами с таким нетерпением. Даже исчезла мысль: почему для него так важен этот отъезд? Страстно хотелось только одного, — чтобы эта туго затянутая, располневшая женщина как можно скорее вышла из комнаты.

А она медлила: волновал и предстоящий дебют любимой ученицы и многочисленные письма и телеграммы, недавно полученные к торжественной юбилейной дате.

Неловко, по-черепашьи двигая руками, Ирина Игнатьевна продолжала перебирать разноцветные конверты и бланки, изредка называя: «от Зины», «Женя вспомнила», «Галечка из Киева».

Ведь за каждым именем стояли годы исполненной радостей и печалей работы. Ей трудно было оторваться от этих бумажек потому, что это были клочки ее собственной жизни. Уголком платка, стараясь не смазать с ресниц тушь, Ирина Игнатьевна смахивала слезинки.

— Подумай, даже из Улан-Батора есть, от Каджимбы... «Моей уважаемой старшей подруге, второй моей матери...» — дрогнувшим голосом прочла она.

Лишь когда в номер вошел Марек и сообщил, что машина подана, Ирина Игнатьевна гордо выпрямилась и нервным движением спустила на лицо сиреневую вуалетку.

Прощаясь, она с торопливой проникновенностью перекрестила мужа. И это обязательное механическое движение сразу же напомнило ему тещу. Но Алевтина Евгеньевна хоть верила... Шевельнувшееся было в нем теплое чувство мгновенно угасло.

Когда жена уехала, Георгий Петрович с лихорадочным нетерпением занялся подготовкой к предстоящей встрече.

— Мило, очень мило,— одобрил, осмотрев прибранную к приему комнату, Жабский. — И цветочки есть, все честь по чести. Но знаешь, Жорж, особа эта с претензиями. Хорошо бы что-нибудь особенное. Вот у Глебовских теперь совсем новый тон — обязательно свечи. Ну, а как ты сам? — Леонтий Осипович с пристрастием осмотрел и его. — Как всегда, великолепен!

Однако Георгий Петрович этого не ощущал.

Не то от лихорадочных, ревниво скрываемых от постороннего взгляда приготовлений, не то от необычности всего происходящего знакомо заныло сердце. Украдкой он лизнул палочку нитроглицерина.

Уходя, Леонтий Осипович не удержался от обобщения:

— Как ни верти, дружок, в какие донкихоты ни лезь, а жизнь есть жизнь. Завсегда свое возьмет. Бывало, разные там бытовые коммуны с общим харчем, «Синие блузы», а за самую скромную танцульку «мелкобуржуазное разложение» пришивали. А на поверку и в гости ходим и чаек с домашним вареньицем попиваем. А главное, до черта все красивенькое любим!

Неудержимо захотелось немедленно его выставить, но Георгий Петрович только спросил:

— А какие же у Глебовских свечи?

С некоторых пор его захватило нечто сложное, казалось, давно погребенное. Ведь с того времени, как былое его удивительное чувство к Ирине поблекло (вернее, стало иным), он считал себя совершенно застрахованным от сердечных треволнений.

Конечно, в его жизни бывали романтические истории. И сейчас в заветном месте покоится перевязанная синей ленточкой пачка писем. Но все это были мечтательные, во многом надуманные, так и оставшиеся «на бумаге» романы. Да и иному отдавал он свою страсть, ум и время, наконец...

Но вот теперь, когда не за горами пенсия, а пока размеренная преподавательская работа и эта все еще не освоенная, страшная пустота дома... Так вот, доктор Фауст был совсем не дурак! Странно, что когда-то этот неугомонный доктор казался ему лишь литературно-оперным персонажем! И обязательно в шляпе с пером.

За вечную молодость душу дьяволу он, возможно, не продал бы, но кое-чем, конечно, поступился. Да, он это уже почти сделал, черт побери! Он, честный, порядочный человек, за которым до сих пор не числилось никакого криминала, кроме этой платонической, тщательно упрятанной пачки писем!

Как же это случилось? Почему?

Умучил ли корсет, в который его так туго затянула Ирина Игнатьевна? Но ведь он и сейчас признавал, что это пошло ему на пользу. Он далек от неокомсомольских воззрений этой врачихи из Кыштыма.

Или произошло с ним нечто до неприличия тривиальное, взыграл знаменитый возрастной «бес в ребро»? Ведь тот же Тимошин, со свойственной ему наблюдательностью, заметил его смятение, когда в парке они встретили Кору с долговязым футболистом. «Молодой к молодому», — грустно вздохнув, произнес Василий Карпович. Видно, вспомнил что-то заповедное, свое... Но ему-то легче. По многим причинам легче... У него полный дом — дети, внуки...

Но разве он обманывается, замечая, что Кора ищет с ним встреч? А эти однажды произнесенные ею памятные слова: «Вы большой, мудрый человек!»? Наконец, с какой откровен-

---

Окончание. См. «Огонек» № 34.

ной, ласковой готовностью приняла она его предложение вместе провести вечер...

Конечно, этот план не пришел бы ему в голову — помог неизменный его «Мефистофель». Узнав, что Ирина Игнатьевна на несколько дней уезжает, Леонтий Осипович заявил, что в «пятьдесят с гаком страдания юного Вертера более чем смехотворны». И мучительную мысль о «последнем глотке жизни» сразу же перевел на чисто практический язык.

— Ты бы лучше узнал, какое вино она любит,— деловито посоветовал он.

Конечно, не это главное... А вот что он ей скажет? О чем, оставшись впервые наедине, они заговорят?

Ведь любуясь этим необычайным лицом со странными, чуть раскосыми глазами, он до сих пор так и не проник куда-то дальше, глубже... Нередко он чувствовал себя докучной мухой, упорно бьющейся о прозрачное, но непроницаемое стекло.

Несколько раз он пытался расспросить Кору о том реальном, что, конечно, ее, как всех прочих, окружает. Либо она отмалчивалась, либо грустно говорила: «Об этом не надо...» Зато довольно подробно рассказала о своем тяжелом перстне с темной, чем-то похожей на мертвого жука, полустертой геммой. По ее словам, эта археологическая ценность относится к III веку до нашей эры. Обнаруживая несомненную осведомленность, порой говорила она и об искусстве индийского танца, а однажды даже появилась, обмотав свою стройную маленькую фигурку чем-то похожим на классическое сари...

Кора Александровна вошла в тот самый момент, когда от волнения он уже собирался снова прибегнуть к спасительной нитроглицериновой палочке.

Весь ее облик мгновенно принес успокоение: словно с ног до головы обдало его теплой волной и сразу же смыло пыль и пот сегодняшней мелкой, боязливой суеты.

Как бы не замечая ни бутылки шампанского в запотевшем ведерце, ни ананаса в хрустальной вазе, ни пышной корзины роз, она спокойно опустилась в кресло. Молчание, как видно, ее не смущало. Легкая улыбка приподнимала уголки ее губ. Женщина сидела, предоставляя возможность как можно лучше себя рассмотреть. И Гусев жадно ухватился за эту возможность.

Да, все было таким же непонятно притягательным, каким он это знал, каким любил... Радуясь своей смелости, он наконец хотя бы мысленно произнес это страшное слово.

— Какое у вас необычайное лицо, Кора Александровна! — невольно повторил он уже когда-то сказанную им фразу.

Не меняя положения, все так же улыбаясь, она тихо сидела перед ним.

Георгий Петрович хотел было сказать что-то о тяжелом перстне на ее безымянном пальце, но вовремя вспомнил, что это тоже было говорено.

Так, неопределенно улыбаясь, она сидела перед ним в своих белых, похожих на сари, как бы спеленавших все ее гибкое тело одеждах, и над обнаженными ее плечами покачивались тяжелые, темного металла серьги.

Человек нервный от природы, он забеспокоился и по-своему истолковал это молчание. Сделав над собой немалое усилие, он сказал, что Ирина Игнатьевна сейчас, наверное, наслаждается пением своей ученицы, а та, конечно, не скоро ее от себя отпустит; он ждет жену не раньше чем через два, три дня...

Достав из недр своего стильного одеяния плоскую коробочку, Кора вынула сигарету с золотым мундштуком.

— Вы ведь курите? — протянула она раскрытую коробочку.

Почему-то робея, он несмело взял сигарету. Но от первой же затяжки его чуть не замутило.

С тем же бесстрастным, как у буддийского изваяния, лицом женщина произнесла мудреное название какой-то фирмы, пояснив, что особый аромат табака происходит от «синтетической смолки».

Курила и даже зажигала спичку она с таким изяществом, с такой небрежной медлительностью, что это, пожалуй, можно было рассматривать как своеобразное маленькое зрелище.

Он мог бы так долго молча любоваться, как

вдруг вспомнил один из основных заветов Жабского: «Главное, не усложняй!»

— Не хотите ли? Уверяли, что тридцатилетнее...— С светской непринужденностью, привитой ему усилиями Ирины Игнатьевны, Гусев наполнил бокалы. Вино оказалось густым, темно-вишневым, почти черным.

— Наверное, «Астис спументи»? — снова произнесла она что-то неведомое.

Спокойно, крошечными глотками она осушала бокал.

— Чувствуется букет? — с озабоченностью любезного хозяина спросил Георгий Петрович.

— Конечно. Я обожаю «Астис спументи».

— Я так рад этому, дорогая Кора Александровна!

— В заграничных винах всегда свои оттенки. — Она сделала еще один крошечный гло[illegible]

— Да, конечно. Но, пожалуй, это не только в винах...

— А в чем же?

— Разве в местных пейзажах вы не находите, Кора Александровна, множества своеобразных оттенков? Совершенно особенная зелень, например.

— Да, здесь очень красиво. Только вот,— она сделала последний глоток,— в нашем санатории не так уж много хорошей публики.

Гусев никогда точно не знал, что под этим словом подразумевается, но опять в знак согласия кивнул головой.

А тем временем черное вино ударило ему в голову. Какое же это спасительное средство! Через секунду он ощущал только одно: рядом с ним дышит, улыбается, смотрит необъяснимым своим взглядом удивительное существо...

Он несмело дотронулся до длинной прохладной руки, затем смелее погладил. Она не отняла руку, как бы ничего не заметив. Ему даже почудилось, что она вся так и подалась к нему...

Что ж! Так вели себя с ним все женщины, которым он нравился. Но тогда он бежал, переключался на так называемые дружеские отношения, уходил в работу, в семью.

Но ведь этот глоток последний! Дрожащей рукой он провел еще раз, а женщина все не отодвигалась.

Так прошло несколько секунд удивительного, неповторимого забвения. Где-то совсем рядом, точно в собственной груди, он слышал тихое дыхание.

— Я давно собиралась поговорить с вами откровенно. Но, конечно, удобнее, когда вашей жены нет. Ведь она могла подумать бог знает что... Георгий Петрович, вы большой, мудрый человек. Но жизнь есть жизнь.

С усилием прорываясь сквозь теплый сумрак забытья, он вопросительно взглянул на нее. Последнюю фразу он только что слышал. Да, Леонтий Осипович...

— Все говорят, что вы настоящий гуманист, человек с большой буквы,— негромко продолжала она.— Вы поймите чувство матери. Если бы вы знали Славика... Это богатая натура. Он окончил с серебряной медалью, неплохой физкультурник. Я повесила грамоту у себя над кроватью.

Он тихонько отодвинулся — близко от него было незнакомое лицо какой-то красивой брюнетки. И эта брюнетка заметно волновалась.

— Георгий Петрович, ведь вы хороши с Шварцем и Зелениным?

Действительно, он был в дружеских отношениях с деканом института и его заместителем. Но откуда ей все это известно? Даже фамилии?

Дальше пошло все то, что за последний год преподавательской работы ему уже неоднократно приходилось слышать от страждущих мамаш.

В этой, по обыкновению, неясной, сбивчивой речи, со множеством ненужных отступлений, он в конце концов уловил только одно: ее Славик, несмотря на все свои достоинства, не прошел конкурсных испытаний, и этой беде может помочь Шварц или, на худой конец, Зеленин.

Откинувшись в своем мягком, глубоком кресле, Гусев с величайшим изумлением наблюдал, как сквозь таинственное, непроницаемое стекло, о которое он так мучительно бился, проступает то чуть распухший носик готовой расплакаться женщины, то дрожащие пальцы, нервно мнущие ненужную теперь сигарету

— Клянусь вам, что Славик совсем не стиляга, не какой-нибудь там шкет... На конкурсных испытаниях он набрал девятнадцать очков из двадцати двух. Немножко у него не получилось по физике, но это исключительно из-за нервной системы.

Вслушиваясь в особенное звучание этих «исключительно», «немножко» и «шкет», всматриваясь в живые, черные и такие откровенные сейчас глаза, он спросил уже совсем беззлобно:

— Вы, Кора Александровна, случайно не южанка?

— Да, немножко. Я из Ростова. Бывали там?

— Бывал.

— Хороший городок! — улыбнулась она.

— Чудесный...

Конечно, не была она и такой молодой, как почему-то ему казалось. Сейчас под безжалостно испытующим взглядом заметны были и тонкие морщинки у глаз и вялая складочка под подбородком. Или проступило все это тогда, когда живое волнение разбило гладкое стекло?

Кстати, почему к имени Славик она иногда присоединяет фамилию Пыжевский? В регистратуре санатория он узнал, что фамилия ее Горбачева.

Намереваясь все выяснить до конца, он спросил об этом.

— Почему Пыжевский? Так это же по первому мужу.

— Кора! — неожиданно раздался под окном уверенный молодой баритон.

Женщина вздрогнула, заторопилась.

— Сейчас! — приподняв заботливо опущенную Георгием Петровичем тяжелую штору, крикнула она в темноту, где мелькнула высокая фигура.

Недвижный в своем глубоком кресле, Гу-

сев с бесстрастием мертвеца следил за происходящим.

Как видно, уловив в этом бледном лице что-то для себя нежелательное, женщина торопливо, по-воровски прошептала:

— В Москве мы, конечно, будем встречаться! Мой телефон...

— Кора! — уже сердито прозвучал под окном все тот же звучный мужской баритон.

Как дорогого покойника, поцеловав Гусева в лоб, Кора Александровна выскользнула из комнаты.

— Аванс! — потер лоб Георгий Петрович.

Несколько секунд он сидел все так же, не ощущая боли. Скорее лишь глубокое печальное изумление. Но постепенно в нем точно восстанавливалось кровообращение: серебряное горлышко в ведерке, ананас в граненой вазе и даже свой собственный серовато-голубой, заботливо выбранный под цвет глаз галстук показались ему уликами позорного преступления.

Фауст! Где же твои кудри и шляпа с пером! Жалкий, легкомысленный, подлый старик!

И сразу же, заглушив острый голос этой боли, прорвалась иная — привычная, безысходная... Сокровенное горе не постарело за эти десять лет. Оно подступило к нему, схватило за горло... У нее-то есть ее Славик... Взяв бутылку с темно-пурпурным вином, Георгий Петрович залпом осушил бокал. Потом другой...

Странные, лохматые, жирные пятна запрыгали в глазах, точно кто с размаху залепил его лицо комьями грязи.

Растерявшись, он протирал отказавшиеся служить, заслезившиеся глаза. Потом, спотыкаясь, побрел к умывальнику. Но не успел он открыть дверь в ванную, как кто-то грубо, со всей силой толкнул его в грудь. Еще и еще...

Сердце... Он скорее нащупал, чем разглядел телефонный аппарат.

Но кому позвонить? Кого позвать? Особенно сейчас, когда от него, наверно, так и разит этим проклятым черным вином! Кого-нибудь из «интеллектуалов»? Чтобы завтра по всему курорту поползли наиболее замысловатые сплетни? Прижав руку к груди, где так опасно гремело, Георгий Петрович едва не упал на телефонный столик. И тут же смутным видением пронеслась когда-то поразившая его картина: чья-то терпеливая рука все проводит и проводит гребнем по волосам с седой прядью... Так однажды успокаивала Екатерина Сергеевна после нервного припадка его жену.

«2-12», — четко возникла в памяти цифра.

— 2-12, — прохрипел он, непослушными пальцами подняв трубку.

— Пожалуйста! — с ударением на последней букве, как всегда, любезно прозвучал милый голосок.

Минут через пять в номере «люкс» попахивало лавровишневыми каплями, а Гусев с холодным компрессом на сердце, в расстегнутой рубашке полулежал в своем глубоком кресле. Лишний свет был выключен, и только перед широкой двухспальной кроватью на тумбочке синел ночничок.

Неслышно передвигаясь, женщина со светлыми волосами тихо прибирала комнату. Ведерко с шампанским куда-то отнесла. Бутылку с остатками черного вина спрятала в тумбочку и на мгновение задумалась над корзиной роз.

— Пожалуйста, возьмите себе, Екатерина Сергеевна!

— Спасибо. Но, право, мне не надо, уже укладываюсь.

— А не принципиально? — улыбнулся Гусев.

— Уверяю вас, нет. А вообще-то уж не такая я ужасно «принципиальная». Это вы мне почему-то железобетонность приписываете. Не хотите ли ломтик ананаса? Это освежит.

— Вот кабы щей! Особенно кислых.

— Скоро отведаете. Шторы поднять?

— Если не трудно, пожалуйста!

Через мгновение в комнату ворвалось могучее, свежее дыхание травы, листьев, земли...

— Может быть, уснете? Перешли бы, Георгий Петрович, на кровать...

— Нет, нет! В голове карусель. Скажите, что это за вино «Астис спу... спи»?

— Право, не знаю.

— Впрочем, неважно. Только вот вы не уходите. Ладно? А то страшно.

Спохватившись, он придал юмористический оттенок последним словам. Но женщина серьезно взглянула на него. Послушно она опустилась на низенький, стоявший почти у его ног бархатный пуфик.

Они молчали, а Георгий Петрович прилежно, но совсем иначе, чем только что, рассматривал это женское лицо.

Делать это было удобно: ее освещал голубоватый свет ночника, его скрывал полумрак.

— Вы, Екатерина Сергеевна, воспитывались в детдоме?

— Нет, почему? Здесь так считают? Просто, когда отец ушел на фронт, пробыла там примерно два года.

— А мать?

— Она все болела, а потом совсем слегла...

— А ваш отец тоже... медик?

— Почему? Профессия у него была типично уральская: гранильщик. Чуть ли не мальчишкой начал еще в старых гранильных мастерских. Знаете, что у пруда?

— Еще бы! У самой плотины. Теперь там трест «Русские самоцветы».

— Что значит из одних мест! — улыбнулась Екатерина Сергеевна.

— Как же! А вот про спичечную фабрику Логинова, вы, конечно, не слыхали...

— Представьте, слыхала! Ведь в [redacted] даже сочинение такое писали: «Прошлое нашего города».

— Здорово! — обрадовался Гусев.

Словно шаг за шагом, восстанавливалась как бы уже несуществовавшая собственная его жизнь...

— А на Шарташском озере бывали?

— Конечно, — кивнула женщина светлой головой.

— И чернику любите?

— Люблю... Такая матовая, холодненькая.

— Мать ее из бора прямо ведрами приносила, — улыбнулся Георгий Петрович.

Помолчали.

Точно все тяжелое, когда-то пережитое отходило все дальше и дальше.

Лица их засветились. И все же Георгий Петрович снова спросил:

— А в Кыштым когда переехали?

— Когда окончила медфак. Это уже после фронта. Попала по распределению.

— Трудная работа? Кровь, стоны?

— Бывает. Но насколько возможно, избегаем кровавой резекции, — с профессиональным спокойствием произнесла она эти страшные слова. — Ведь сейчас у нас много нового. Особенно в области восстановительной хирургии. Все чаще применяем новые методы. Про стальной эластический стержень Богданова, наверное, слыхали?

Гусев смутился:

— Да, что-то читал...

За окном, в темноте, раздался смех, зазвучали веселые голоса, зашуршал под ногами гравий.

«...Вся из лунного сере-бра!..» — пропел чей-то молодой голос.

— Скажите, Екатерина Сергеевна, есть теперь радикальное средство при общем сепсисе? Если, конечно, вовремя захватить, скажем, в самом начале? Сейчас ведь такие сильные антибиотики: пенициллин, стрептомицин, биомицин...

Приподняв голову, он еще острее всмотрелся в ее лицо.

Екатерина Сергеевна отвернулась от голубого [redacted]

— Тогда ведь еще не было, — тихо сказала она. Гусев пошевелился в кресле, хотел спросить: когда же это т о г д а? Но женщина тихо добавила: — Но так, отвлеченно ответить на этот вопрос трудно.

— Могли бы вы дать мне стаканчик воды? Нет, нет, без вина... — Георгий Петрович сделал несколько торопливых глотков и откинулся в кресле.

Снова помолчали. В окно заглянула далекая, холодная луна.

— После фронта вы, Екатерина Сергеевна, снова посвятили себя человеческим страданиям и бедам... Почему?

Женщина, встав, подошла к окну, всмотрелась в темноту.

— Чтобы было их поменьше, — не сразу ответила она. — Вам, Георгий Петрович, не свежо?

— Что вы, отлично! — Гусев жадно вдыхал прохладный воздух. — Простите за вопрос: отец ваш вернулся?

— Нет. Курская дуга, помните?

— Как не помнить!.. Значит, там?

— Да. Вот тогда я и убежала из детдома.

— Куда?

— Его заменить, — чуть улыбнулась она.

— Вы же, наверное, были маленькая?

— Почему? Семнадцатый пошел. Последний год я там уже на кухне помогала и в бельевой. А время было такое, что вышло, и в ином месте пригодилась. Георгий Петрович, лучше бы вам все-таки заснуть.

Гусев не ответил.

— Господи боже! — почти простонал он. — Только подумать, что тут же, рядом, живет самодовольная, хитрая тварь!

— Вы это о ком? — осторожно спросила Екатерина Сергеевна.

Он даже замотал головой.

— Загадочные глазки, стильные платья и всякие там туманности, а на поверку просто дрянь!

— Зачем уж так! Не знаю, о ком вы, но ваша компания — это, по-моему, самые обыкновенные люди. Только вот что... — Екатерина Сергеевна помолчала, видимо, что-то обдумывая. — Чтобы показать старую технику, привели нас на бывшую логиновскую фабрику. Помните, есть там особенный, очень страшный чан? Знаете, как на старинной лубочной картинке, в котором грешников вываривают?

— А черти вокруг с трезубцами? Помню,

помню! — засмеялся Гусев. — У моей матушки в сундуке хранилась такая. А старый чан оставили специально для экскурсантов. Я спрашивал. Кругом-то все новенькое!

— Да, новенькое. Нелепо в век механизации и автоматики, в атомный век орудовать, скажем, прадедовскими мотыгами или ломиками. Мы, уральцы, это особенно чувствуем. Уралмаш, Уралхиммаш, Уралэлектроаппарат... Неплохо звучит! Верно?

— Для меня-то особенно!

— Конечно, особенно для вас, инженера-конструктора. Дело всей вашей жизни, как я понимаю.

Гусев осторожно покосился на Екатерину Сергеевну. Сразу же ему стало легче: серьезно и, как он заметил, с несомненным уважением она смотрела на него.

— В технике все точно и ясно, каждодневно проверяется практикой. А вот поди рассмотри за какими-нибудь лягушачьими брючками, за сверхмодной собачьей стрижкой самое обыкновенное, затхлое старье! И Чехов им томился, и Горький ненавидел, и Маяковский взрывал, а оно липкое, вечно меняющее форму и такое живучее, черт его побери!

Екатерина Сергеевна произнесла последние слова так по-мужски грубовато, что Гусеву вспомнилось, что на фронте была она простой санитаркой.

— «Лягушачьи брючки»? Неплохо! И все же, дорогая, еще Пушкин сказал: «Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей».

— Я опасалась, что вы меня не так поймете. Так вот, чтобы не было никаких неясностей и недомолвок: я тоже за красу ногтей. Хотя малиновые коготки красивыми не нахожу. Но это — дело вкуса. Никому свой не навязываю. Но разве можно надевать чистое платье, а тем более бальное, на грязное тело?!

Гусев удивленно взглянул на свою собеседницу. Как она говорит?

И все же что-то затаенное, бережно им хранимое было словно под ударом.

— Вы сослались на Антона Павловича, очень хорошо, отлично! — Голос его неожиданно дрогнул.— Но он был весьма далек от примитивного нигилизма, от этакой запоздалой базаровщины. Кто, например, не знает замечательных его слов: «В человеке должно быть все прекрасно: лицо, мысли, платье...»? Так, кажется?

— «Одежда»,— поправила она.— Великолепно сказано! Но многие почему-то ограничиваются только последним. А в нашу поистине новую жизнь протаскивают ветошь из обихода былого «порядочного общества»: лицемерие, зависть, жалкую претенциозность и, простите меня, непролазную скуку!

— Да, уж это они умеют... — вздохнул Гусев, припоминая приемы и вечера у Глебовских, Португаловых, Зелениных.

Никогда, никогда, даже после самой трудной, самой напряженной работы не уставал он так, как после всех этих чинно-шутливых сборищ!

— Насчет притворства тоже верно,— вздохнул он невольно, взглянув на небрежно брошенный прямо на ковер окурок сигареты с золотым обрезом.

— Крашеные ноготки — культура, а говорить правду — выходит, нет? Вот смотрю, при встрече Ирина Игнатьевна и Кора Александровна обязательно целуются; сама думаю: как бы одна другую не укусила,— сердито усмехнулась Екатерина Сергеевна.

Георгий Петрович насторожился.

— А что же, по-вашему, выходит, лучше, если бы кукиш друг другу показывали?

Они расхохотались.

— Нет, этого я совсем не предлагаю. Я знаю, что даже чисто внешнее воспитание — нужная вещь. Только нельзя одно подменять другим, главное — производным.

— А я, грешный, так думаю, что и за «производное» большое спасибо. В этом отношении я, можно сказать, второй раз на свет родился. Ну кто теперь скажет, что был я когда-то Егоркой из Заречной слободы?

Она с ног до головы — от светлых ботинок до серебристо-серого пиджака — очень внимательно и все же с затаенной улыбкой его осмотрела.

— Да, научились многому. Что ж, это неплохо! Но еще раз прошу: не убеждайте меня, что модная одежда лучше немодной, а хорошая сервировка лучше плохой. Не стоит приписывать мне уж такую глупость. Знаю также, что данная прическа меня совсем не украшает! — Екатерина Сергеевна совсем по-мальчишески дернула свою соломенную прядку.— Но знаете что? В первые же дни моего здесь пребывания я решила, что так мне будет удобнее. Для всех вас это, конечно, дикость (Гусев невольно содрогнулся от этого беззлобного «всех вас»), и, по правде говоря, я могла бы обновить совсем неплохие, купленные в Москве платья... хотя и они далеки от идеала. Уверяю вас, имеются даже туфли на «гвоздиках», а за самую модную стрижку здесь с меня взяли бы не больше десяти крон. Но я поняла, что без всего этого мне будет спокойнее и свободнее. Пусть уж на фоне таких, как я, «невидимок» суетятся и играют призванные к этому солисты. Не завидую им... Работка-то каждодневная!

— Почему же «невидимок»?.. — смущенно спросил Георгий Петрович. — Я и жена, мы всегда видели в вас...

— Поверьте, Георгий Петрович, мне нисколько не обидно. Я ведь не о себе. А что «невидимки», так я лично слышала, как Ирина Игнатьевна заглянула в переполненный зал (ручаюсь, было там человек двести) и горько так говорит: «Опять никого нет!» — Екатерина Сергеевна весело засмеялась.

Как всегда, когда он слышал о жене нечто не совсем лестное, Георгий Петрович немножко рассердился.

— Эх, дорогой доктор, слишком вы мудрствуете! — Гусев даже покачал головой. — Жизнь надо брать такой, как она есть. («Черт возьми, какая прилипчивая фраза!» — внутренне поежился он.)

— А если не хочется? — ясно на него глядя, спросила Екатерина Сергеевна.— Что вообще значит это изречение! Жизнь не есть нечто единое, однотонное: одно мы в ней принимаем, другое нам безразлично, а кое-что и отвратительно. Но что касается ваших добрых чувств к Ирине Игнатьевне, так это хорошо. Знаете, Георгий Петрович, какое чудо среди миллионов и миллионов найти свою, родную душу!

— А вы встретили это чудо? — жестковато спросил он.

— Мне кажется, да... — не сразу ответила она.

Екатерина Сергеевна так сказала это, что он не решился ее ни расспрашивать, ни тем более охлаждать неуместными словами.

Обращенное к нему, все облитое голубым светом и как бы окончательно сбросившее с себя защитную маску женское лицо его поразило. Вспомнились ему глаза Ирины, когда она, проехав в лютый мороз двести километров на грузовике, тихо вошла в его комнатенку, лишь бы один вечер пробыть с ним. А он после этой встречи и не мог сомкнуть глаз до утра. Так и отправился на завод...

Странным образом вся история с красивой брюнеткой неожиданно предстала перед ним в комическом свете. А вообще, если по-настоящему подумать, не лучше ли, что эта таинственная Кора оказалась все же не бесчувственной куклой, а как-никак любящей матерью? Мать... Это слово так много для него значило!.. Разве самоотверженной, страстной матерью не была его Ирина?

— Простите, Екатерина Сергеевна, но мне кажется, что вы не совсем справедливы к так называемым «солистам». Вы беретесь судить лишь по внешним впечатлениям. А на самом деле люди есть люди: страдают, радуются, любят...

— Это-то обидно! Стадное чувство подражательности. Хотя сами вечно кричат о стадности. Поэтому и дело не только в каких-нибудь допотопных старухах. Плохо, что те свою ветошь, как эстафету, пытаются передать все дальше и дальше. Вот, например, иногда я слышу фразочку: «Хорошая публика». И уже решила напрямик и как можно громче спросить: а кто же, по-вашему, плохая? Будьте любезны, уж не трусьте! Внятно назовите профессию, происхождение! Что, по-вашему, определяет это понятие? А то еще выйдет, что, вовремя появись я в туфлях на «гвоздиках», меня, пожалуй, тоже записали бы в «хорошую».— Екатерина Сергеевна снова рассмеялась.

Пятнадцать лет назад

Мария БАНУШ

Был странный случай как-то раз,
Чудесный случай был у нас.
То был лишь миг, но яркий след
Оставил он на много лет.
Чудесный случай, вроде сна,
Где даль грядущего ясна...

Я в Марамуреше была.
На пыльном шляхе, близ села,
В тени у скотного двора,
Кружком сидела детвора.
Я их не видела сначала:
Под тополями тень молчала.

Но слышу вдруг из-под ветвей
Мятежный гимн в устах детей:
«Вставай, проклятьем заклейменный!..»
Нежданны были звуки эти,
Такую песню пели дети!..

Ребяткам нищим, полуголым
Знакомо, чтó поют по селам,—
О непонятном, о великом,
Как ветра зов, еще безликом!..

И показалось мне: готова
Окованная дверь былого
Раскрыться, на петлях стеная;
Мне показалось: мгла ночная
Рассеивается над веком.

Я слушала в смятенье некам,
В тревоге радостной, похожей
На сладость материнской дрожи,
Когда раздастся голос звонко
Новорожденного ребенка
И мать блаженно утолит.

Петь эту песню жизнь велит...
О, как потом ее споют
Те, что сегодня сознают
Лишь смутно смысл ее мятежный!..

Перевел с румынского
С. ШЕРВИНСКИЙ.

— Ну кто же так говорит? — начал было Георгий Петрович.

— Да Ирина Игнатьевна нередко,— беззлобно и как-то очень просто ответила Екатерина Сергеевна.

Гусев смутился.

— Очень жаль. А вообще-то вы верно сказали про обветшалые авторитеты. Они у меня,— Гусев сердито хлопнул себя по шее,— тут сидят!

Екатерина Сергеевна внимательно на него взглянула.

— Ваша жена мне говорила, будто ее мать помогла «сделать из вас человека». Это верно?

— Глупая старуха! — с неожиданно осенившей его легкостью рассмеялся Георгий Петрович.— До сих пор помешана, что была супругой не то какого-то тайного, не то статского советника, прах его побери! Я до сих пор этого так и не уразумел. Рем ее иначе, как «ископаемое», не называл.

— Вот как! — улыбнулась Екатерина Сергеевна.

— А какие у них баталии бывали!

— Даже баталии?

— Уверяю вас! — Оживившись, Георгий Петрович приподнялся в кресле.— Рем с девяти в пионерском кружке «Юный строитель» занялся конструкторским делом. И, конечно, как сему возрасту полагается, первым делом решил создать перпетуум-мобиле. Перемазал все клеем, замусорил, а главное, вытащил из бабушкиного корсета весь китовый ус.

— Китовый ус?

— Да. Так она его прокляла, знаете, по всем правилам мелодрамы. Даже простерла руку. Тут уж я не удержался, отщелкал на своем «ФЭДе» несколько кадров. Даже как она его за штаны тянула...

— За штаны?

— Весь аристократизм как рукой сняло. Не снимок, а вещественное доказательство!

— У вас с собой случайно нет? Любопытно бы посмотреть.

— К сожалению, нет. Весь мой фотоархив пропал в эвакуации.

— Неужели весь? Так ничего и нет?

— Все, до единой карточки,— вздохнул Гусев.

— Жаль!

— Что и говорить, Екатерина Сергеевна! Для меня это такая беда...— Как бы отгоняя от себя что-то тяжелое, Георгий Петрович встряхнул головой.— Потом бабуся смягчилась. А Ремка-то через три года на конкурсе молодых изобретателей первую премию получил! А потом снова его прокляла...

— Снова? — улыбнулась Екатерина Сергеевна.

— Он через день взял да и сломал премированную модель.

— Почему?

— Решил, что можно найти лучшую систему переключателей. Тут уж я разозлился, говорю ему: «Конечно, превратить хорошее в лучшее всегда можно. Но, милый мой, по опыту знаю, путь этот бесконечный, а нередко и бесплодный. Для нашего брата вовремя остановиться — тоже искусство».

— А он что же? Согласился?

— «Нет,— говорит,— если о более совершенном ты только смутно догадываешься, отказаться от него — преступление». И снова за чертежи... И вот, пожалуйте, в восемнадцать лет составил эскизы передвижного электроконвейера для колхозных ферм. Здорово?

Екатерина Сергеевна убежденно кивнула головой.

— Да, немало у нас таких замечательных людей! Василий Карпович один чего стоит! Верно, Екатерина Сергеевна? — Голос Гусева окреп, звучал сильно, молодо. Поднявшись с кресла, он бодро прошелся по комнате.

— Да разве вы сами, Георгий Петрович, мало сделали? А Ирина Игнатьевна?.. Как бы мне хотелось послушать здешнюю ее ученицу!

— Приедет — все расскажет! — почему-то особенно обрадовавшись доброму слову о жене, воскликнул Гусев.

— Ого, около часа! — Екатерина Сергеевна взглянула на мирно тикающие старинные бронзовые часы.— Пора спать... И вам особенно.

— Постараюсь. А знаете что, дорогая? Посидите со старцем еще немножко, а?

— Не могу, Георгий Петрович, никак не могу. Завтра очень рано вставать.— Он хотел спросить, почему же так рано, но Екатерина Сергеевна уже протягивала руку.

— Всего вам доброго. Передайте привет Ирине Игнатьевне. А вот это,— вложила она ему в ладонь таблетку,— на случай бессонницы. Спокойной ночи!

— Спокойной ночи!

Номер 2-12

— Здесь была женщина? — Приподняв над лицом сиреневую вуалетку, Ирина Игнатьевна внимательно рассматривала поднятую с ковра сигарету.

Только что появившийся из ванной комнаты Гусев смотрел на нее, ничего не понимая. Почему она так скоро вернулась? Ведь, по его расчетам, должна была задержаться на день — два. И сама так говорила!

Он испуганно взглянул на стол.

Какая добрая умница эта Екатерина Сергеевна: догадалась еще вчера все убрать. Вот только сигарета...

— Ты же знаешь, что я курю,— вяло ответил Гусев.

— Но не знала, что красишь губы! — Ирина Игнатьевна швырнула недокуренную сигарету с предательским карминным пятнышком на мундштуке.— А откуда эти розы? — Как была в шляпке, она грузно опустилась, почти упала в кресло, пытаясь расстегнуть свой слишком тесный жакет.

Чтобы как-то умерить ее страдания и в то же время не слишком солгать, он спокойно ответил:

— Разве преступление, если ко мне заходила Екатерина Сергеевна?

Он даже представить себе не мог, какое впечатление произведет это имя. Ведь до сих пор он считал его самым безопасным.

— Екатерина Сергеевна?! Где она?! — Вскочив и точно ослепла натыкаясь на мебель, Ирина Игнатьевна заметалась по комнате.

Страшная мысль, что она сошла с ума, пришла Гусеву в голову.

— Что с тобой?.. — начал было он.— Ирина...

— Скорей, скорей! Идем скорее! — Не слушая, рванула она за рукав.

А через мгновение он, едва накинув поверх пижамы летнее пальто, и она в сбившейся набок шляпке, задыхаясь, бежали длинными коридорами санатория.

— На каком она этаже? Номер комнаты?

Но они не знали ни номера комнаты, ни этажа, точно так же, как до сих пор ни разу не поинтересовались ее фамилией.

— Не беспокойтесь, я задержу! — бодро крикнул какой-то толстяк, видимо, полагая, что так торопиться можно только на экскурсионный автобус.

— Нет, не могу... — Тяжко дыша, Ирина Игнатьевна прислонилась к стене.

Господи! Да они совсем ошалели! Ведь им известен номер ее телефона! Конечно, таков и номер ее комнаты. Да, да, 2-12! Но этот — 103, а напротив — 102, значит, выше, на втором этаже.

Вот наконец они, эти простые цифры. Ирина Игнатьевна нервно постучала в дверь. Ни звука. Подергала ручку — дверь не поддавалась. Значит, заперта. Еще и еще... Нет, не откроешь.

— Мадам? — прозвучало с неповторимой, любезно-вопросительной интонацией.

Девушка в изящной наколке на волосах, в белом фартучке, улыбаясь, подошла к ним.

Из переговоров, которым помогали мимика и жестикуляция, выяснилось, что это дежурная по этажу, но приступила к работе во вторую смену и где отдыхающая из комнаты 212, не знает.

Затем дежурная направила их вниз, к регистраторше.

— Номер 2-12? — спокойно подняла на них глаза сидевшая у главного входа за конторкой немолодая, полная женщина.— Я думаю, что оттуда уехали. Первый автобус из санатория в Прагу на самолет в шесть утра. Я думаю, что это так... — Женщина чисто, почти без акцента говорила по-русски.— Один момент! Я все же проверю, — видимо, заметив съехавшую набок шляпку и накинутое поверх пижамы пальто, успокоительно добавила она.— Ключ сдан,— внимательно осмотрев, повернулась она от черной клетчатой доски.

— И ничего не просили передать?..

— Мадам?

— Нам, Гусевым. Ничего?

— Я с девяти утра. Но посмотрим.— Полная женщина склонилась к конторке, разбирая почту.— Простите, мадам, ничего.

Они отошли совсем тихо, словно благоразумные нищие, которым отказали в подаянии. В эти минуты они ни о чем не думали, ни о чем не вспоминали, просто передвигали ноги. И эти ноги привели их в самый отдаленный, полутемный уголок холла. Уж тут-то их никто не увидит... Остерегаясь взглянуть один на другого, тихо, недвижно сидели они в своем сумрачном уголке.

В гигантском, озаренном солнцем квадрате холла все время проходили какие-то люди; одни шли с теннисными ракетками, другие спешили к источнику с неизменными беленькими и голубыми кружечками, третьи — с рюкзаками за плечами или чемоданами в руках.

Что-то сквозь смех хрипловато выкрикивая, прошел Леонтий Осипович в коротких, по немецкому образцу, обтянувших живот лосиных штанишках; рядом с ним в своем белом сари спокойно следовала куда-то Кора Александровна.

Если бы эти люди прошли совсем близко от укромного уголка, они едва ли признали бы в двух согбенных стариках своих знакомых. Притаившись, тихо сидели те в глубоких креслах и под смех, возгласы, веселое насвистывание шаг за шагом проходили иным, крестным путем. То видели они на грубом брезенте госпитальной палатки до ужаса простые слова: «Живот», «Ноги», «Шок»,— то спускались в землянку, где кто-то тяжко стонал на окровавленной шинели, то проходили у раскладных коек, мучительно всматриваясь в восковые лица.

На грузовиках, «Виллисах», на генеральских машинах, а то и на какой-нибудь одуревшей от военного грома лошаденке носились они в поисках того единственного места, где умирал их сын. Краткая, в несколько слов телеграмма за подписью какой-то Савостиной известила их о катастрофе. Ирина Игнатьевна, часто выезжавшая с театральными бригадами на фронт и числившаяся там «своей артисткой», сделала все возможное и невозможное, использовала все свои связи и пробилась через роковую черту... Но местонахождение ящика полевой почты № 134/6007 оказалось неуловимым. Противник, неожиданно перейдя в наступление, спутал все дислокации; части

то и дело перемещались. Искать приходилось почти наугад.

— Ты уверена, что это все-таки она? — тихо спросил старик.

— Да. На концерте я встретила Гнедочкина.

— Того Гнедочкина? Из медсанбата?

— Того. Сейчас в отставке, в штатском. Сперва не узнала. Он сам подошел. Стали вспоминать. Он говорит: «А здесь есть еще одна из нашего медсанбата, Савостина». То-то ее лицо всегда казалось мне таким знакомым!..

— Почему же ты молчала?

— Нет, я говорила, всегда говорила! А ее внимание к нам!..

— Да, конечно. Но вот что в письмах инициал был не «Е», убежден! Не «Е»!..

— Да, не «Е», а «К», «Катя».

Снова пронеслась картина... Здесь когда-то была школа. Они в широком коридоре сидят на мешках, набитых сеном. Коридор для легкораненых. Из пробоины в крыше дует мартовским резким ветерком, и где-то на неизмеримой высоте дрожит звездочка. Оплывшая свечка, приклеенная к донышку миски, вырывает из темноты склонившуюся к ним перебинтованную голову девушки. Каким-то замирающим шепотом, точно страшно провинившаяся, санитарка рассказывает, что видела, как Рома со своим «ПТР» первым ворвался в фашистскую траншею, как потом сорвал пилотку и замахал, видно, ободряя ребят. А вот дальше ей уже трудно было разобраться. Группу прорыва противник накрыл таким огнем! Только среди раненых сержанта Гусева не было. Она его едва разыскала в кювете с раздробленным коленом и почти с полкилометра тащила на плащ-палатке. В медсанбате сразу же обнаружили первые признаки гангрены: пятна, потом запах... Это, наверное, потому, что долго пролежал в грязи, под проливным дождем. Предложили ампутацию, он не согласился. А через день — общий сепсис.

С тем же выражением тяжкой вины девушка опустила перед ними перебинтованную голову. Потом упросила их перейти на свою койку, в сравнительно тихий уголок у окна. А сама ушла, точно растворилась в грохочущем мраке.

А потом были эти письма: треугольнички школьной, в клеточку бумаги. Не то, чтобы они утешали, смягчали горе. Напротив, самые обыденные подробности, вроде того, что за час до смерти Рем попросил попить чего-нибудь «домашнего», кисленького, были особенно нестерпимы.

И лишь позднее они поняли, что было в треугольничках и нечто иное, очень им нужное. Ведь когда прошли первые дни исступленного горя, больше всего мучила их мысль, что вот исчез с лица земли замечательный человек и люди так и не успели по-настоящему рассмотреть, узнать его. Что для них, например, потертая синяя папка с его чертежами! Кому известно, что молодому изобретателю, подающему огромные надежды, была предложена броня? Кто рассмеется его странным, всегда оригинальным шуткам? Отдаст должное глубоко спрятанной, благородной гордости, залюбуется скромностью?

И, лишь читая и перечитывая письма безвестной девушки, они поняли, что и другие видели в их сыне это главное. Конечно, слова писем были не слишком яркими, в значительной мере утратившими свое истинное значение: «добрый», «смелый», «хороший», «умный». Но какие подробности стояли за ними! То уступал сержант Гусев новые сапоги подхватившему ревматизм саперу, то соорудил какое-то небольшое конструктивное чудо, «как репку», вытягивающее пушки из непролазной топи, то так прочел ребятам стихи «Смерть пионерки», что весь дивизион полюбил Багрицкого. И все же... Не выдумала ли Ирина Игнатьевна всю эту историю, пытаясь хотя бы так воскресить прошлое? Что общего у той виновато всхлипывающей, перебинтованной девочки с вчерашней сердитой и доброй женщиной?

— Мадам, это сейчас передала ночная дежурная! — Регистраторша, подойдя, торопливо протянула им конверт. Прямо им на колени из конверта выскользнул выцветший любительский снимок... Группа молодых солдат тащила какие-то палки, бревна, доски; среди них в расстегнутой гимнастерке был и Рем: волок по земле что-то вроде елочки. А на обратной стороне ничего, кроме самой безличной подписи: «Кате от Ромы».

Рома. Не любил данное ему по настоянию бабушки древнеримское имя «Рем» и для настоящих друзей был всегда Ромой. Романом. Ромкой.

Вспомнилось Георгию Петровичу, как вчера он жаловался Екатерине Сергеевне, что пропали все его фотокарточки. Вот и поделилась самым последним, что у нее еще было...

Что же их связывало: дружба, любовь? Или было это тем самым «высшим единением», о котором она однажды говорила? Перед ним возникли озаренное голубым светом лицо и тихие слова о том, какое чудо среди миллионов и миллионов встретить свою, родную душу. «А вы встретили чудо?» «Мне кажется, да».

Георгий Петрович стиснул зубы, чтобы не застонать.

И вдруг, преодолев жгучую боль вновь открывшейся, кровоточащей раны, пришла простая, ясная мысль: она исчезла, до последнего дня так и не пожелав им открыться. Пораженный прямотой этой мысли, Георгий Петрович украдкой взглянул на жену. Глядя на поблекший снимок, не стесняясь старческих, расслабленных слез, она тихо плакала, изредка вместо платка употребляя сиреневую вуалетку.

А он собирался хотя бы часть опасной этой мысли переложить на ее плечи! Жалость, великая, нерассуждающая жалость так и пронзила его.

— Пойдем, голубчик! — дотронулся он до плеча тихой старушки.— Пойдем-ка, дружок...

Снова они шли длинными коридорами, и казалось, каждый шаг приближал Гусева к большому, уже созревшему решению.

Та правда, к которой так близко подошел он, беседуя на берегу озера с Василием Карповичем, снова была с ним... Да, уральскую сирень он еще застанет! А на даче, под Москвой, в окружении мнимых и действительных родственников великолепно доживет свой век Алевтина Евгеньевна.

И хотя на рыбалке говорил он со старым мастером не о том, о чем вчера с Екатериной Сергеевной, это слилось в его памяти в нечто единое, самое для него нужное.

И его Рем был неутомимым созидателем. Только в этом бессмертная молодость человека! И сам он жив потому, что под наносной, вздорной пылью всегда бился в нем этот свежий, неиссякаемый, вечный источник.

Лестница... Сейчас спускаться вниз.

Чьи-то торопливые шаги догнали их.

— Что, неможется? — взглянув в лицо Ирины Игнатьевны, начал было Тимошин. — Разрешите, помогу.

Василий Карпович осторожно поддержал ее за локоть. Рядом вышагивал его товарищ.

И так, рядом, плечом к плечу, им обоим предстояло еще долго идти вместе.

Татьяна ВИШНЕВСКАЯ

Лосевы в сборе.
Фото Г. Санько.

ЛОСЕВЫ — РУССКИЕ ХИМИКИ

Второй день менделеевского съезда. В залах и коридорах университета на Ленинских горах шумно. Тысячи делегатов и гостей. Возгласы, объятия, споры...

Нелегко пробраться к председателю Менделеевского общества профессору Ивану Платоновичу Лосеву. Его тесно окружили, судя по разговорам, бывшие ученики. Многие из них уже сами профессора. Солидный делегат, приподнимаясь на цыпочки, с удовлетворением констатирует:

— Молодчина наш Платоныч — ничуть не изменился!

Ему вторит сосед:

— Да, не скажешь, что Лосеву восемьдесят один год! А помнишь, как здорово сказал о нем академик Семенов, что даже возраст Лосева подчинен закону химии: подобен молекулярному весу полимерных соединений — чем больше, тем прочней!

Интересно!.. Невольно восклицаешь:

— Да дайте же подойти к Лосеву!

Кто-то шутит:

— Пожалуйста! Вы можете его узреть сейчас, как бога Саваофа, в трех лицах: Лосев-отец, Лосев-сын, Лосев-внук. И все химики!

Трое рослых мужчин на первый взгляд кажутся одинаково молодыми...

Однако сейчас знакомство не состоится. Главе династии пора в зал.

На кафедре Лосев-старший. Его доклад о синтезе и исследовании полиэфируретанов слушают с напряженным вниманием. Шелестят листы блокнотов. Делегаты записывают. Из синтезированных полиэфируретанов получены пленки-полимеры, обладающие рядом очень ценных технических свойств. Опыт одного из старейших русских химиков пригодится слушателям. Некоторые из делегатов еще увидят его в институте.

. Московский химико-технологический институт имени Д. И. Менделеева. Здесь заслуженный деятель науки и техники профессор Иван Платонович Лосев работает уже тридцать пять лет. Преподает и руководит научной работой кафедры высокомолекулярных соединений.

Много студенческих поколений запомнило на всю жизнь это здание, своих учителей, свои первые успехи и мечты. Широкие коридоры института встречают гостей знакомой юношеской романтикой: на вопрос, куда идти дальше, звонкий голос отвечает:

— Пройдите Пластмассовый переулок, сверните в Силикатный и... наверх.

Традиция сохранилась!

Наверх ведут крутые ступени. Вот и нужная нам дверь.

Лаборатория Лосева... Сегодня, как и много лет назад, над маленькими огнями газовых горелок что-то кипит и булькает в колбах и ретортах разных форм. В сложных аппаратах создаются все новые смолы-полимеры. Теперь им нет числа. Гибкая, эластичная, твердая пластмасса... Из этих смол делают сейчас бытовые предметы: заменители шерсти, кожи, самые лучшие лаки, мягкие сиденья в самолетах.

С понятным волнением рассказывает профессор о том времени напряженных поисков, когда в этой же лаборатории вместе с профессором Г. С. Петровым он трудился над созданием новых отечественных пластмасс.

Опыты... Анализы... Их проведено уже более тысячи, но все еще нет искомых качеств...

И вот наконец нужный материал найден. Каким счастливым был этот день! Как бережно передавалась из рук в руки драгоценная пробирка с густой коричневой массой!..

Это были оксикарбоновые кислоты — продукт окисления керосина воздухом. Они срочно требовались для создания некоторых ценных эмалей.

Затем была получена анилиноформальдегидная смола. Она послужила для производства большого ряда электродеталей. Теперь она прочно вошла в промышленный быт. Из нее делают изоляционные предметы, электропереключатели, многое для телефонии.

Когда профессор, увлекаясь, показывает гостям свое хозяйство, за ним нелегко поспеть. Высокий, статный, он движется легко и быстро, продолжая на ходу интересную беседу. Он достает все новые образцы изделий из гибкой, твердой, пористой и прозрачной пластмассы. Растет груда из разноцветных легких материй, небьющихся флаконов, игрушек. Мы рассматриваем красивые пояса, губки и куски мягко пружинящей массы, которая будет применяться для сидений мебели. И не только для них... Этот замечательный материал надежно утепляет дома-палатки в северных и южных широтах. Необычайно легкий, он также вполне заменяет мех в костюмах зимовщиков.

Ученый бережно держит в руках несколько темных плиток...

— Вот фантастика, воплотившаяся в реальность! — говорит он.— Многие из этих замечательных пластмасс обладают прочностью стали, но они гораздо легче ее. Добавьте к этим свойствам устойчивость к кислотам, неспособность ржаветь, теплостойкость. О подобных материалах прежде и не мечтали. А получено это из угля, нефти, газа...

...Сын донского казака Иван Лосев нелегким путем пришел в науку. Отец его, мастер-живописец Платон Лосев, умер совсем молодым.

После трех классов приходской школы в станице Усть-Медведицкой Иван Лосев учился в духовном училище, затем в духовной семинарии. Но священника из него не получилось. Юноше удалось связаться с революционным подпольем. Из семинарии его, конечно, тут же исключили. Через некоторое время он поступил в Казанский университет.

В годы первой русской революции в «Сенатских ведомостях» появилось извещение: «Казак Иван Лосев за участие в революционном движении привлечен к ответственности, но скрылся и числится в бегах».

«Бега» закончились арестом.

Есть у Лосева очень дорогое воспоминание. В ноябре 1906 года как представитель казанской партийной организации он участвовал в работе первой большевистской конференции военных и боевых организаций РСДРП, состоявшейся в Финляндии, в Таммерфорсе.

И вот наконец работа в науке. Более ста научно-исследовательских трудов, десять учебников, переведенных почти на все языки мира, и пятьдесят ценных изобретений — таков вклад Лосева. За свою долгую педагогическую деятельность он подготовил огромное количество специалистов. На его кафедре закончили аспирантуру многие способные химики из Китая, Польши, Румынии.

«Наш Платоныч!» — это имя можно услышать и в Московском авиационном технологическом институте, где он тоже заведует кафедрой и преподает химию пластмасс. Лосев — член ученых советов и консультант Института пластических масс Москвы, где решаются проблемы новых высокомолекулярных соединений. Нередки случаи, когда он безропотно усаживается в машину, чтобы ехать на консультацию... во Владимир, Орехово-Зуево или Ярославль!..

...Вечером можно познакомиться со всей династией в старинном доме на улице Герцена, где живет Иван Платонович. Он привык к этому дому и упорно отказывается сменить квартиру.

— Перееду только в дом из

Писатели и книги

Книжный следопыт

В широкой публике утвердилось представление, что библиография, конечно, необходима любому специалисту в той или иной области науки, но что к работам по библиографии, сухим и скучным, только эти специалисты и обращаются за нужными справками.

Н. П. Смирнов-Сокольский в своих «Рассказах о книгах» успешно рассеивает это заблуждение. Он увлекает читателя своеобразной романтикой собирательства редких книг, приближает к нему методы библиографического исследования и показывает те исторические перспективы, которые могут быть раскрыты при помощи [redacted].

«Рассказы о книгах» Смирнова-Сокольского созданы в основном на материале его исключительной по историко-культурной ценности библиотеки. Он уверенно вводит читателя в лабораторию библиографического исследования русской книги, не ограничиваясь описанием ее внешних признаков, но проникая в очень сложную историю ее возникновения и нелегкий путь, которым она шла до читателя.

Автор несколько расширяет рамки своего повествования, намеченные заглавием книги, и вводит в свои рассказы наряду с книгой и рукописи. И в этом случае он оперирует в основном своим собранием автографов.

Диапазон «Рассказов о книгах» очень широк. Перед читателем открываются страницы истории русской книги — многообразный материал от первых изданий петровской поры до найденной недавно рукописной автобиблиографии писателя Ивана Бунина.

«Любование стариной, вне связи с историей, развитием науки, культуры и искусства, — совершенно непонятно», — заявляет автор. Общественную пользу собирательства он видит в спасении исчезающих книжных ценностей, в обдуманном подборе собираемых книг, [redacted] со временем должны влиться в государственные книгохранилища, обогатить общенациональный книжный фонд. Вывоз книжных собраний за пределы нашей страны он гневно клеймит в рассказе «История одного преступления». Осуждая старый тип коллекционера книжных раритетов, Смирнов-Сокольский показывает — и в этом пафос его рассказов — роль книги как важного фактора прогресса в прошлом, не утратившего доныне способности участвовать в формировании передовой идеологии наших дней.

Деловые выходные данные книги, подвергнутые анализу исследователя, оживают. Тираж, место издания, имя цензора, внешность книги от шрифта и бумаги до переплета — все помогает ему узнать судьбу издания, условия, в которых оно создавалось.

Любая книга, ставшая героем того или иного рассказа Смирнова-Сокольского, не воспринимается как изолированно, в отрыве от человека. То это автор книги, то неутомимый собиратель, часто с приключениями старающийся напасть на ее след, то многоопытный букинист, помогающий ее обнаружить.

Книга Смирнова-Сокольского — это рассказы книголюба. Занимательное повествование о судьбе книги перемежается библиографическими изысканиями, иногда полемическими по отношению к прежним исследованиям. Библиографические экскурсы уступают затем место страничкам мемуарных записей самого автора.

Полнокровной жизнью наделил Смирнов-Сокольский своих героев. Особенно удался ему образ баснописца Крылова, интересно трактованный и художественно выполненный. Ему посвящен большой рассказ «Иван Вемырк».

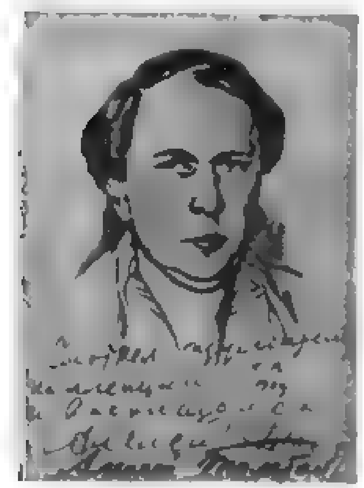
Из современников, живые черты которых рисует Смирнов-Сокольский, запоминаются Демьян Бедный, Маяковский, Алексей Толстой, В. Десницкий, пластически вылепленные и показанные в общении с книгой.

Должно быть отмечено и умение автора связать свои рассказы с современностью, перекидывая мост из прошлого в наше сегодня. Ставя антикварную книгу на службу задачам наших дней, Смирнов-Сокольский вплетает в ткань своего повествования публицистически острые отступления.

Книга снабжена цветными вкладками, впервые воспроизводимыми автографами писателей, обложками журналов и альманахов, рисунками художников. «Рассказы» любовно изданы Всесоюзной книжной палатой.

[redacted] АШУКИН

Ник. Смирнов-Сокольский. Рассказы о книгах. Изд-во Всесоюзной книжной палаты. Москва. 1959.

Портрет А. Н. Толстого с его дарственной надписью Н. П. Смирнову-Сокольскому: «Смотрел изумительные коллекции и восхищался. Алексей Толстой».

О людях с фотоаппаратом

Недавно мне пришлось просмотреть старые фотоснимки времен двадцатых годов. Все на них непохоже на нынешнее: и булыжная, извозчичья, низкорослая Москва, и бородатая малополосная деревня, и облик людей тех лет. Настолько за эти десятилетия изменилась наша жизнь и люди, что я всматривался в эти снимки как человек другой эпохи, хотя часть их была сделана моей же фотокамерой.

Художественная фотопублицистика, имеющая силу документа, — неоцененный инструмент наглядной и всепроникающей пропаганды. Выразительный фотоснимок не заканчивает свою жизнь на страницах газеты или журнала. Он работает как бы на два времени — не только на настоящее, но и на будущее. Сегодня фотоснимок — активный агитатор и информатор. Завтра, через много лет, он же эмоциональный очевидец, немой, но точный и правдивый свидетель минувших лет.

Фотокорреспондент — фигура примелькавшаяся. Человека с фотокамерой привыкли видеть везде, где бы только ни возникало новое, интересное либо просто любопытное. Можно сказать, что вся земля уже истыкана ножками фотографических штативов, хотя неуклюжий треножник стал в наши дни техническим анахронизмом. С портативной фотокамерой и импульсной лампой фотокорреспонденты меряют из конца в конец огромные пространства.

Но творческие и деловые будни фоторепортеров, вся история советской фотожурналистики и художественной фотографии еще не исследованы. Поэтому не только специалисты, но и широкие круги фотолюбителей — а их в нашей стране сотни тысяч — с интересом познакомятся с книгой С. Морозова «Советская художественная фотография».

Автор впервые собрал малоизвестные и часто вовсе не известные факты из истории советской фотографии. Короткие творческие биографии фотохудожников, изложенные в книге, подтверждают характерную особенность нашего фотоискусства — его теснейшую связь с жизнью. Не случайно в Советском Союзе, в отличие от капиталистических стран, деятели художественной фотографии являются в то же время и видными мастерами фоторепортажа.

Книга иллюстрирована фотоснимками мастеров всех поколений советской фотографии, начиная с памятных лет Великой Октябрьской революции и до наших дней.

С. ФРИДЛЯНД

С. Морозов. Советская художественная фотография. Изд-во «Искусство». Москва. 1958.

ТОЧНОЕ ПОПАДАНИЕ

Смех убивает... Эта древняя истина еще раз подтверждается книгой юмористических рисунков талантливого французского карикатуриста Франсуа Лазена, известного под псевдонимом Жана Эффеля. Книга называется «Сотворение мира и человека», выпущена в Государственном издательстве политической литературы.

Жан Эффель смеется над религиозными предрассудками людей, смеется беззлобно, добродушно, видя в религии наивное заблуждение человека...

Такой смех неотразим, он подрывает веру в потусторонний мир, внушает человеку светлый, оптимистический взгляд на жизнь. Рисунки Жана Эффеля точно попадают в цель, они заставят улыбнуться даже верующего, и в этом самая большая победа художника-атеиста.

В. ГАЛИН

пластмассы! — отшучивается он от таких предложений.

Что ж, недалеко то время, когда можно будет «поймать его на слове».

Сколько воспоминаний, наверное, связано у хозяина с каждой вещью! На стенах пейзажи. В дни летнего отдыха Иван Платонович с увлечением рисует.

Привлекают внимание художественные изделия из пластмассы.

Слышен звонок... Это Лосев-средний. Чтобы представить внешне доктора технических наук профессора Бориса Ивановича Лосева, допустим маленькое, несколько неожиданное отступление. Однажды, это было в дни съемок фильма «Степька Разин», к профессору подошел на улице работник киностудии и долго, настойчиво уговаривал сниматься в роли Петра.

Борис Иванович руководит лабораторией химической переработки твердого топлива в Институте горючих ископаемых Академии наук СССР. За тридцать лет своей деятельности он «по-лосевски» много успел. Сто пятьдесят научных трудов и изобретений. Целая груда авторских свидетельств.

Старший Лосев усаживается в кресло, его непривычные к бездействию руки как-то неудобно устраиваются на коленях. Средний широко шагает по комнате.

— Вы считаете уголь черным? — спрашивает ученый и, не дожидаясь ответа, продолжает: — Попробуйте вырезать из ископаемого угля тоненькую пластинку, отшлифовать ее поверхность и рассмотреть этот кусочек под микроскопом. Вы увидите волшебную гамму цветов: от красного, оранжевого, буроватого до черного. И всюду вкраплены синие и белые точки.

Но уголь не только красив. Ископаемые угли содержат редкие элементы.

— Нами разработан эффективный метод получения из угля германия. Без этого элемента не может обойтись современная ра[redacted].

Еще наш коллектив работает над отверждением моторного топлива. Жидкого и газообразного. Да, да, и бензин и газ можно превратить в удобные и легко перевозимые брикеты. Они уже находят свое применение в различных отраслях народного хозяйства, в промышленности, на транспорте... Отвержденный бутан пользуется все большей популярностью. Он хорошо «принят» в Арктике и Антарктике, мы получили оттуда немало благодарственных телеграмм. Очень интересуются им и многие высокогорные и другие экспедиции. Брикет отвержденного бутана, весящий сто граммов, горит около часа. Усталому, замерзшему путнику он даст гораздо больше пользы, чем рюмка водки! — Лосев улыбается.

И еще чей-то смех звенит в комнате. Вошел Лосев-младший.

Владимир Борисович — тоже химик. Он решительно отказывается говорить о себе:

— Я ничего еще не сделал!

Да, он очень молод, этот комсомолец. Его трудовая жизнь началась недавно — всего три года назад. Однако, перелистав несколько научных журналов, можно удостовериться в том, что у младшего Лосева есть научные труды. Есть уже и первое авторское свидетельство. Работает он в области синтеза полимерных кремнийорганических продуктов. Подождем. Может быть, в нем соединятся качества отца и деда! Хороший сплав!

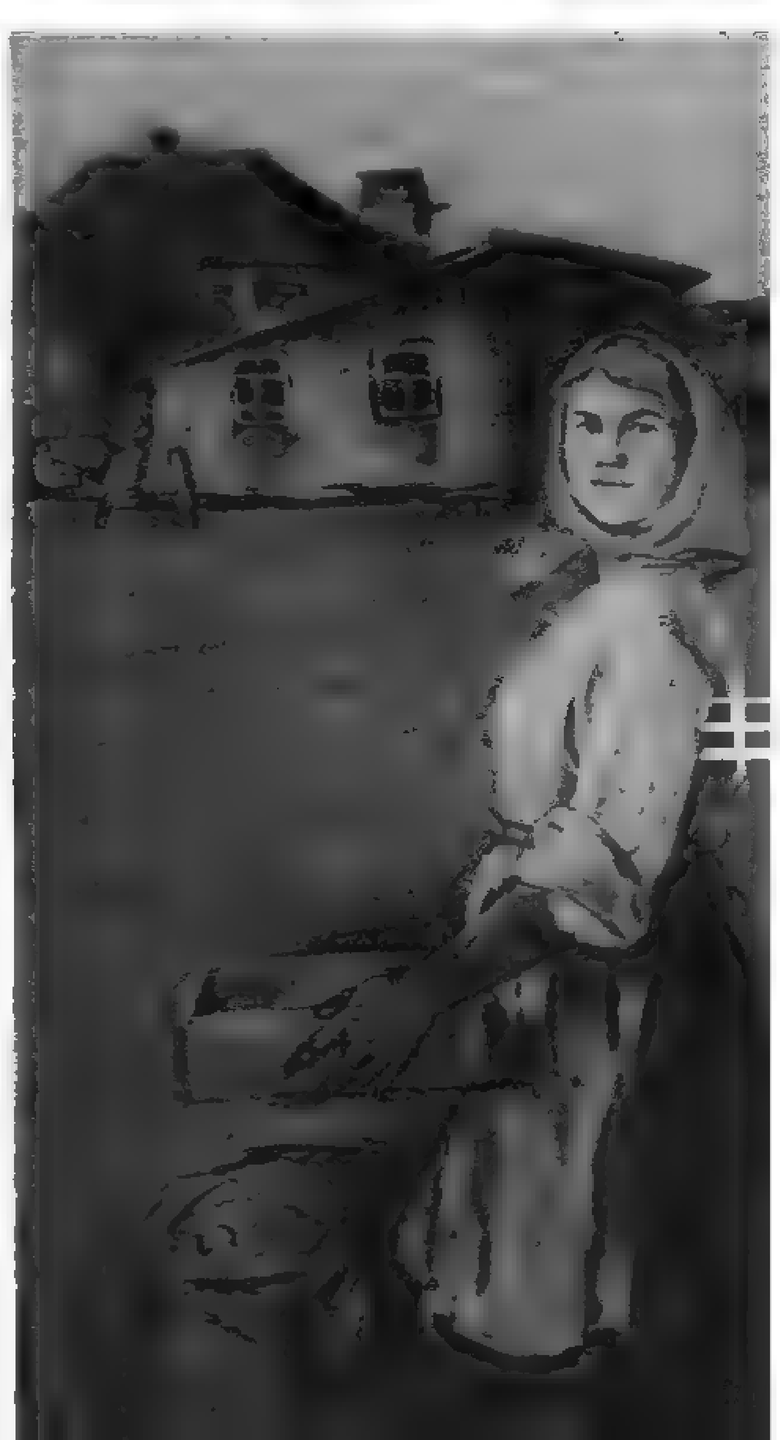
В этом доме обо всем говорят интересно: о современной литературе, искусстве, музыке. Здесь хорошо смеются и шутят. Все члены династии занимаются живописью, сами с юмором критикуя свои недостатки.

...Уже поздно. Пора дать хозяевам отдохнуть.

— Подождите минутку! — говорит Лосев. Он гасит одну лампу.

Что это, игра воображения? Нет, в сумраке комнаты действительно как будто расцветает в одной из ваз чудесный, светящийся букет из пластмассовых роз.

Василь Овчинников. СЕРИЯ «ИЗ ИСКРЫ—ПЛАМЯ». ПАСТЕЛЬ. УГОЛЬ. 1950—1957 гг

«ИЗ ИСКРЫ—ПЛАМЯ»

Такова общая тема серии картин украинского художника Василя Федоровича Овчинникова, показанных на выставке в Киеве в конце 1958 года, а теперь выставленных в Днепродзержинске. Затем картины эти будут направлены в другие промышленные центры Украины — Днепропетровск, Запорожье, Сталино, Харьков.

Здесь рассказана повесть о рабочих г. Днепродзержинска (бывшего Каменского). Художник хорошо знает людей и жизнь, которые он изображает. Выходец из рабочей семьи, он сам в юности был рабочим в Днепродзержинске.

Картины показывают, как шаг за шагом слагался украинский рабочий класс, как росла его революционная борьба. В серии тридцать картин, связанных между собой единым замыслом и сюжетной канвой

Почти восемь лет работал художник над картинами «Из искры — пламя». Сейчас художник начал вторую серию задуманной им трилогии, посвященной рабочим родного завода.

«Огонек».

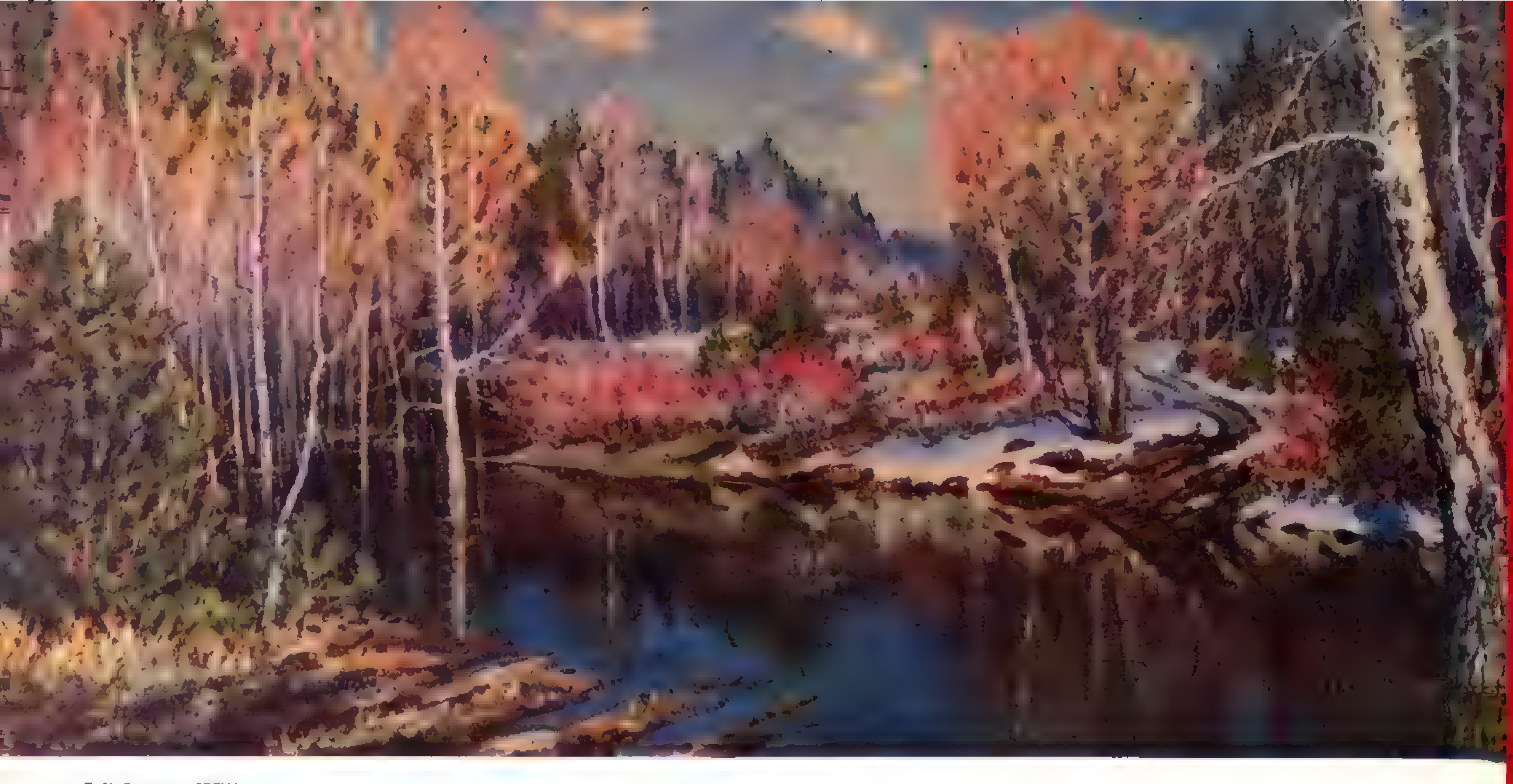
«Искра».

Красногвардейский пикет.

Б. Ф. Рыбченков. КАМА.

Л. И. Бродская. ВЕСНА.

В поисках термометра

> Я пишу вам из Калинина. У нас дома случилась беда — сломался термометр. Да, это беда, потому что купить новый почти невозможно. Я уже обошел много аптек.
>
> В чем дело? Что случилось с нашей медицинской промышленностью? Неужели нельзя выпустить такое количество термометров, чтобы их хватило для всех аптек?
>
> Или, может быть, так только у нас, в калининских аптеках?
>
> **М. БАСОВ,**
> работник совнархоза
> г. Калинин.

С. СИНЕЛЬНИКОВ

Рисунки Б. ЖУТОВСКОГО.

— Бывают, но сегодня их у нас нет.

— Завтра появятся?

— Не знаем.

Почти одно и то же отвечали мне в аптеках Москвы, Ленинграда, Краснодара, Сочи, Владимира и еще нескольких городов.

Словом, куда ни кинь — всюду клин.

— Нет, не всюду, — пояснили работники здравоохранения. — На самом деле «клин» в Клину.

Пришлось отправиться туда.

Исключение из правила

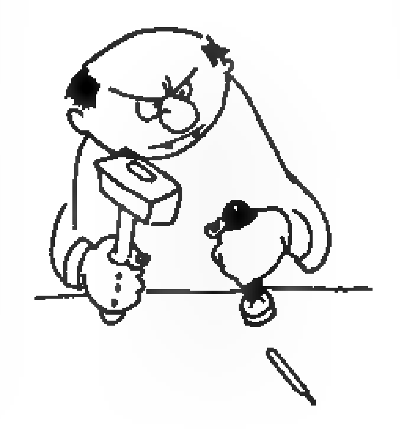
Поначалу огромный цех медицинских термометров производит отличное впечатление.

Прежде всего поражает необычность производственной обстановки, особенно в термоампульном отделении. Окна занавешены. В полумраке над машинками, обрабатывающими стекло, вспыхивают, вьются огни. На небольшие столы вдоль конвейеров падают золотистые круги света от электрических ламп. У машинок и за столами трудятся сотни девушек в белых халатах. Кругом клиническая чистота. Тишина.

Поражает и другое. Я не представлял себе, что изготовление термометра сложно. Ведь с виду он не больно хитер. Между тем, чтобы припасти детали, собрать их, «придать лицо» термометру, нужно, оказывается, безошибочно проделать добрую сотню операций.

Но вот наконец уже готовые термометры попадают «на суд» к госповерителю — представителю Всесоюзного научно-исследовательского института Комитета стандартов, мер и измерительных приборов. На годной продукции он ставит свое клеймо...

Специалисты, приезжавшие из разных стран на Клинский термометровый завод, в один голос утверждали: производство механизировано здесь лучше, чем где бы то ни было, по крайней мере в Европе. Но похвалы эти — слабое утешение. Походишь по цеху, и одолевает досада. Господствует ручной труд. Автоматов раз, два — и обчелся. Простых механизмов тоже мало, притом они далеки от совершенства. Чтобы убедиться в этом, хватит и одного, почти анекдотического факта. Только что упоминалось: на годной продукции ставят клеймо. Его выжигает машина, которая до того кустарна, что ежедневно портит по две — три сотни, а то и полтысячи всесторонне проверенных, превосходных термометров.

Ничего похожего не встретить на наших новых предприятиях. Клинский термометровый завод — исключение из правила.

Не в этом ли «клин»?

Проекты и просчеты

— Верно, в этом, — соглашается директор завода Леонид Алексеевич Богомолов. — Вместе с тем нехватка термометров вызвана и другими причинами... Медицинские термометры десятилетиями делали на старом московском предприятии. Потом соорудили наш завод, пущенный в мае пятьдесят шестого года. Мы еще только налаживали производство, когда в октябре, несмотря на протесты специалистов, старое предприятие полностью прекратило выпуск медицинских термометров. Запасы их в аптеках быстро иссякли. Кроме того, выполнение плана нам долго не давалось. Проектируя наш завод, скопировали прежний, изживший себя технологический процесс, основанный «по традиции» преимущественно на ручном труде. Машины, полученные нами с московского предприятия, тоже изжили себя. Они примитивны по конструкции и сильно изношены... И опытных кадров не хватает.

— Это и сдерживало выполнение плана?

— Да. Однако сейчас мы выпускаем больше медицинских термометров, чем запланировано.

— Тем не менее проектная мощность цеха еще не освоена?

— Нет. Намечалось, что технологический процесс будет интенсивно совершенствоваться. Притом основное оборудование для механизации и автоматизации производства мы обязаны изготовлять сами в специальном цехе. Цех должны были открыть давно, а его и поныне нет! Нас очень подводит трест «Клинстрой». По вине строителей наш большой завод все еще не имеет лаборатории. Нет и ряда очень нужных подсобных сооружений...

Производство медицинских термометров день ото дня увеличивается. Завод выпустит их в нынешнем году 10 миллионов штук — на миллион больше, чем делало старое предприятие. Скоро освоят полностью проектную мощность — 11,5 миллиона штук. Это ликвидирует острую нехватку термометров. Но все-таки потребность в них не будет еще удовлетворена: она неизменно повышается, несмотря на то, что заболеваемость в стране падает. Никакой загадки тут нет. Ведь из года в год растет численность населения, ширится сеть больниц, поликлиник, санаториев, родильных домов, детских учреждений.

Где выход? Решено построить и в шестидесятом году пустить еще один цех медицинских термометров, равный по мощности имеющемуся: спрос будет намного опережать. Но ленинградский институт «Гипроприбор» медлит с подготовкой проекта.

Почему?

Признаться, можно было и в Москве вникнуть в причины клинского «клина». Но меня тянуло в Клин, чтобы задать работникам завода простой вопрос профана:

— Обязательно ли делать медицинские термометры из стекла?

Вопреки опасению меня не подняли на смех.

— Спору нет, стеклянный термометр очень хрупок. Во всех отношениях было бы выгодней изготовлять прочные, небьющиеся термометры. Скажем, из прозрачной пластмассы. Она в обработке куда лучше стекла. А главное, потребность в термометрах действительно снизилась бы намного. Но ни Государственный комитет по химии, ни другие организации этой проблемой не занимаются...

— Кажется, тут и проблемы нет. Бери пластмассу — и штампуй детали.

— Не совсем так, — возразил главный инженер завода Исай Ефимович Шевелев. — Нужна такая пластмасса, с которой ртуть не будет взаимодействовать.

— Что это значит?

— Когда мы стряхиваем термометр, ртуть полностью стекает в резервуар, не оставляя следов на стенках капилляров. В противном случае термометр не давал бы точных показаний.

— Значит, в крайнем случае надо заменить чем-нибудь ртуть, чтобы заодно избавить производство от этого вредного металла. Никто не пытался найти замену?

— Кое-что предпринималось, и вот результат. — Главный инженер положил на стол объемистую папку. — Почитайте...

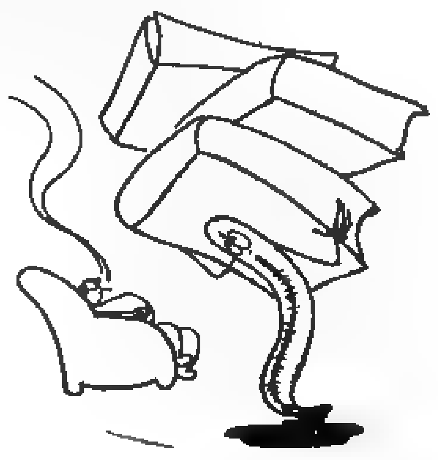
В папке лежали письма, нисколько не украшающие руководителей Института органической химии Академии наук СССР. Оказывается, еще в пятьдесят седьмом году институт пришел к выводу, что можно разработать особый состав, заменяющий ртуть в термометрах. Госплан РСФСР и Мособлсовнархоз включили эту проблему в план научных исследований. Клинскому заводу поручили заключить с институтом договор. Завод дважды обращался в институт, а тот ни словом не отозвался. На третий запрос пришел... отказ от заключения договора. Мособлсовнархоз в прошлом году не раз письменно увещевал руководителей института, но бесплодно.

На том дело и заглохло.

Почему? Ответа пока нет.

* * *

Будь принято посвящать кому-либо журнальные репортажи, эти строки были бы посвящены Госплану РСФСР и Мособлсовнархозу, Государственному комитету по химии и Институту органической химии, «Клинстрою» и «Гипроприбору», а также местным организациям Клина. От них зависит, как скоро в любой аптеке в любой день можно будет купить медицинский термометр, как скоро на смену стеклянному термометру придет новый, столь же общедоступный, но небьющийся, долговечный.

– Ты считай, сколько ты погубил яблок! — говорит Мария Софроновна

ДВОР И УЛИЦА

Мих. ЗЛАТОГОРОВ

Фото И. ТЮФЯКОВА.

Провинившемуся лет семь. Он стоит перед Марией Софроновной, окруженный суровыми голоногими «прокурорами» с косичками, виновато опустив голову, вцепившись вспотевшими ладошками в бретельки штанишек.

— Ты считай, сколько ты погубил яблок! — говорит Мария Софроновна и подносит к глазам мальчика оборванные им крохотные зеленые шарики едва завязавшихся плодов.— Вот на этом кустике четыре. И на этом еще четыре. И вот здесь — шесть, восемь, десять... Считай, Гена, считай! Сорок шесть и еще двадцать. Сто яблок ты погубил! Сто яблок ты не доешь, и другие не доедят по твоей вине.

«Преступник» шумно сопит. Потом еле слышно выдавливает:

— Я больше не буду.

Мария Софроновна обращается к «прокурорам»:

— Как, девочки, простим Гену?

Девочки настроены не так либерально, как Мария Софроновна. Уж эти мальчишки! Ну ладно, так и быть, на этот раз придется простить.

— Но если повторится, не будем пускать Генку в клуб. И не дадим ему носить якорек!

Клуб находится тут же, во дворе. В нем всего одна комната, но в ней есть и хорошие книжки с картинками и телевизор. А какая вывеска у входа — с морским якорем!

Кто же такая Мария Софроновна? Мать Гены? Или мать одной из тех девочек, что бдительно охраняют зеленые насаждения квартала? Нет, дети у Марии Софроновны Машковой уже большие, работают на заводе и учатся. Три сына. Она их вырастила без мужа, который погиб при аварии. Сыновья во всем помогают матери, избавляя ее от излишних домашних хлопот. Мария Софроновна — общественница, председатель квартального женского совета. Этот женский совет и организовал для ребят клуб «Якорек». В соседнем квартале — клуб «Спутник», а есть еще «Ракета», «Звездочка», «Ласточка»... Ребята сами выбирают названия для своих клубов. На имя «Ракета» претендовали сразу три двора. Но уж, конечно, ребята всех кварталов городка Уральского алюминиевого завода больше всего завидуют тем, кто в знак принадлежности к «Якорьку» носит на груди маленькие серебристые якорьки.

С этих крохотных сувениров, собственно, все и началось. Както женсовет 24-го квартала устроил вечер занимательных рассказов для малышей. Пришли не только малыши, но и ребята пионерского возраста. Послушать соседскую маму, тетю всегда интересно: своя-то больше ворчит и ругает. После вечера ребятам роздали на память брошки-якорьки (женщины купили на свои деньги). И какой же восторг переполнил ребячьи сердца! Что-то крепко сдружило их всех в этот вечер.

Малыши запомнили дорогу в красный уголок при домоуправлении. Откроют дверь и спрашивают:

— А когда опять будет женсовет?

Что означает «женсовет», никто точно не знал (просто слышали слово во дворе), но детская интуиция подсказывала: здесь ими интересуются, их любят.

Между тем активистки действовали. Отвоевали для ребят отдельную комнату рядом с домоуправлением. Еще больше, чем будущему «Якорьку», повезло клубу «Спутник», созданному в 47-м квартале. Там завод не поскупился на целую квартиру. И эта квартира быстро наполнилась полочками с книгами, моделями самолетов, ящиками с цветочной рассадой,

ДЕТСКИЙ КЛУБ «ЯКОРЕК» ПРИ ПИОНЕРСКОЙ ДРУЖИНЕ им. П. МОРОЗОВА

Каждое утро во дворе квартала № 24 ребята делают физзарядку

картинами из жизни пионеров и комсомола. Под потолком поселились птицы, а между рамами окна — пойманный в лесу уж; дежурные по «уголку живой природы» кормили его лягушками.

Но вернемся к «Якорьку».

— Нам было очень трудно вначале,— вспоминает Мария Софроновна.— Знаете, разные есть матери. Одни понимают: если помогаешь воспитывать чужих детей, то этим воспитываешь и своего. Чем лучше все окружающие дети, тем лучше и свой. Но есть и другие... От таких только слышишь: «Делать вам нечего, вот и бегаете!» Или: «Я своих детей сама хорошо воспитываю, мне вашего клуба не надо!» Есть женщины, которые живут только для себя, для своей семьи. В сущности, мещанки. Ведь современное мещанство не всегда равнозначно некультурности,— заметила Мария Софроновна, поправляя упавшую седую прядь волос.— У нас среди активисток есть женщины без образования, многосемейные работницы, домашние хозяйки. Иная жалуется: «Муж рассердился: я детей на экскурсию водила и не успела рубашку ему погладить. Тебе, говорит, отставку надо дать. У меня, говорит, жены нет, а есть «детский сектор»...

Думаете, у такой активистки не опускаются порой руки, не закрадывается в голову мысль: а для чего мне возиться со всеми этими поручениями женсовета? Но все-таки, как бы там ни было, в положенное время она идет подежурить во дворе, вечером напомнит ребятам, что пора спать, перевяжет палец соседской девочке... Разве же это плохое дело?

Я не мог не согласиться всем сердцем с Марией Софроновной.

В квартале № 24 проживает много рабочих глиноземного и электролизного цехов алюминиевого завода, где мне частенько приходится бывать как внештатному инструктору Каменск-Уральского горкома партии. Сплошь и рядом в семьях работают и муж и жена, а ребенка оставить не на кого. Тут источник всяких драм, которые нередко кончаются детской комнатой в милиции, а то и камерой предварительного заключения, судом, воспитательной колонией.

Двор может быть для ребенка и первой школой настоящей дружбы и рассадником гнусных привычек. Двор может расширить кругозор юного существа, но может и замусорить его душу всякой дрянью. Все зависит от того, кто запевала во всех дворовых играх, затеях, забавах.

Мне известна история мальчика Коли Козлова.

Во всем дворе не было большего забияки и сквернослова. Коля курил и учил этому малышей. Он подговаривал малышей идти вечером в парк и попрошайничать у прохожих, а потом отбирал деньги и покупал себе папиросы и мороженое. Уличная кличка его была «Козел» или «Бяша». Он и сам щедро раздавал прозвища: маленького ростом Вову Никифорова звал «Блохой», другого мальчика, воспитанника детского дома,— «Инкубом», третьего — «Глотка» и т. д. Кроме того, он был признанным «рекордсменом» по выбиванию стекол в окнах.

Вот этот самый Коля Козлов тоже вознамерился стать членом клуба «Якорек».

«Мы-мы матрешки... вот такие крошки...»

Пионерская дружина была про-[redacted].

Мария Софроновна знала, что в семье Коли тяжело. Отца он потерял давно, мать второй раз вышла замуж за человека, бросившего семью. Отчим Коли нередко являлся домой подвыпившим, устраивал баталии. Мать Коли, испуганная, забитая женщина, боялась только одного: как бы муж снова не вернулся к первой жене. На сына же она не обращала никакого внимания. Она старалась лишь угождать мужу, а того совсем не тревожило, что мальчик пристрастился к табаку и связался с хулиганской компанией, учится из рук вон плохо, ничего не читает. Мария Софроновна понимала, что такого мальчика обязательно надо втянуть в хороший коллектив. И она решила рискнуть. По ее просьбе ребята разрешили и Коле нацепить на грудь заветный серебристый значок.

Поначалу все пошло хорошо. Вместе со старательными девочками Коля рьяно копал землю и сажал редис, огурцы, репу на огородном участке, который отвели для «Якорька» возле сада. Вечерами его видели в клубе за журналами, книжками. Как будто мальчик становился другим. И вдруг является к Марии Софроновне целая девчоночья делегация с другой улицы:

— Уймите вашего Бяшу!

— Оказывается, Коля Козлов снова хулиганит и сквернословит,— рассказывала мне Машкова.— В своем дворе уже стеснялся, а в другом квартале давал себе волю. Я тут же послала за ним. В глаза не смотрит... «Кого оскорбил?» Называет имена девочек. «Иди сейчас же извинись!» «Не пойду!» «Тогда ребята не станут пускать тебя в клуб». «Ну и не надо!» А я вижу: переживает страшно. «Иди сейчас же, Козлов,— повторяю ему официально,— и попроси прощения. И больше чтобы я никогда не слышала о тебе ничего такого!» Тут он неожиданно: «А почему вы меня Козловым называете? Других — Миша, Сережа, Алик, а меня — Козлов. Я ведь Коля». У меня отлегло от сердца. Раз мальчик заметил изменение интонации и это задело его, значит, он не так уж безнадежен. И действительно, после этого случая он стал одним из самых наших дисциплинированных и активных ребят. Из тех, кто охотно и пол вымоет в клубе, и рано утром горном и барабаном позовет всех юных обитателей дома на физзарядку, и сломанные стулья склеит, починит.

Самый главный наш итог за этот год,— улыбается Машкова,— ни одного выбитого стекла. Ни одного!

Историю еще одной выпрямленной детской судьбы я узнал от другой активистки квартального женсовета — Марии Петровны Москвичевой, оператора машиносчетной станции завода.

В тот день Мария Петровна водила большую группу мальчиков и девочек к себе на станцию и показывала им, как действуют «умные» аппараты. Теперь мы сидели в парке, перед эстрадой детской площадки; здесь выступала художественная самодеятельность «Якорька». Среди маленьких ар-

Штаб «Якорька» организовал поход ребят к «Трем пещерам» на берегу Исети.

тистов были и дочки Марии Пет-[redacted]

Особенно шумный успех выпал на долю «Матрешек». Четыре крохотули в длинных сарафанчиках, в повязанных по-деревенски платочках старательно тянули, то приседая, то разводя ручками:

Мы-мы матрешки... вот такие крошки...
Мы-мы матрешки... вот такие крошки...
Как у нас, как у нас — чистые ладошки!
Как у нас, как у нас — чистые ладошки!

Были в концерте и другие хорошие детские номера — декламация, танцы. И вот выходит на сцену длинный, угловатый подросток с чубчиком. Подражая какому-то эстрадному певцу, становится в позу, закатывает глаза и манерно начинает с надрывом, делая знак баянисту; тот берет первые такты сентиментального танго:

...Я помню все слова-ва,
Что ты тогда сказала-ва...
Движенье алых губ
И взмах твоих ресниц...

— Послушайте, что это такое? — обратился я к Марии Петровне.— При чем тут детская самодеятельность?

— Но если у него такой репертуар,— возразила Москвичева.— Не судите слишком строго. Если бы вы только знали историю этого мальчика...

И она шепотом стала мне рассказывать, пока подросток с чубчиком заканчивал свой романс и еще спел на бис «Вернись в Сорренто».

...Дом на самой окраине поселка. Большая семья без отца-кормильца. У матери, кроме Лени, еще старшая дочь и трое малышей. Лене не сиделось дома. Какие-то «добрые» дяди посылали его за водкой и за это подносили рюмочку. Торчал вечерами возле ресторана, где играл джаз. Не стал приходить домой по ночам. Бросил школу. Оборванный, грязный, слонялся по разным притонам. Не будем закрывать глаза на правду: есть еще кое-где в наших светлых городах и темные притоны последних картежников, пьяниц и воров. Кто знает, что стало бы с этим пареньком, с Леней Якубовичем, если бы не женский совет...

Активистки обсудили, как спасти идущую к гибели юную душу. Одна мать пошла в завком и договорилась о материальной помощи семье; на полученные деньги купили для Лени брюки, курточку, крепкие ботинки. Другая занялась школьными делами мальчика; ему шел уже шестнадцатый год, а он еще не закончил шестого класса. Мучительно было ему возвращаться в школу и садиться за парту с ребятами, которые головой не достигали ему до груди. И все же матери сумели убедить Леню, что это вовсе не стыдно, а вот позор будет, если он останется неучем. И чтобы Леня не чувствовал себя особенно ущемленным, его назначили в «Якорьке» начальником штаба и руководителем кружка выпиливания по де-[redacted].

— Он оказался очень добрым. Если бы вы видели, как он любит возиться с малышами, учит их работать пилкой, строгает с ними палочки для пионерских флажков! Он организует у нас экскурсии за город: к «Трем пещерам», к «Каменным воротам» — это такие живописные места на Исети. И вот, видите, сегодня в концерте захотел принять участие. Других песенок пока не знает, но ведь мальчик поет от души, так что винить его не стоит.

— Пожалуй, вы правы, Мария Петровна. Извините.

...Проблема «чужих детей» не нова. Народ наш высоко ценит всякое проявление подлинной человечности. Но мне хочется подчеркнуть: то, что делают квартальные женские советы в Каменске-Уральском,— это не просто проявление чуткости, сердечности. Мне кажется, что здесь сказывается новое, только социалистическому обществу присущее понимание материнства, замечательное проявление коллективной ответственности за судьбы молодого поколения. В жизнь детворы, в будни двора властно вмешивается организованная, целеустремленная общественная сила.

Вот еще один случай, о котором нельзя не рассказать.

...У Люды Елфимовой умерла мама. Родных у девочки не было. Не стало заботливых маминых рук, но чьи-то другие руки каждое утро заплетали ей косички, когда она собиралась в школу, и укладывали в портфельчик завтрак. После школы Люду ждал сваренный кем-то обед. И кто-то, как мама, проверял, как она выполняет домашние задания.

Девочка, может, и не знает, но мы-то знаем точно, что все эти хлопоты и заботы взял на себя женский совет 10-го квартала. И он же раздобыл для Люды бесплатную путевку в санаторный лагерь, а потом устроил ее в детский дом, продал часть вещей, оставшихся после смерти матери, и положил деньги в сберкассу на имя Люды. Таких примеров можно было бы привести еще много.

Идею самодеятельных детских клубов в жилых домах, идею совместной воспитательной работы женских советов и пионерской организации непосредственно во дворах подсказала сама жизнь. «Улица» отступает перед таким содружеством.

Кстати, надо сказать, что не мешало бы нашим органам народного образования больше помогать энтузиастам женсоветов, больше устраивать для них лекций, семинаров по педагогике. Они в этом очень нуждаются.

Я разговаривал с Ниной Георгиевной Гостевой, председателем Красногорского районного женского совета (в него как раз и входят детские клубы «Якорек», «Спутник» и другие). Эта обаятельная, высококультурная женщина-инженер потратила много и времени и нервов, чтобы пробить равнодушие жилищно-коммунальных отделов, некоторых завкомов, комитетов комсомола, до сих пор еще не понявших всей огромной пользы от родившейся замечательной формы организации ребячьего досуга.

— Иногда предлагают для детского клуба какой-нибудь подвал! — возмущенно говорит Нина Георгиевна.— Мы отвечаем категорически: нет! Или давайте приличное помещение, или... Впрочем, здесь, в Каменске-Уральском, уже знают, что от нас, от общественниц, так просто не отвязаться. Обычно при сдаче дома сразу же отводят комнату — две в первом этаже для детского клуба. Но мы хотим пойти дальше. Мы имеем свой счет к проектировщикам и архитекторам. Почему у нас думают о домовых кухнях, о коммунальных прачечных, а не думают о типовом проекте домового детского клуба? Тут должен быть и большой зал и комнаты для занятий кружков. Можно приспособить раздвижные двери-ширмы. Пусть архитекторы думают. Дело этого стоит...

Парашютист

№ 1

Недаром Василия Григорьевича Романюка называют парашютистом № 1. Около трех тысяч прыжков совершил он. Такого количества прыжков не имеет ни один человек на земном шаре.

— Мы, парашютисты, должны избегать риска,— говорит Романюк,— но вполне достигнуть этого удается не всегда. Вот, например, прыжок с восьми тысяч метров с немедленным раскрытием парашюта. Я благополучно снижался, как вдруг сильным ветром меня понесло. Тщетно я старался скользить, натягивая стропы. Проплыли границы аэродрома, лес, дальше было большое озеро, блестевшее первым, некрепшим ледком.

Опустился я как раз по середине озера. Лед с хрустом проломился, и я, в тяжелом обмундировании, обвешанный приборами, как топор, пошел ко дну. Но внезапно чья-то могучая рука подняла меня со дна и бросила на лед. Парашют, надутый ветром, словно гигантский парус помчал меня дальше с такой скоростью, что тонкий ледок прогибался, трескался, но проламываться больше не успевал. Так и вынесло меня на берег.

— Как вы думаете, будут использоваться прыжки при полетах на высотах в тридцать и более тысяч метров?..

— Попробуем это себе представить,— отвечает Романюк.— Самолет на такой высоте терпит аварию, и кабина перестает быть герметичной. Но человека надежно защищает высотный скафандр. Летчик нажимает кнопку, вместе с кабиной катапультируется из самолета...

Скорость падения огромна. Чтобы ее затормозить, автоматически раскрывается сначала маленький парашютик, а потом большой грузовой парашют. Так летчик падает до высоты пять—шесть тысяч метров. Здесь кабина раскрывается, летчик освобождается от катапультного сиденья и открывает обычный спасательный парашют.

— И вы рассчитываете когда-нибудь выполнить такой прыжок? — в заключение спрашиваю я.

— Пока есть порох в пороховницах! — улыбается Василий Григорьевич...

А. ГОЛИКОВ

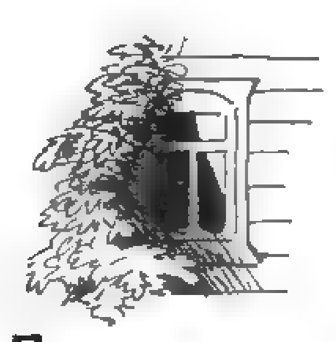
Русская красавица

Поэма

Сергей СМИРНОВ

Рисунки Ю. КОРОВИНА.

Если
[redacted]
пристально всмотреться,
Целым миром кажется она:
Вот ваш дом,
Деревья по соседству,
Панорама города видна,
Провода,
прочерченные резко,
Дальше небо,
синего синей.
Вот уже
Глаза слепит от блеска —
Это
солнце
отразилось в ней.

Проходной
московский дворик
В сердце каменных громад.
Тут целителен и горек
Тополиный аромат.
Тут стоит обшитый тесом
Дом,
от времени седой,
Виноградом весь оброс он,
Как зеленой бородой.
Загляделись три окошка
На ряды высоких гряд,
Где цветы на тонких ножках,
Словно факелы,
Горят.
Возле них
девятым валом
Возвышается стена,
И грозит,
Грозит обвалом
Всем и каждому она.
Под ее столетней тенью
Ходит,
землю вороша,

Фея доброго цветенья,
Беспокойная душа.

С первых строк
[redacted]
Эта фея у меня
Далеко не молодая,
Прежним феям
не родня.
[redacted]
в облике москвички...

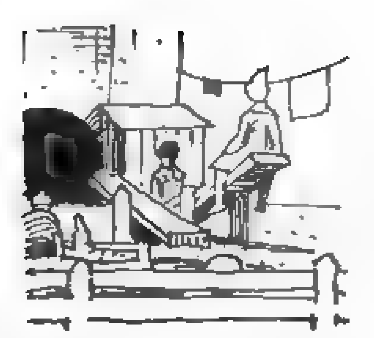
Этот чин присвоив ей,
Не беру его в кавычки,
[redacted]
верю
в добрых фей...

Пусть существенным пробелом
Остаются времена,
Как жила на свете белом
До замужества она,
Как стихийно
[redacted]
В шумном городе своем,
Чтобы жить себе неслышно
С другом юности вдвоем.

В переулке
дом старинный.
Три окна,
Один порог...
Вот
прибежище Марины,
Героини этих строк.

Есть герои-ветераны,
Самородки
в полный рост,
За прорывы,
За тараны
Удостоенные Звезд.
Есть они
в степных просторах,
На заводах —
Люди-клад.
Есть герои,
У которых
Нет
ни званий,
ни наград.

Вот такой же героиней
Я считаю и мою.
И куплетами своими
Ей почтенье воздаю.

Скажем прямо, без утайки,
Дружным хором голосов,
Что рабочий день хозяйки
Подлиннéй
восьми часов,
Что открыто и закрыто
Те часы
горят дотла
У прилавка,
У корыта,
У плиты
И у стола.

Но, клянусь,
не за горами
И другие времена:
Сядешь, скажем, в ресторане,
Рядом —
дети и жена,
А вокруг твоей персоны
Человек вступает в роль,
Не медлительный,
Не сонный,
Не бесстрастный,
как король,

Нет! Исполненный привета,
И, любя рабочий люд,
Вмиг несет он
то и это
Из букета
Вкусных блюд...

Но Марине
По старинке
Предоставлено самой
То да сё
искать на рынке
И с покупками — домой.
К нагревательной системе,
К неусыпному огню,
К допотопной женской теме:
Что
придумать
на меню?

И несет,
несет Марина
Все высокие чины —
От домашнего начфина
До приветливой жены.
Только грустно почему-то,
Если
каждый божий день
Те же прелести уюта
[redacted]
та же дребедень
С неуютной, проходною
Беспризорностью двора,
Где от пыли
и от зноя
Изнывает детвора.

И решила героиня
У соседок на виду:
— Дай я силами своими
Тут
субботник
проведу,
Хоть немного,
Хоть в порядке
Самовольничанья
тут
Посажу цветы на грядке,
Пусть под окнами цветут...

У стены
и перед домом
Битый камень с кирпичом.
Эту землю
даже ломом
Не поднимешь нипочем.
Но и капли
точат
камень,
Если в точку бьют они.
Перед сильными руками
Нет незыблемой брони.

Вышла
фея
в рукавицах,
Стала действовать киркой.
Тут соседи —
очевидцы
Ситуации такой —
Кто беспечно,
Кто заздравно
Порешили у ворот,
Что Марина Николаевна
Замышляет огород.
Управдом заметил едко
(В интонации металл):
— Ха-ха-ха!
Чудит соседка...—
Но препятствовать не стал.

А она
При всем народе,
Без парадной суеты
Посадила в огороде
Не картошку,
[redacted]

Я предвижу
массу реплик,
Вроде:
— Вот тебе и на!
Пол-Европы
было в пепле,
И в Китае шла война,
И витала надо всеми
Тень
фашистского орла...
А у автора
в поэме
Узколичные дела...

Я скажу,
не ожидая
Никаких таких речей,
Что и Волга
на Валдае —
Просто-напросто ручей.

И «с надеждой упованья»,
Как писали в старину,
Свой клубок повествованья
В даль событий
потяну...

Нерасчетливо и длинно
Делать перечень того,
Как работала Марина
Возле дома своего.
Это будничная проза,
И свои резоны в ней:
С заготовками навоза,
С пересадками корней,
С огорченьями от града
И чрезмерного тепла,
С беспокойством,
чтоб ограда
Не разломана была.
А поливка,
А прополка,
А рыхленье под цветком...
Впрочем,
мало будет толку
В красноречии таком.
Просто эта спецзадача
Мне,
видать,
не по плечу.
Я, нисколько не чудача,
Фантастичности хочу!

Гасли звезды-невелички.
Было пусто во дворе.
Фея
в облике москвички
Пробудилась на заре,
Чуть обрызнула из лейки
Землю в каменной пыли —
Огоньки
бутонов клейких
Побежали
Из земли.

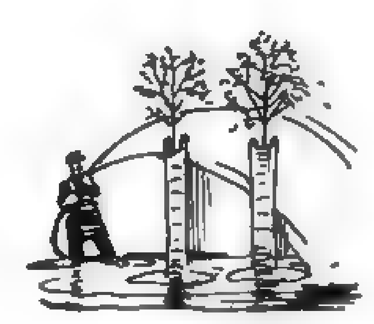
Встала
в царственную позу,
Повела вокруг рукой —
Зацвели
жасмин и роза,
Закурчавился левкой,
Алый мак
раскрылся шустро,
Виноград завил усы,
Запылал пион, как люстра,
В первой россыпи росы,
Георгин
у самых окон
Развернулся тяжело...

Солнце
глянуло
с востока
И лучами развело!..

Через двор
идут со смены
Люди добрые домой.
Тут один усач степенный
Даже ахнул:
— Бог ты мой!
Улыбается устало,
На цветы глядит с душой,
И усталость
вроде стала
Не ахти какой большой.

— Посмотрите,
как красиво! —
Молвил кто-то из девчат.
— Красота!
— Порядок!
— Сила! —
Рядом выводы звучат...

А виновница событий
Вновь ушла
в семейный круг,
И шипит белье в корыте
От ее проворных рук.

Пыль.
Дыханье суховея.
Зной струится от камней.
Но цветы у нашей феи
Все нарядней,
Все видней.
Здесь и пчелы залетали,
Занялись своим трудом.
И...
любуется цветами
Даже скептик-управдом.

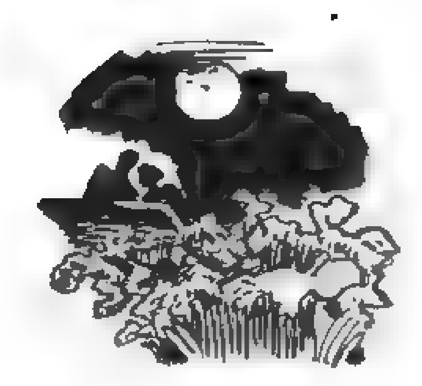
И пришло к нему желанье
Не ударить в грязь лицом,
Посадить
в таком же плане
Деревцо за деревцом.
И в общественном порядке
Дружно вскопана земля,
Как юнцы на физзарядке,
Появились
[redacted]

Во дворе играют дети,
Поднимают тарарам.
И любовь
при малом свете
Тут сидит по вечерам.

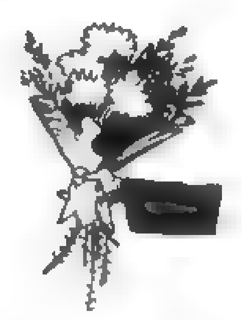
Как-то раз приехал даже
Пожилой
Любимец муз.
В меру тучен,
В меру важен,
Эрудит — на весь Союз.
Дал понять,
что очень рад он
Видеть этот колорит,
Щелкнул фотоаппаратом.
— Процветайте! —
говорит.

А лицо
помельче рангом —
Дворник, рыцарь чистоты,
Изготовился со шлангом:
— Дай
полью твои цветы!

И цветет краса земная
В сердце каменных громад,
И, усталости не зная,
Источает аромат.

О цветы —
питомцы лета,
Дети солнца и земли!
Хороши вы в час рассвета,
Будто с неба снизошли.
Хороши вы в полдень ясный,
Хороши вы в час ночной
Под лирической,
безгласной,
Ясновидящей луной.
И сильнее силы войска,
Ярче славы храбреца
Ваше трепетное свойство
Завоевывать
Сердца!

Вот, казалось,
для себя лишь
Ты будила ото сна
Твердокаменную залежь...
Но воспрянула она,
И, ретивые сугубо,
Проторяют путь сюда
Цветоводы-цветолюбы,
Люди разного труда.

Между ними
неизменно
Сохраняются черты
Натурального обмена —
За цветы
[redacted]
Но и здесь довольно часто
Дух коммерции сквозит.
На правах энтузиаста
Он
[redacted]
визит,
Восторгается цветами:
— Ах, какая красота!
Где же,
где же вы достали
Эти редкие сорта!

И уже под тары-бары,
Промедленья не любя,
Отбирает экземпляры
Специально
для себя.

Но придите вы к такому
За каким-нибудь цветком,
И сегодняшний знакомый
Сразу
с вами не знаком:
Глянет важно,
Скажет бросько,
Мол, и я энтузиаст,
А ни корня,
Ни отростка
Сотоварищу не даст.
Он цветов не дарит даже
Ни супруге,
ни родне,
А готовит для продажи
По коммерческой цене.

Обнесен
        его участок
Плотным тесом да плющом...

Нет!
  Таким энтузиастам
Вход
    в поэму
        воспрещен!

Можно вырастить растенья.
Но
  попробуй
        опиши
Непарадное цветенье
Человеческой души,
Молодой
        и очень давней
Русской женственности той,
Чьи глаза,
Как дом без ставней,
Золотятся добротой,
Чья улыбка —
        загляденье,
Ибо чувствуется в ней
Безупречность поведенья,
И суровость наших дней,
И любовь —
        всего основа,
Без чего стихи не впрок...

Тут поре вернуться снова
К героине наших строк.

Ей,
  наверно,
        сам всевышний
Дал чудесный цвет лица,
Губы — цвета спелой вишни,
Косу —
    в образе венца..
А возможности для счастья
И стремленье
        жить не зря —
Это дар Советской власти,
Объективно говоря.

Вкусы трудноизмеримы,
Сколько автор ни крутись.

Дело в том,
        что у Марины
Муж не летчик,
Не артист,
Не ловкач,
        повсюду вхожий,
Не футбольный фаворит...
И ему всего дороже,
Как Марина говорит,
Не тюльпаны у окошка,
А предмет
        [illegible]
Подмосковная картошка —
Гордость
        опытных полей.
И какой бы ни растил он
Чудо-клубень
        под Москвой,
Всем картофельным светилам
Раскрывает
        опыт свой.
А умельцам урожая
Говорит про урожай:
— Я тебя опережаю,
Ты меня опережай!..

Есть поэты в каждом деле.
И поэту
        для труда
Надо сутки всей недели,
Надо месяцы,
        года.
Для такого
        труд не труден
Даже в праздничные дни.
Ну,
  мешать ему
        не будем.
Нам
Поэзия
Сродни!

Между публикой бывалой
Ходит версия одна,
Что
  поэзия,
        пожалуй,
Чересчур заземлена.
Рассуждают, что нельзя так!
Утверждают, что, увы,
Заземленье — недостаток.
И по-своему
        правы,
Но правы, как горожане,
Избалованные,
        те,
Кто приподнят этажами
И застрял на высоте.

Опустить бы их на землю,
Подтолкнуть слегка плечом:
Вон
  дубы
        на круче дремлют,
Им все бури нипочем.
Вот метро московских линий
Ниже уровня земли,
Не сметешь
        такой твердыни,
Хоть снарядами пали!
Старый Кремль
        державно блещет,
Не качнешь его стены,
Потому что эти вещи
Хорошо
        заземлены!

Я —
  сторонник заземленья —
Твердо верую пока,
Что достойны изумленья
Не бродяги-облака,
Не миражи над пустыней,
А земля —
        рабочий дом,
Где воздвигнуты святыни
Титаническим трудом.

И пускай,
        пускай продлится
Разговор по существу:

Разновозрастные лица
Любят матушку Москву.
Но любовь бывает разной:
То глядит
        куда-то вспять,
То зевает
        в позе
            праздной,
Как любитель долго спать.
Нет!
Любовь натуры русской —
Это
  действенность сама,
С полной чувственной
        нагрузкой,
С блеском силы и ума.

Я считаю москвичами
Только дельных москвичей,
Кто, науки изучая,
Может быть, не спит ночей,
Кто изведал все невзгоды,
А душой не охладел,
Кто несет
        хоть каплю меда
В общий улей наших дел.

Я люблю людей красивых,
С веком спаянных на «ты».
Я противиться не в силах
Обаянью красоты,
Красоты,
        с которой стало
Жить на свете веселей
Людям
    хлеба и металла,
Исполнителям ролей,
Мастерам пера и кисти,
Кто творить
        всегда готов,
И пророкам новых истин,
И кудесникам
        цветов!

Утром памятного лета
Муж Марины сел за чай,
Взял газету
        и в газету
Углубился невзначай.
Он прищурился с хитринкой
И затылок почесал:
— О, растет
        моя Маринка
Не по дням, а по часам!
Посмотри...

А со страницы
Улыбается она,
И о ней, как говорится,
Информация дана,
Что такие горожане
Хороши не без причин,
Что достоин подражанья
Их
  новаторский
        почин.

И вот тут-то
        наша фея
Популярность обрела.
Для заочной дружбы с нею
Пишут даже из села.
Люди просят поделиться
И помочь любой ценой,
Как в поселке и станице
Сделать тоже
        рай земной.

А она им шлет ответы,
Черенки да семена.
Часть домашнего бюджета
Этой цели отдана.
Для одной заветной цели
Силы тратятся не зря:
— Пусть
    цветут цветы
        с апреля
До метелей
Ноября!

...Но динамика событий
К пересмотру повела
Все понятия о быте,
Все заботы,
Все дела.

Был июнь.
Была как будто
Легкой музыки пора.
Вдруг
    на длинные минуты
Замолчали
Рупора.
И молчанье
        раскололось
Неожиданным:
— Война!..
По сердцам
        ударил
            голос,
Будто
Обух
Колуна.

Стал другим
        зенит высокий,
Стал нелепым чей-то смех,
И реклама
«Пейте соки!»,
И не знающий помех
Лепет лиственного лета,
Залетающий в окно,
И цветы,
    и два билета
На вечернее кино...

Проходной московский
        дворик
В сердце каменных громад.
Здесь
    невысказанно горек
Медоносный аромат,
Горек нежностью застолья,
Данью
    горькому вину,
Горек вынужденной болью,
Провожаньем
На войну.

...И не той
        Марина стала:
На душе свинцовый ком
(По призыву комсостава
Муж уехал
        с вещмешком).
Как же дальше жить на свете?
Ты одна.
А враг жесток...
Взять
    закрыть хоромы эти —
И в деревню,
На восток,
Или жить
        на аттестате,
Как солдатская жена?..
— Да с какой же это стати?
Нет! —
    промолвила она.

Конец первой части.

Здесь вырастет город Газли.

ГАЗ БУХАРЫ

С. ФРИДЛЯНД

Фото автора.

Два потока приезжих скрещиваются сейчас в древней Бухаре. Одних — арабистов, археологов, ориенталистов и просто любознательных путешественников — привлекает сюда прошлое города-музея, с его старинными медресе, дворцами, мавзолеями, минаретами. Других — строителей, геологов, монтажников, инженеров, рабочих — влечет сюда новое большое дело, весть о котором уже разнеслась по всей стране: под Бухарой открыто богатое месторождение газа, с которым связано будущее этого обожженного солнцем края.

«Открытие в районе Бухары месторождений газа, имеющих огромное народнохозяйственное значение, позволит создать крупную газовую промышленность, которая обеспечит газом не только большую часть Средней Азии, но и крупнейшие промышленные центры Урала». Это из утвержденных XXI съездом партии контрольных цифр развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы. Прошло сравнительно немного времени, и уже тысячи советских людей, главным образом молодежь, деятельно трудятся здесь.

...Взгляните на карту. Желтая краска пустыни почти вплотную подступает к Бухаре. Обтекая зеленые оазисы, пески покрывают огромную территорию. Тысячи лет не менялся пейзаж этих мест. Сейчас в пейзаж вписываются новые детали.

Кому раньше, кроме разве геологов-разведчиков, были известны Сары-Таш, Сетален-Тепе и в особенности Джаркак — пустынное, безводное плато к юго-западу от Бухары? Объединенные общим названием Каганской группы газовых месторождений, они явились начальным звеном цепи последующих сенсационных геологических открытий. Место разведчиков здесь уже заняли эксплуатационники первых действующих скважин.

На песчаных холмах Джаркака все та же первозданная тишина, но она обманчива: мы на производстве. Его «цехи» почти невидимы глазу. Укрыта землей сеть газопроводов, сходящихся к главной магистрали, которая несет чудесную энергию на предприятия Кагана и Бухары. Загорелый дочерна юноша хлопочет у приборов замерного узла. Это оператор Саша Ашуров — представитель узбекской молодежи, с увлечением осваивающей новую для республики промышленность.

Из Джаркака берет начало, проходя через Каган и Бухару, газопровод на Ташкент. Полторы тысячи строителей четырьмя колоннами движутся по шестисоткилометровой трассе. В 1960 году столица Узбекистана и другие промышленные районы республики получат бухарский газ.

— Но этим наша задача не ограничивается,— говорит нам начальник строительства газопровода Ф. Борруто.— Головная магистраль продвинется дальше — на Чимкент, Джамбул, Фрунзе, Алма-Ату. Газ получит и Сталинабад. Таким образом, в ближайшие годы будут газифицированы все республики Средней Азии.

— Хватит ли для этого газа?

— Познакомьтесь с Газли — и вы получите ответ на ваш вопрос.

Газли — так назван новый город в пустыне Кызыл-кум. Газли у всех здесь на устах. Трудно найти более меткое и удачное название для недавно открытого уникального месторождения. На русский язык Газли переводится «с газом». Поставьте восклицательный знак, и слова эти зазвучат как поздравление. И действительно, наши геологи достойны его. Их долгие разведочные поиски завершились поистине сенсационным открытием одного из крупнейших в мире газовых месторождений. Запасы его уже подсчитаны: свыше 400 миллиардов кубометров природного метана хранится в подземной «кладовой» Газли. Скоро сюда придут производственники, чтобы наладить промышленную добычу газа. А передний край разведочного поиска продвинулся дальше — на запад, юг, восток, во все стороны от Бухары. На карту ложатся все новые заштрихованные овалы и кружки: Учкир, Учкудук, Реметан, Ак-Джар, Кинача-Зикри, Денгиз-Куль... В недрах огромной территории, которую геологи называют Бухаро-Хивинской провинцией, видимо, разместилась большая семья газовых структур, таящих в своих складках триллионы

Шаг за шагом молодые строители обживают пустыню. Скоро еще одна буровая вышка поднимется на Джарканском газовом месторождении.

Доставка труб на строительство газопровода

Трудовая биография комсомольца Саши Ашурова началась в первый год пятилетки на газовом месторождении Джаркак. Скважины, на которых работает молодой оператор, уже подают промышленный газ на предприятия Бухары.

Все дальше через пустыни и зеленые оазисы уходит трасса газопровода Джаркак — Бухара — Самарканд — Ташкент.

кубометров газа. Старший брат в ней — Газли.

Город Газли, строго говоря, пока еще не существует. Фотокорреспонденту есть от чего прийти в отчаяние. Кругом — пустыня. И только около сотни домиков поставлены правильными рядами вдоль будущих улиц. В ветреные дни их окутывает плотная песчаная пыль. Но уже высажены чьей-то заботливой рукой первые три тополька. Уже движется и буквально на днях придет в город вода. Вопреки неумолимым песчаным барханам прокладывается асфальтированное шоссе Газли — Бухара.

И я невольно вспоминаю, что вот так же, на таких же голых песках, на другом краю этой же обширной пустыни возникал на моей памяти Небит-Даг, сейчас утопающий в зелени садов, парков и бульваров, благоустроенный, веселый, чистенький город нефтяников. Таким будет и город газовиков Газли.

Гигантскому скоплению дешевой энергии в газлийской сокровищнице семилетний план определил дальнюю дорогу — в промышленные центры Урала. Строителям трансмагистрального газопровода протяженностью в 2 200 километров придется весь этот путь пройти, что называется, пешком.

Когда с борта самолета окидываешь взглядом земли, по которым потянутся нитки газопровода на Урал, невольно вспоминаешь суховатый перечень особенностей трассы, приведенный в инженерной докладной записке: ровные пески (186 км), грядовые пески (160 км), ячеистые пески (60 км), скалистые грунты (167 км), бездорожье (410 км), болота (52 км), пустынные и малообжитые места (975 км).

...Да, нелегкий путь предстоит армии строителей. На помощь им придет могучая советская техника, надежность которой в своеобразных условиях пустыни уже испытана на ташкентской трас-[redacted]

Что даст Газли? Ежегодно Урал будет получать от него 21 миллиард кубометров газа — это то же, что свыше 25 миллионов тонн угля (в условных единицах).

Но значение Газли этим не исчерпывается.

В молодом Бухарском совнархозе нам нарисовали картину недалекого будущего, когда вдвое увеличится население Бухары: здесь построят сотни новых домов, посадят тысячи молодых деревьев.

Газ — это не только топливо, но и ценнейшее сырье для химической промышленности. На газлийском сырье Бухара будет выпускать ежегодно 25 миллионов метров ткани из искусственной шерсти. Другой завод займется разнообразными изделиями из пластмассы

Скоро появится на карте недалеко от Бухары город химиков и энергетиков — Навои. Его начинают строить буквально на пустом месте. Тут вырастут корпуса самого большого в республике азотнотукового комбината. Основным сырьем для ежегодного выпуска сотен тысяч тонн минеральных удобрений будет все тот же газлийский метан. А энергия мощной газотурбинной электростанции направится на орошение. И до всего этого уже, как говорится, рукой подать.

ВОПРОС РЕБРОМ

А. СЕРБИН

...В скупо освещенном «геодезическом куполе» Американской выставки в Сокольниках стрекочут пишущие аппараты. Это один из экспонатов выставки: электронно-вычислительная машина «РАМАК 305», отвечает на вопросы о жизни в Соединенных Штатах. Что вас интересует? Подходите, спраши-[redacted]

Впрочем, спросить все, что хочется, нельзя. Любознательность посетителей ограничена списком заранее подготовленных вопросов, на которые заранее подготовлены ответы. Ознакомившись со списком, можно при желании узнать, каков гардероб «среднего американца» и насколько популярен «рок-н-ролл» в Америке. Можно просветиться по части абстрактного искусства и обогатить память числом кинотеатров в США. Машина, если вы захотите, выстучит вам нечто об «успехах в направлении отмены сегрегации» или о «праве американских рабочих на забастовку». Итак, что же вас интересует?

После осмотра художественной выставки в главном павильоне уже не было смысла задавать вопрос об американском абстрактном искусстве: все было ясно и без машины. Не хотелось узнавать и среднее количество штанов у мифического «среднего американца». Но все же и в списке заранее подготовленных вопросов нас интересовало многое. Например, «право на забастовку».

Только что, как сообщала американская печать, в Соединенных Штатах закончился судебный процесс, проходивший в городе Гендерсоне, штат Северная Каролина. Перед судом предстали руководители профсоюза рабочих-текстильщиков и бастующие рабочие текстильных фабрик, принадлежащих Джону Куперу-младшему. Рабочие бастуют девятый месяц и не хотят сдаваться. Суд уже рассматривал около 400 судебных дел против забастовщиков. Но это последнее было самым серьезным. Восьмерых руководителей профсоюза и участников забастовки обвинили в том, что они якобы намеревались... взорвать котельную на одной из фабрик, поджечь здание конторы и подложить динамит на одну из электрических подстанций. Обвинение было основано на показаниях провокатора, подкупленного властями, и агентов Федерального бюро расследований. Не доказав ни одного из обвинений, суд приговорил обвиняемых к различным срокам заключения — от двух до десяти лет.

«РАМАК 305», конечно, ничего не знал о судебном процессе в Северной Каролине. Поэтому он равнодушно отстукал, что рабочие в Соединенных Штатах «имеют право» бастовать, и на этом поставил точку.

Следующий вопрос, который мы нашли в списке, вызвал у нас удивление: «Нормальный уровень безработицы». Это звучало странно. Разве безработица и связанные с ней страдания для рабочих семей могут быть «нормальными»? Оказалось, что могут. Хитрый «РАМАК» объяснил: «Нормально в США большинство желающих работать может получить работу на удовлетворительных условиях». В отстуканном ответе значится дальше, что сейчас в США 4 миллиона безработных и что это на треть выше послевоенной «нормальной» безработицы, которая официально исчисляется в 2—3 миллиона человек. Но «РАМАК» не остановился на этом странном утверждении. Он заявил, что «нормальная» безработица порождается рабочими, «которые стараются улучшить свое положение переменой места». Электронный мозг «РАМАКА», видимо, плотно начинен такими идиллическими формулами!

Следующий вопрос — он значится под номером 2636 — касался причин безработицы в США. Если судить по безупречно отпечатанному на бланке ответу, в США безработица возникает оттого, что работы... слишком много! «РАМАК», например, заявил: молодые люди в США «являются временно безработными потому, что, располагая большим выбором различных занятий, сначала пробуют один вид работы, а потом переходят на другой».

Уничтожив таким нехитрым способом всех безработных в Америке, «РАМАК» тут же замолчал, почему-то не сказав ничего, к какой «категории» относится целый миллион американских рабочих, потерявших работу в результате автоматизации производства, и кто же устраивал недавнюю конференцию безработных в Вашингтоне.

Но с «РАМАКОМ» оказалось бесполезным вести дискуссию. Чтобы не тратить времени зря, мы передали ему еще один номер из списка. Под ним значилось: «Законы, охраняющие негров от дискриминации при приеме на работу». Помигав глазками лампочек, «РАМАК» ответил, что при приеме на службу в органы федерального правительства и при приеме на работу, выполняемую по контракту с федеральным правительством, «дискриминация в отношении негров не допускается». Подобные законы есть в 16 штатах, сообщил «РАМАК». (В остальных 33 штатах, очевидно, таких законов нет.) Чувствуя, что работяга «РАМАК» тут явно расходится с действительной картиной жизни негров в США, мы поискали ответа в американской печати. Журнал «Юнайтед стейтс ньюс энд уорлд рипорт» сообщил нам: «В процентах безработица в два раза выше среди негров по сравнению с белыми рабочими. Это — обычное положение во времена деловых спадов»

Откровенного разговора с машиной явно не получалось. «РАМАК» давал вежливые, но весьма уклончивые ответы. Когда беседа перешла на темы, касающиеся международного положения, «РАМАК» назвал НАТО «ассоциацией, призванной поддерживать международный мир и безопасность». Однако он отказался обсуждать вопрос об американских базах у границ Советского Союза. Отвечая на вопрос о торговле США и СССР, машина заявила, что «мы не ставим [redacted] препятствий для торговли товарами мирного потребления», но тут же напомнила, что в США есть ограничения на торговлю так называемыми «стратегическими товарами». Еще одна попытка увильнуть от исчерпывающего ответа! Ведь каждому ясно: «стратегические товары» — это просто уловка для того, чтобы продолжать политику дискриминации в торговле с социалистическими странами.

Вежливо сказав «РАМАКУ» «сенкь ю», мы отошли от машины, проглядывая проспект с ее описанием. И тут вдруг стало совершенно ясно, что «РАМАК» вовсе не виноват в том, как он ведет себя в Сокольниках. Ведь машина-то была сделана совсем для других целей! «РАМАК» используется в универмагах для ведения учета инвентаря» — так значилось в проспекте. «В машину вводятся данные о количестве, цвете, фасоне и цене имеющихся в магазине товаров. После продажи товаров сведения сообщаются машине, и она автоматически производит все нужные для учета инвентаря операции».

Наверное, в американских универсальных магазинах «РАМАК» неплохо делает свое дело. А когда здесь, на выставке, он пытается по чьей-то воле рисовать идиллию за океаном или рассаживать белых голубков на фасаде НАТО, то становится неловко за умную машину. Нет, «РАМАК», право же, не виноват в том, что его втянули в пропаганду! И сколько посетителей так же, как и мы, вежливо поблагодарив за ответ, отходили от машины со снисходительной улыбкой!

А стоило ли для этого везти машину за тридевять земель? Мы хотели спросить это у самого «РАМАКА». Но в списке вопросов, на которые он отвечает, такого не оказалось.

Вопросы подготовлены заранее

Фото О. Кнорринга

СЛАВА ПАРИЖА

А. МАРИНСКИЙ

В конце августа в парках Парижа деревья уже начинают ронять первые пожелтевшие листья, а по утрам над Сеной гуще становятся туманы. Таким было и утро 18 августа 1944 года, когда в прилегающем к Парижу городе Монтрей боевые группы французской молодежи напали на военные отряды и грузовики фашистских оккупантов, захватили оружие и овладели зданием мэрии, водрузив на нем трехцветное национальное знамя. Так началось восстание, которое вплело неувядаемые лавры в венок славы народного Парижа.

А семь дней спустя, 25 августа, в пять часов вечера, доставленный на вокзал Монпарнас тучный и насмерть перепуганный командующий немецкими войсками в Париже генерал Шолтиц подписал акт о безоговорочной капитуляции. Принял капитуляцию вместе с командиром вступавшей в Париж французской дивизии генералом Леклерком полковник Роль-Танги, командующий вооруженными силами восставшего Парижа, сын парижских предместий, рабочий-металлист, член компартии...

Четыре долгих года по затихшему и притаившемуся Парижу раздавался топот сапог гитлеровских солдат. Но народ не смирился с немецкой оккупацией. Запутанные улицы и тупички Парижа заменили партизанам горы и лесные чащи. Падали сотнями от рук мстителей наглые оккупанты. Под ногами фашистов горела земля.

Летом 1944 года советские армии неудержимой лавиной двигались к границам гитлеровской Германии. Союзные войска высадились в Нормандии. Но народ Парижа не стал ждать их прихода. Он деятельно готовился к восстанию. Во главе рабочих масс стояла Французская коммунистическая партия, «партия расстрелянных», как ее звали тогда в народе, принесшая на алтарь родины жизнь семидесяти тысяч своих членов.

В июле в Париже все чаще вспыхивали стачки, демонстрации, шествия женщин с требованием хлеба. Эти выступления прикрывались теперь вооруженными группами Сопротивления. 14 июля, в годовщину взятия Бастилии, город расцветился национальными флагами, женщины украсили себя трехцветными кокардами. В XX округе, где у кладбища Пер-Лашез пали в 1871 году последние коммунары, вышло на улицы двадцать тысяч демонстрантов. Вишистская полиция под восторженные клики народа присоединилась к шествию.

10 августа забастовал крупнейший железнодорожный узел под Парижем, Вильнев-Сен-Жорж. Это был сигнал к всеобщей стачке. Стачечники разбирали железнодорожные пути, прокалывали шины немецких военных машин. Патриоты добывали оружие, нападая, часто с одними ножами в руках, на фашистских солдат. Отряды смельчаков атакуют немецкие военные склады.

18 августа ночью город покрывается воззваниями Комитета освобождения о всеобщем восстании. Утром 19 августа перестрелка идет уже по всему городу: от площади Согласия до предместья Дранси, где с боем взят зловещий эсэсовский концлагерь, и от студенческого района Сорбонны до закопченного рабочего Сен-Дени. Заняты главный почтамт, центральный рынок, газовые заводы.

20 и 21 августа бои продолжаются по всему Парижу. Враг вводит в действие танки и артиллерию, расстреливает женщин, детей. Но атака его терпит неудачу. Оккупанты пытаются добиться перемирия, чтобы обеспечить проход через парижские мосты отступающим с фронта своим частям. 22 августа «Юманите» — уже легальная — выходит под лозунгами: «Смерть бошам и предателям! Парижане, вперед, на бой! Долой трусов и комбинаторов!» По городу гремят призывы Комитета освобождения: «Все население должно любыми средствами мешать движению врага по городу! Рубите деревья, ройте противотанковые рвы, стройте баррикады!»

23 августа. Немцы уже сметены с улиц Парижа. Они окапываются в отдельных пунктах, пытаются пробираться через баррикады на танках. Но в танки летят бутылки с зажигательной жидкостью. Тысячи этих бутылок изготовила тайная лаборатория Парижского университета, которой руководил великий патриот и ученый, коммунист Фредерик Жолио-Кюри.

25 августа повстанцы всюду штурмуют немецкие укрепления. Наступлением на позиции немцев у Люксембургского дворца руководит легендарный полковник Сопротивления Фабиан, рабочий-коммунист, ровно за три года до этого уложивший у станции метро Барбес первого немецкого офицера. И к ночи Париж ликует, празднует победу! Об этих незабываемых часах писал большой поэт Франции Луи Арагон:

Ничто не заставляло когда-либо
так биться мое сердце,
Ничто не заставляло меня так
смеяться и плакать,
Как этот крик моего народа-
победителя!

Победа народного восстания в Париже была победой объединенных патриотических сил Франции. С тех пор реакции удалось расколоть силы народа, приковать Францию к Атлантической колеснице. Реакция снова вкладывает оружие в руки нацистских генералов. Кто мог бы подумать в те славные дни августа 1944 года, когда плененные рабочими гитлеровские офицеры шагали с поднятыми вверх руками по улицам Парижа, что несколько лет спустя палач Франции генерал Шпейдель разместит свой штаб в древнем Фонтенебло и будет командовать французскими войсками?

...Много воды утекло за эти пятнадцать лет в Сене, под мостами Парижа. Но никогда Сена не обратит вспять своего течения, и нет той силы, которая сумела бы повернуть назад ход истории. И во Франции восторжествуют идеалы демократии и мира, которыми вдохновлялся в незабываемые дни своего восстания свободолюбивый и непокорный народ Парижа.

Неизбежный финал. Парни с рабочих окраин столицы Франции конвоируют «непобедимых» крестоносцев, возмечтавших покорить великий народ.

Решающий период

Футбольный календарь, который показался сначала продуманным и строгим, после седьмого тура был нещадно сломан и до сих пор не может войти в колею. «Потусторонние силы» не дали возможности большинству команд закончить первый круг, но предписали начать второй, календарь которого тоже меняется на ходу.

Все же футбольная жизнь постепенно закипает, и стадионы, уже отвыкшие было от страстей, вновь заполнились и зашумели.

К тому же начало второго круга ознаменовалось сенсационным поражением московских динамовцев и команды ЦСК МО и не менее сенсационными победами тбилисского «Динамо» пять раз подряд.

Это перетасовало «карты» турнирной таблицы и уравняло шансы. Команды стали в затылок друг другу с интервалом в одно или два очка. Редкий случай кучности в борьбе за призовые места!

Если первые восемь туров московские динамовцы шли без поражений и лидировали с большим отрывом от своих потенциальных соперников, то теперь к ним приблизились их тбилисские одноклубники, железнодорожники и торпедовцы Москвы, которые создают даже некоторую толчею в лидерской группе.

Вслед за ними тоже очень кучно идут: «Зенит», ростовская команда СКВО и армейцы. Далее следуют четыре коллектива: «Спартак», «Динамо» (Киев), «Крылья Советов» и «Молдова», набравшие по 11 очков. И только «Шахтер» слишком уж засиделся на старте, медлил в пути, а теперь делает отчаянные попытки покинуть последнее место. Не поздно ли?

Кучное расположение клубов в турнирной таблице предвещает острую борьбу: каждая победа или поражение чувствительно отразятся на перемещениях команд по шкале вверх или вниз.

Это придает играм особый спортивный интерес.

Во втором круге обычно футболисты обретают высокую спортивную форму, и зрители наслаждаются красивой, комбинационной, результативной игрой. Но нынче «футбольное созревание» явно запаздывает. Мы почти не видим темпераментных «футбольных спектаклей», стройных действий форвардов, остроумных новинок. Многие команды до сих пор (в конце августа!) не имеют хорошо организованных атакующих линий. Особо встает вопрос об амплуа лидера — центрального нападающего. Без Ю. Кузнецова динамовские форварды сразу потеряли свою боевитость и остроту, без Н. Симоняна спартаковцы никак не могут наладить наступательных действий. Нет лидеров атак и в других столичных командах, нет их в Ленинграде и Киеве.

Между тем плохо организованное нападение в сто крат облегчает игру на оборонительных рубежах. Последние матчи окончательно убедили в этом

Защитники «Крыльев Советов» легко ликвидировали индивидуальные, слишком уж прямолинейные действия нападающих ЦСК МО, к тому же начинавших свои контратаки из глубины эшелонированной обороны. Появление же у волжан рассудительного, понимающего принципы атаки молодого центрального нападающего С. Дейкина обогатило игру всех форвардов и особенно Г. Хусаинова и Ф. Редкина. Это позволило куйбышевским футболистам изменить свою тактику и решительно пойти в атаку. Она и приносит им победу.

Футбол состоит из многих компонентов: атлетизма, техники, скорости, выносливости, акробатики, — но все это должно объединиться игровым мышлением, без которого попросту не может жить. Но именно его-то и не хватало армейским нападающим. Поэтому они никак не могли поднять «пары атаки». Даже с помощью микроскопа трудно было увидеть нити, связывающие форвардов. Такая разобщенность оставляла [illegible]

Мой сосед сказал: «Они напоминают людей, которые с завязанными глазами ловят воробьев...».

Горькая эта шутка походила на правду: мяч-воробей то и дело ускользал из-под ног. В итоге поражение.

И подумалось: неужели зрители требуют очень многого, когда ждут осмысленной комбинационной игры?

В этом отношении приятно отметить успех тбилисских динамовцев. Они радуют не только темпераментом, но и расчетливой, продуктивной, а иногда и изящной игрой, вдохновителем которой является нестареющий А. Гогоберидзе. Как хорошо, что тбилисцы не применили к этому замечательному спортсмену формально понятого, неписаного закона о возрастном цензе!

Футбольный сезон в разгаре. Еще в августе предстоят встречи, которые могут резко изменить ход турнира и положение команд. Может быть, именно поэтому следует напомнить, что наступил решающий период чемпионата. От него будет зависеть и судьба золотых медалей и успех наших международных встреч.

М. МЕРЖАНОВ

Момент матча московских команд «Торпедо» — «Локомотив».

ЧЕРНАЯ ПАУТИНА

В. ЧЕРНОВ

Рисунок Ю. Кершина.

Профессор Карло Шмидт разговаривал по телефону. Вдруг что-то щелкнуло в трубке, и тут же в разговор вмешался человек, назвавший себя социал-демократом, работающим на телефонной станции в Бонне. Он предупредил Шмидта, чтобы тот осторожнее обращался с телефоном: его аппарат подслушивается «компетентными органами». Тут только понял вице-председатель западногерманского бундестага причину постоянных подозрительных шорохов в телефонной трубке, которые особенно участились после того, как он совершил поездку в Москву. Впрочем, ничего «необычного» для боннской республики тут не случилось: Карло Шмидт попросту попал под неусыпный надзор «ведомства по охране конституции». Его не оградили ни звание ведущего парламентария, ни высокое положение одного из лидеров социал-демократической партии...

Что же такое «ведомство по охране конституции»? Несмотря на столь цветистое название, оно на самом деле ничего общего не имеет ни с конституцией, ни тем паче с ее охраной. Деятельность почтенного органа как две капли воды похожа на те функции, которые при Гитлере были возложены на гестапо и пресловутую службу безопасности СД. Ныне эта тайная полиция находится в руках ближайшего сподвижника Аденауэра — министра внутренних дел ФРГ Герхардта Шредера.

Чтобы не тратить много слов на характеристику этого государственного мужа, напомним только одно из его последних изречений: «Для 18 миллионов восточных немцев было бы, без сомнения, лучше умереть от атомной бомбы, чем дать коммунизму повредить их души».

Удивляться этой людоедской «идее» не приходится: Шредер при Гитлере был штурмовиком, и дразнящий запах крови ему не чужд еще с тех времен. Правда, в гитлеровском рейхе он не принадлежал к числу нацистских сановников первой величины. Во-первых, потому, что был молод: когда в 1933 году Гитлер захватил власть, ему исполнилось всего 22 года. С другой стороны, пребывание на советско-германском фронте, откуда он еле унес ноги, безусловно, кое-чему его научило, и он не старался особенно соваться вперед.

После войны Шредер прошел основательную выучку в американском и английском плену. Высокие покровители позже позаботились о своем питомце. Западным оккупационным властям нужен был свой человек в руководстве предприятий, конфискованных на первых порах у военных преступников. И Шредер стал председателем наблюдательных советов двух металлургических заводов.

Опираясь на своих оккупационных хозяев и используя связи с ожившими рурскими баронами, Шредер начал делать быструю карьеру, став в 1953 году министром внутренних дел боннской республики.

Воспоминания юности очень пригодились на этом посту «симпатичному Герхардту» с вкрадчивыми манерами иезуита. Это его руками был состряпан в 1956 году провокационный процесс против Компартии Германии и осуществлено ее запрещение. Немедленно вслед за этим Шредер расширил зону «охраны конституции» и поставил вне закона все прогрессивные организации в Западной Германии.

В «ведомстве по охране конституции» трудится более 1 500 официальных сотрудников. В их распоряжении много тысяч тайных агентов. Шредер и его подручные стыдливо называют их «доверенными людьми» (фертраунгс лейте). Их сеть опутывает все политические партии и организации, профсоюзы и добровольные общества, государственные учреждения и частные предприятия, их щупальца проникают во все слои населения боннской республики. Особенно много шпиков в индустриальных центрах Западной Германии: Руре, Гамбурге — там, где сильны революционные традиции рабочего класса и где «призрак коммунизма» не дает покоя боннским властителям.

На одной из тихих улиц Бонна, в небольшом здании, украшенном скромной вывеской, разместилась «Зихерунгсгруппе» — «группа обеспечения». «Зихерунгсгруппе» — фактически следственная часть по особо важным делам. И, хотя она формально входит в уголовную полицию, подчиняется она непосредственно и лично Шредеру. «Особо важными делами» для боннских правителей являются, конечно, дела против видных деятелей движения за мир, активных сторонников сближения с ГДР, противников атомного вооружения бундесвера или дела о... «тайных коммунистах», якобы пробравшихся в штаты боннских министерств и федеральных учреждений.

При Шредере «ведомство» зажило на широкую ногу: его бюджет в 1958 году составил свыше 10 миллионов марок (считая официальные ассигнования и дополнительные средства из секретного фонда Аденауэра). В несколько раз расширилась и картотека «ведомства», в которой учитываются все «подозрительные». В ней хранится около миллиона карточек.

Нужно ли говорить о том, из кого вербуются сотрудники «ведомства» и его филиалов, учрежденных во всех десяти землях ФРГ? Преимущество оказывается бывшим гестаповцам, чинам СД, офицерам военной разведки и контрразведки. Особенно «выдержан» в этом отношении западноберлинский филиал «ведомства». Здесь почти все 120 сотрудников — бывшие служащие гитлеровских карательных органов, офицеры войск СС, а во главе филиала поставлен некий Вихман, в прошлом майор нацистской военной контрразведки. Именно этому филиалу, помимо «наблюдения» за населением Западного Берлина, поручено еще собирать шпионские сведения военного и экономического характера в ГДР. Но и в Кельне, где находится центральное управление «ведомства», и в Мюнхене, и в Гамбурге, и во Франкфурте-на-Майне фашиствующих элементов среди сотрудников «ведомства» более чем достаточно.

Не менее колоритны и методы, с помощью которых Герхардт Шредер «охраняет конституцию». Недавно в Дортмунде перед судебной палатой по политическим делам предстали двенадцать бывших членов КПГ. По оплошности прокурора выплыло наружу, что все свидетели обвинения — «доверенные лица» шредеровской полиции. В качестве главного свидетеля фигурировал некий Мёллер, полицейский провокатор.

Строгую слежку Шредер установил за членами боннского парламента, ее не избегают и депутаты от христианско-демократической партии, выступающие против диктаторских замашек боннского канцлера. Лично же Шредеру поручено наблюдение за наиболее важными «объектами» — недостаточно покорными членами самого боннского кабинета. Например, за министром юстиции Фрицем Шеффером, еще в 1955 году посетившим неофициально демократический Берлин, или за вице-канцлером Эрхардом, осмелившимся недавно посягнуть на державный скипетр канцлера.

Как говорится, аппетит приходит во время еды. Шредер шпионит не только за недовольными политикой канцлера сановниками, но и за самыми ближайшими и, казалось бы, вернейшими его соратниками. Среди «объектов» — Штраус, Брентано, Этцель.

«Проныра Герхардт», как зовут Шредера в высших боннских кругах, купил сердце Аденауэра несложным приемом. Он предложил «план» усиления личной власти канцлера и устранения бундестага от решений всех важных вопросов внешней и внутренней политики. Заодно он выработал проект чрезвычайного закона на случай «забастовок в жизненно важных отраслях экономики или при возникновении других неразрешимых затруднений» (!). Кто знает, как далеко еще зайдет Шредер в «охране» конституции Западной Германии, которую ее заокеанские почитатели именуют «витриной западной демократии» в Европе!..

Ныне ФРГ, как и во времена Гитлера, опутана густой сетью тайной полиции. Снова мучительный страх, гнет от ощущения слежки отравляют существование западных немцев.

Но история не повторяется. Сейчас немцы не те, что 25 лет назад. Боннские властители пока еще в состоянии подавлять сопротивление народа их милитаристской, реваншистской политике. Но не за горами время, когда западные немцы разорвут и растопчут черную паутину Шредера и Аденауэра, опутавшую их землю.

ОТ КРАЯ ДО КРАЯ

Карлик и великан

Шофер не заметил ямки на обочине дороги, и колесо автомашины угодило в нее. Мотор заглох. Автомобиль остановился. Собрались любопытные прохожие.

— Заводи мотор. Так и быть, подтолкнем,— великодушно предложил один из них.

— Спасибо, обойдусь,— спокойно ответил шофер, вылезая из кабины.— У меня есть вот какой помощник!..

В руках водителя сверкнули на солнце маленький металлический механизм и кусок стального троса.

Привязав механизм к основанию столба и зацепив автомашину тросом с крючком на конце, водитель надел на стержень механизма трубчатый рычаг. После нескольких легких движений рычагом механизм-малютка вытащил грузовую автомашину из ямы.

Этот механизм называется ручной рычажной лебедкой. Ее вес — 18 килограммов, а тяговое усилие — 3 тонны.

С помощью ручной рычажной лебедки можно поднимать, перетаскивать различные тяжести, выкорчевывать пни, вросшие в землю камни.

Лебедку эту начал выпускать в первом году семилетки Туапсинский завод имени XI годовщины Октябрьской революции. Сразу же на завод хлынул поток заказов на замечательный механизм.

А совсем недавно выпущена и еще одна новая машина, также предназначенная для подъема и переноски тяжестей. Но это уже не карлик, а великан!

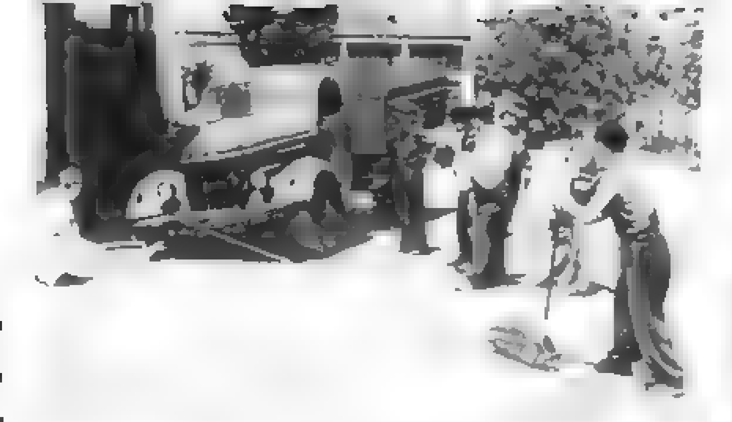
Высота нового подъемного механизма достигает 25, а ширина — 20 метров, вес — 114,3 тонны. Он может поднимать на 18,5 метра над землей и переносить одновременно 120 тонн!

Это передвижной козловой кран для монтажа вращающихся цементных печей диаметром до пяти метров.

Первый передвижной 120-тонный козловой кран, изготовленный туапсинскими машиностроителями, установлен в Белгороде и прекрасно работает.

Сейчас завод строит еще два крана-гиганта.

И. ЗАЙЦЕВ

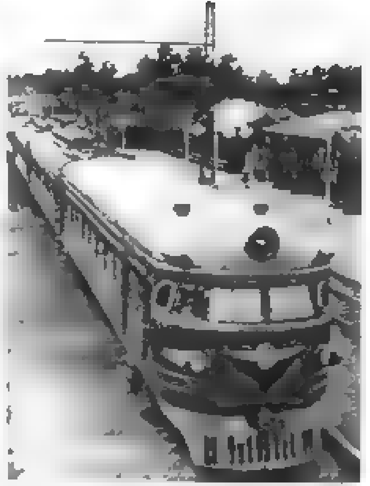

Ручная рычажная лебедка.

120-тонный козловой кран.

Фото автора.

ЭЛЕКТРОПОЕЗД «ЭР-6»

На Рижском вагоностроительном заводе освоено серийное производство электропоездов «ЭР-1». Сейчас конструкторы создали новый электропоезд «ЭР-6», где впервые в мировой практике осуществлена схема реостатно-рекуперативного торможения. Скорость поезда — 130 километров в час.

На снимке: электропоезд «ЭР-6» во время испытаний.

Фото И. Семина.

Циркачи Гаджикурбановы

Семь дочерей народного артиста Дагестанской республики Л. Гаджикурбанова выступают вместе со своим отцом на цирковой арене. Старшая, семнадцатилетняя Джариат,— заслуженная артистка Дагестанской республики. Четырнадцатилетняя Эльмира получила признание и в нашей стране и в странах народной демократии. Не отстает в мастерстве от старших сестер и двенадцатилетняя Айшат.

Сейчас в Сочинском цирке на репетициях можно видеть всю «династию» Гаджикурбановых. Самой младшей, Изумруд, два с половиной года. Но и она участвует в семейной программе канатоходцев.

П. МОРОЗОВ

Сестры Гаджикурбановы

Фото А. Волкова

Леонард Бернштейн

НЬЮ-ЙОРКСКИЙ ФИЛАРМОНИЧЕСКИЙ

Москва познакомится с одним из ведущих симфонических оркестров США — Нью-Йоркским филармоническим. Это уже третий — после Бостонского и Филадельфийского — американский оркестр, приезжающий в Советский Союз на гастроли.

Днем рождения этого оркестра считается 7 декабря 1842 года. Среди его дирижеров были известные музыкальные деятели. Оркестром в свое время руководил крупный русский музыкант Василий Сафонов. В январе 1925 года с Филармоническим оркестром выступил впервые в Америке Игорь Стравинский. С 1926 по 1936 год оркестром дирижировал Артуро Тосканини. Он и после, отойдя от постоянной дирижерской деятельности, выступал с оркестром на специальных концертах.

В 1943 году на должность ассистента дирижера пригласили молодого Леонарда Бернштейна. С прошлого сезона он стал музыкальным директором оркестра. Многообразна и широка его дирижерская и композиторская деятельность. Он пишет балеты, оперы, музыкальные комедии, музыку к кинофильмам, песни и пьесы для рояля...

Рядом с именем Бернштейна на афишах стоит имя Томаса Шипперса. Еще очень молодой музыкант — ему 28 лет,— он уже выступал со многими известными оркестрами Америки и Европы. Ему приходилось дирижировать и в опере Ла Скала.

Американские музыканты давно стремились побывать в СССР, познакомиться со страной высокой музыкальной культуры и глубоких традиций.

К. ВИШНЕВЕЦКИЙ

Сто сорок тысяч пословиц

Я работаю на добыче торфа в Белоруссии. И вот уже четверть века тщательно собираю и записываю народные пословицы и поговорки. Ведь на каждом шагу встречаешь крупицы народной мудрости.

Сейчас у меня собрано и записано 147 тысяч пословиц и поговорок, принадлежащих всем народам СССР, многим народам стран социалистического лагеря, а также Индии, Индонезии, Англии, Японии — всего 60 стран.

Особое место занимают военные пословицы и поговорки. Их у меня записано около 10 тысяч — по разным разделам военного искусства.

На каждую пословицу или поговорку заведена карточка, куда записывается источник. Картотека расставлена по разделам и в алфавитном порядке. Для этого сделан специальный шкаф с отсеками. Такой порядок расстановки помогает пользоваться собранным материалом, делать выборки.

Картотека пополняется почти ежедневно. Интересные пословицы и поговорки, а также и литературу я получаю от своих коллег с Кавказа, из Сибири, Молдавской ССР. В обмен посылаю им свои находки.

Недавно Смоленское областное издательство приняло от меня собранный материал и подготовило к печати книгу «Жемчужина народной мудрости». Предисловие к ней написал профессор, доктор филологических наук В. М. Сидельни[illegible]

Собирание крупиц народной мудрости стало для меня любимым занятием.

И. АСТАПЕНКО,
директор «Осинторфа».

Н. Я. Остапенко в своей библиотеке.
Фото С. Капелько.

Встреча у костра

На берегу Сылвы, возле старинного уральского села Троицы, раскинулся палаточный городок. Есть в нем улицы: Ленинская, Октябрьская, Комсомольская, Спортивная. Тут расквартированы экспедиционные пионерские отряды, изучающие историю своего края. Вьются по ветру вымпелы Первого Красноуфимского полка, 21-го Мусульманского полка, 22-го Кизеловского Краснознаменного горных орлов полка, 2-го Интернационального отряда китайцев, корейцев и венгров. Пионеры прошли боевыми путями этих легендарных частей Красной Армии, боровшихся за освобождение Урала от Колчака, собрали немало трофеев: сабли, пистолеты, личные вещи бойцов, фотографии.

Но никакая фотография не заменит живой встречи с теми, кто был участником давних событий. В гости к внукам — юным туристам и краеведам Пермской области — приехали участники гражданской войны. Среди них был и Франц Дежевич Хроматко, чье имя носит экспедиционный отряд Пермского дворца пионеров.

Франц Дежевич — венгр. Он попал в Россию в 1915 году в числе пленных солдат австро-венгерской армии. Занимаясь революционной пропагандой среди пленных, он вступил в ряды Коммунистической партии, а потом возглавил интернациональный отряд.

Путь революционного интернационального отряда лежал навстречу Колчаку через Пермскую область. В районе Троицы отряд попал в окружение, сотни бойцов были взяты в плен и расстреляны.

И вот здесь-то, на месте гибели двухсот пятидесяти добровольцев, состоялась встреча Франца Дежевича Хроматко со своими юными друзьями.

Возле походных палаток у ночных костров сидели рядом деды и внуки. И бойцы вспоминали минувшие дни...

Т. ЧЕРНОВА

На снимке: четырехлетняя Наташа Полыгалова принесла свой букет к памятнику воинам Красной Армии, погибшим здесь сорок лет назад.
Фото И. Шемякина.

Наши художники, наша картина...

Нам, листопрокатчикам завода «Серп и молот», и раньше приходилось видеть художников в своем цехе...

Сильные, ловкие люди у прокатных станов, мощные мостовые краны, отблески раскаленного металла, огни нагревательных печей — все это, наверное, волнует не только наши сердца, но и воображение художника. Но, как ни странно, контакта между рабочими и художниками почему-то не было. Они и не задерживались в цехе подолгу... Но на этот раз все получилось по-иному. Еще зимой прошлого года мы заметили, что художники в нашем цехе опять работают. Шла неделя, вторая, третья... И целый день мы видели у мольбертов одних и тех же людей вблизи наших прокатных станов. Со временем мы привыкли к ним. Знакомство это произошло очень просто и непринужденно. Нам показалось, что мы уже давно знаем друг друга.

Художники С. Ивашев-Мусатов, А. Арцыбушев, А. Андреева и О. Кротков пришли на завод, чтобы написать картину, посвященную труду сталепрокатчиков, и остановили свой выбор на нашей бригаде По совести говоря, нам и в голову не приходило, что именно мы — герои задуманной художниками картины

В дальнейшем выяснилось, что художники решили не только наброски делать в цехе, но тут же, в цехе, «доводить» свою картину до конца. Все на заводе горячо поддержали эту инициативу.

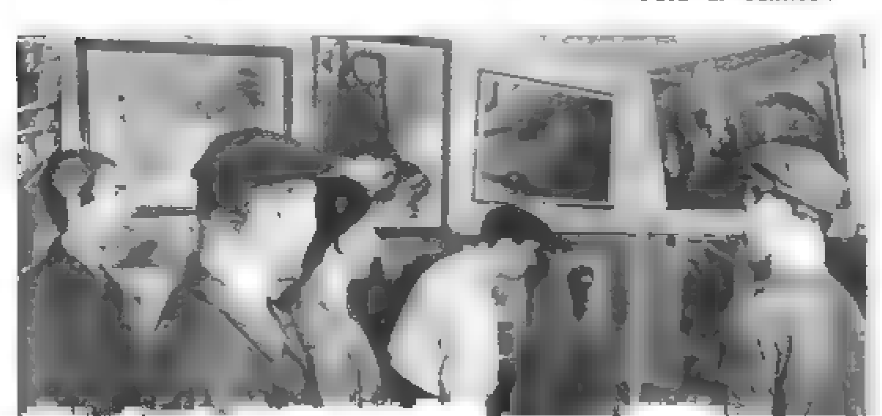
Наблюдая за творчеством художников, мы увидели, как это сложно — написать картину! Сколько труда и любви надо вложить в каждую деталь композиции, какое количество «заготовок» — этюдов, эскизов — сделать, чтобы передать простую правду жизни, показать, как работает у печей и прокатных станов бригада коммунистического труда. Больше всего нам нравится то, что художникам удалось схватить особенный, напряженный темп труда, динамику движений, свойственную коллективу слаженность в работе...

В импровизированной мастерской постоянно можно видеть рабочих, горячо обсуждающих рождающуюся картину. Постоянные беседы на эту тему, естественно, привели нас и в залы Третьяковской галереи. Теперь мы бываем там с женами и детьми, учимся понимать живопись, творчество великих мастеров

А работу над «нашей» картиной, создаваемой в стенах завода, мы считаем общим делом. Каждый из нас принимает горячее участие в ее создании, и она стала для нас как бы частицей нашей жизни.

Виктор ДЮЖЕВ,
член бригады коммунистического труда, вальцовщик.

Красный уголок сталепрокатного цеха в обеденный перерыв
Фото С. Осипова

В ЧАСЫ ОТДЫХА

С большим успехом проходят в Венгрии гастроли балетного ансамбля театра имени Станиславского и Немировича-Данченко. Артисты выступают на красивой открытой площадке города Сегеда.

В часы отдыха они совершают экскурсии. Жители города повсюду радушно принимают советских артистов. Тепло встретили их и члены рыболовецкого кооператива.

Как это видно на фото, совместные усилия рыбаков и актеров, занявшихся вместе рыбной ловлей, оказались плодотворными.

Венгерская журналистка
Мария ХАЛАШИ.

Мир выдумки

Выставка работ Иржи Трнки открыта в Москве в дни Международного кинофестиваля.

Кадры из фильмов, куклы, макеты, рисунки, книги... Здесь, в мире веселой, неистощимой выдумки, можно встретить множество старых знакомых. Это герои произведений Шекспира, Пушкина, Чехова, Андерсена, Гашека...

Темы фильмов Иржи Трнки бесконечно разнообразны. Остроумие, богатство красок и, самое главное, выразительность кукол и рисунков Иржи Трнки — вот что более всего радует на этой интересной выставке Каждый персонаж имеет свой индивидуальный, неповторимый характер.

Горячо благодарят зрители большого художника за доставленную им радость.

И ЦВЕТКОВА

На снимке: куклы Иржи Трнки представляют комедию Шекспира «Сон в летнюю ночь»
Фото Г Санько.

Занимательные

КИТОВЫЙ УС

Китовый ус размером с ковш большого экскаватора я запечатлел на одном из Курильских островов.

Н. ЗАЙЦЕВ

Москва.

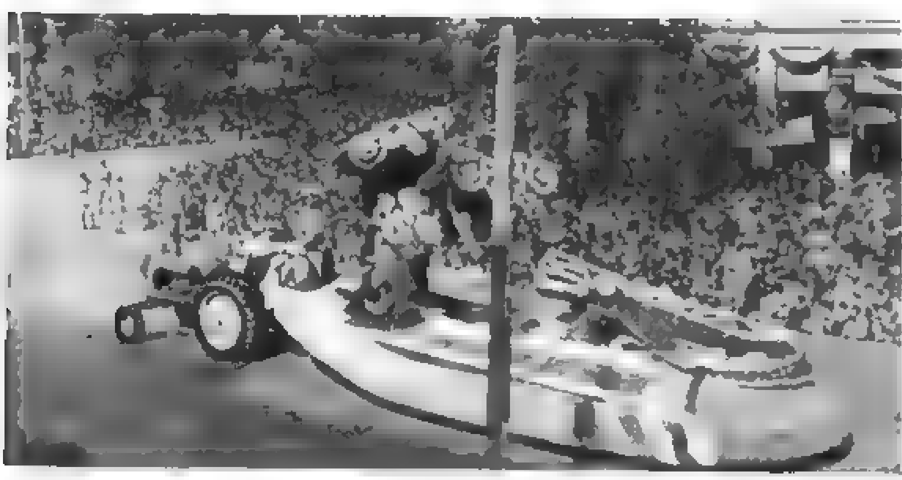

ВОЗВРАТИВШИЕСЯ ГРИФОНЫ

Набережную Невы против здания Академии художеств украшали когда-то сфинксы, светильники и грифоны. В конце прошлого века грифоны бесследно исчезли. Используя старинные литографии и архивные записи, архитекторы А. Поляков и И. Бенуа восстановили недавно скульптуры грифонов, которые были отлиты в мастерских Академии художеств.

Ю. ВЕСЕЛОВ

Ленинград.

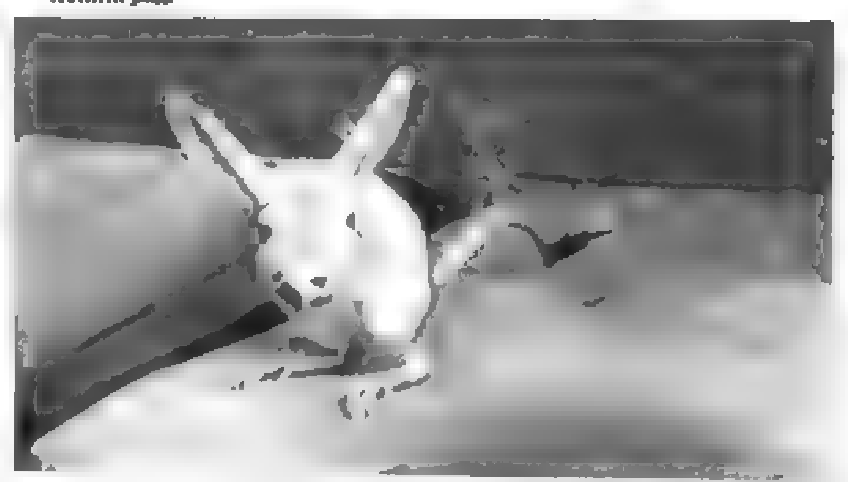

МАСТЕРСТВО САДОВНИКОВ

Трактор везет оригинальную клумбу: на берегу реки под какими-то фантастическими растениями лежит огромный крокодил. Искусные садовники мастерски подобрали цветы. Снимок сделан мною в Нью-Дели на праздновании Дня независимости республики Индии.

Н. НАТАЛЬИН

Краснодар.

СТЕПНОЙ ГОСТЬ

Тушканчик скакнул на сиденье машины и стал прихорашиваться. Едва раздался щелчок затвора аппарата, как он совершил второй цирковой прыжок и исчез в степи.

В. ПРОТОПОПОВ

Термез.

Про нашего брата-рыболова

Федор МАКИВЧУК

Рисунки Е. ВЕДЕРНИКОВА.

Удочка. Обыкновенная бамбуковая удочка. А посмотришь на нее даже в лютый мороз, когда она стоит печальная в уголочке за книжным шкафом,— и нахлынет тебе на душу такая благодать, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Один только взгляд — и тебе чудится красота росистого летнего утра, тебе слышатся уже его разноголосые, такие дорогие и такие близкие рыбацкому сердцу звуки, его свежее, ароматное дыхание.

Мой старый добрый приятель — фамилии его называть не буду — долгое время считал рыболовов людьми пропащими и безнадежными.

— Эх, чудаки вы, друзья-рыболовы, бить вас некому! — говорил он каждый раз, когда речь заходила о рыбалке, о неожиданно открытом озере Эльдорадо, где рыбы — «удилищем не провернешь»!

И вот я решил во что бы то ни стало приобщить своего нормального друга к нашему «ненормальному» рыболовецкому племени.

Как-то в мае, когда в Дедовом заливе неистовствовал невиданный жор окуня, я позвонил своему приятелю и пригласил его поехать со мной на рыбалку.

— Я еще не спятил, чтобы добровольно принимать на себя все муки вашего скитальчества.

— Ты себе не представляешь,— говорю,— какая там красота, какой воздух, какая тишина! Поедем! Увидишь по крайней мере, как солнце всходит. Скажи откровенно: ты ведь давно не видел этого благословенного зрелища? Ну, будь же другом, поедем!

...Раннее-раннее утро. В лесной чаще защелкал соловей. Сначала как-то робко, словно спросонья, а потом сильнее, звонче. Затем защебетал второй, третий... А через минутку — другую уже и весь лес звенел соловьиными трелями. Ох, эти прохладные утра! Кто их не переживал, не чувствовал, не видел, тот безбожно обедняет свое представление о поэзии природы, тот безбожно обездоливает себя на всю жизнь.

Выбираю место вблизи старых коряг, цепляю на крючок черную пиявку и говорю другу-приятелю:

— На, забрасывай под ту корягу. Как только поплавок нырнет, быстро подсекай. Только не зевай, а то окунь тут здоровый и может удочку украсть.

Не успел я наживить второй крючок, как слышу:

— Ой!

Гляжу, а мой дружище уперся ногами и что есть силы тащит к себе удочку. Она сгибается в три погибели, леска натянулась — звенит.

— Подожди,— кричит,— я сам!

— Да ты не спеши,— советую ему,— томи рыбу, но не пускай под корягу, а то запутается и оборвется.

Не скажу, дошел ли мой совет до его сознания или не дошел, но он сделал какой-то отчаяннейший рывок, и здоровенный окунище, описав в воздухе кульбит, хлюпнулся у его ног на песок.

Мой друг, как обезумевший, молниеносно бросился на окуня и накрыл его животом. Ну, думаю, если ты в первые минуты своей рыболовецкой жизни вытворяешь такие штучки, то быть тебе, голубе, до скончания века рыболовом! И никакая сила уже не вырвет тебя из нашего самоотверженного племени.

Так оно и случилось.

...Никто так близко и так часто не встречается с глазу на глаз с природой, как рыболов. Рыболов — это настоящий знаток, любитель и вместе с тем защитник родной природы. Исключение составляют одни браконьеры, горели бы они синим огнем! Не знаю я, как их земля только носит! Как она может терпеть этих закоренелых врагов природы?! Браконьер, на мой взгляд,— это даже не человек, а двуногий хищник. Он жесток, бессердечен и жаден. Браконьер исподтишка убивает дикую козу и радуется, что сможет нажраться даровым мясом.

Браконьер глушит рыбу и уничтожает огромную массу мальков. Он стреляет диких утят, когда они не поднимаются еще на крыло. Ему не жаль народного добра, он думает только о своей глотке. Браконьер изобретателен и коварен.

фотографии

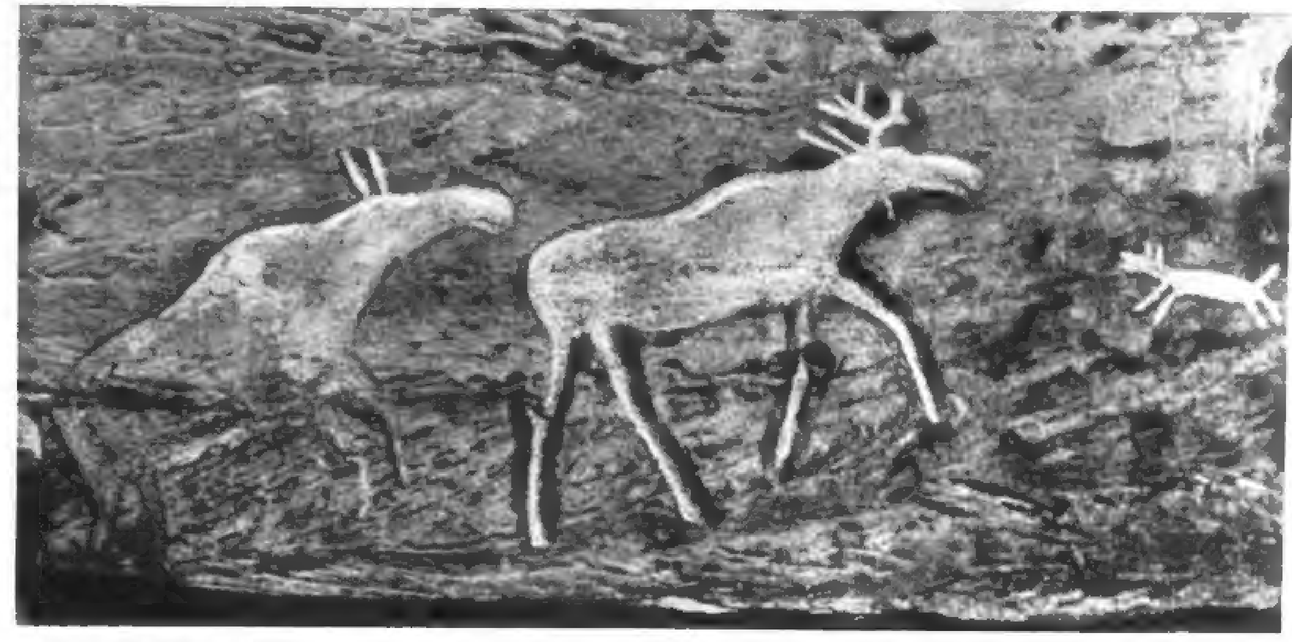

ПИТОМЕЦ ГЕОЛОГОВ

В Прибалхашье наша геологическая партия нашла молодого орла-беркута. Ел он только мясо, причем во всех видах: живых мышей и консервированную свиную тушенку. Через несколько месяцев орел подрос, стал понемногу летать, но всегда возвращался в лагерь. Мы обещали отдать его охотнику-казаху, который хотел приручить беркута для охоты. Это, очевидно, не входило в планы орла. Однажды наш питомец улетел и больше не вернулся.

Ю. НЕНАШЕВ

Ленинград.

РИСУНКИ НА СКАЛЕ

Много веков назад в тех краях, где сейчас строится Братская ГЭС, жили смелые охотники и скотоводы. О быте и культуре этого народа говорит «писаницы» — наскальные рисунки, сохранившиеся в ряде мест Приангарья. Снимки сделаны в долине реки Осы.

А. ТАРАСЕВИЧ

Москва.

НЕРУКОТВОРНАЯ МАСКА

Забавный рисунок на древесине обнаружил я на стволе ольхи. Очевидно, эти наслоения образовались после механического повреждения дерева.

В. СЕДЛУХО

Могилев.

ЧУЖИЕ ЩЕНЯТА

Щенята осиротели, и их подложили в коробку к новорожденным болонкам. Примет ли их новая мать, Муччо, которая в такое время делается очень злой?.. Явилась Муччо и забеспокоилась. Но вот щенята запищали от голода, и болонка прыгнула в коробку.

Муччо выкормила и своих и чужих детей. Когда мы фотографировали щенят, Муччо в это время получала на собачьей выставке большую золотую медаль.

Н. КОВЛЕР

Москва.

Однажды в июле я поплыл на лодке в один из днепровских проливов вблизи Вишенок ловить рыбу. Плыву потихоньку, выбираю подходящее место, как вдруг слышу: в кувшинках кричат утки. Кричат как-то испуганно, тревожно, будто зовут кого-то на помощь. «Что,— думаю,— могло там случиться?» Поворачиваю к кувшинкам и вижу такую картину: пятеро селезней неистово бьются о воду, пытаются взлететь, но каждый раз падают обессиленные в воду. Я все понял лишь тогда, когда подплыл совсем близко и поймал первого перепуганного насмерть селезня.

Селезни клюнули (в буквальном смысле слова) на перемет. Шнур перемета, привязанный на концах к двум палкам, висел над водой и имел двадцать капроновых поводков, вооруженных довольно мощными и острыми крючками. Крючки, наживленные кусочками сырого мяса, слегка покачивались на зеркальной поверхности воды и словно подмигивали неосторожным утятам: «Подплыви поближе, проглоти меня, полакомься мясом»...

Я пробовал освободить селезней от крючков, но ничего из этого не вышло. Жадные селезни так сильно глотнули наживку, что без помощи хирурга тут уж было не обойтись. Я перерезал поводки и вызволил несчастных селезней. Так они и разлетелись в разные стороны с браконьерскими крючками в горле.

Потом отрезал начисто все поводки, снял с крючков мясо, разбросал его между кувшинками, а крючки пустил на дно.

Теперь надо дождаться «охотника». Заплыл в лозу и сижу тихонько. Около семи часов утра вижу: плывет на лодке невзрачный, сухонький человечек и очень пристально всматривается в кувшинки.

Подплыл к перемету, остановил лодку, увидел, что от его хищнического сооружения остался только один шнур и две палки, и что-то сердито забубнил под нос.

Тут и я выплываю из лозы.

— Здравствуйте,— говорю.— Ну как рыбка, ловится?

Он стрельнул своими маленькими колючими глазками, на приветствие ответил сердитым вопросом:

— Это вы тут возились сегодня?

— Нет,— говорю,— я вот только приплыл. А что случилось?

Он посмотрел на мою лодку, ничего, кроме удочек, садка и ведерца с червями, не обнаружил и немного смягчился.

— Кто-то уток снял с перемета да еще [illegible], подлюга, срезал! Если бы поймал, утопил бы!

Я сделал вид, что ничего не понимаю.

— Разве утки на перемет ловятся?

— Ого! Иногда за один раз пятнадцать селезней беру. И стрелять не надо, и никто не слышит. Очень выгодная охота!

Мне так захотелось «стрельнуть» его веслом по голове, но я сдержался.

— И не стыдно,— спрашиваю,— браконьерствовать, природу обкрадывать, дичь уничтожать?

Невзрачный человечек препротивно захихикал:

— Тоже скажете! Дичь, милостивый государь,— это такая штука: сегодня она тут, а осенью снялась и полетела к туркам. Если не я ее съем, то ее другие съедят.

Вот они какие, браконьеры! Вот она, их омерзительная и никчемная философия!

...Однажды — это было в субботу — я спешил с удочками на пристань, а по Крещатику валом валили болельщики на футбольный матч. Вдруг слышу детский голосок:

— Папа, а куда деваются люди, которые на футбол не идут?

Папа иронически кивнул в мою сторону и ответил ребенку:

— Становятся рыбаками!

Еще одна шпилька в наш адрес. Но «пренебрежем», как говорил великий рыболов Остап Вишня.

Пусть себе издеваются! А мы — рыбаки и будем рыбаками! Народ мы непреклонный!

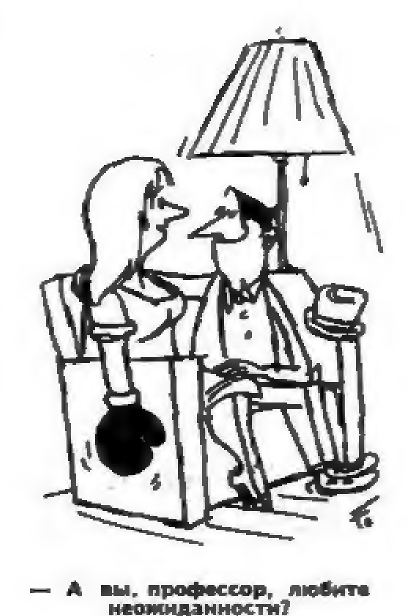
И вам советую: ловите рыбу! И браконьеров!

Перевел с украинского Е. ВЕСЕНИН.

Арнольд Фауст (ФРГ) смеется

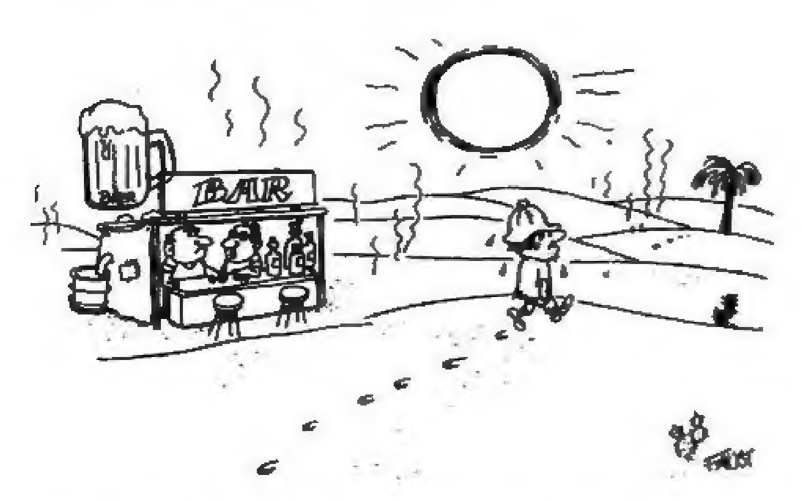

— Наверно, по телевизору транслируют рок-н-ролл.

— А вы, профессор, любите неожиданности?

— А ну, кто еще болел за моего противника?

— В проклятой пустыне мы прогорим. И этот принял нас за мираж...

— Вам коричневым или черным?

Отвечаем читателям.

Огурцы на тыкве

Приходилось мне слышать, что можно выращивать огурцы, прививая их на тыквы, и что этот способ помогает получать большие урожаи огурцов. Расскажите, пожалуйста, об этом способе.

А. Багрова

Вологда.

Эту просьбу читательницы наш корреспондент передал старшей научной сотруднице Московской сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева кандидату сельскохозяйственных наук Серафиме Петровне Лебедевой. Она ответила:

— Прививка огурцов любого сорта на тыквах дает возможность получать ежегодные и обильные урожаи огурцов. Такую прививку можно применять всюду, где растут тыквы. Особенно этот метод ценен там, где огурцы обычно растут плохо, часто гибнут от неблагоприятной погоды. Например, в прошлом году в Московской области огурцы в полевых условиях большей частью пропали от холода, тогда как в нашей академии огурцы, привитые на тыквах, легко перенесли все холода, дали хороший урожай и даже обеспечили нас семенами. Интересно отметить, что те самые тыквы, на которых хорошо растут огурцы, в свою очередь, плодоносят. Таким образом, с одного участка можно собирать два урожая. Известно, что плоды тыкв вкусны и питательны, содержат много каротина, а в плетях его еще больше, чем в плодах, поэтому плети ценны для силоса.

Разработанный мною метод прививки огурцов на тыквах был одобрен И. В. Мичуриным. Сейчас такую прививку огурцов и дынь на тыквах применяют не только в нашей стране, но также в Болгарии, Голландии и других странах.

Работница лаборатории бахчевых культур П. М. Ковалева собирает китайские огурцы, выращенные на тыквах.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Поэт-декабрист. 6. Представитель основного населения автономной республики. 9. Картина И. И. Шишкина. 11. Оркестровый инструмент. 13. Работница молочной фермы. 15. Действующее лицо оперы А. П. Бородина «Князь Игорь». 17. Город в Эстонии. 19. Круглая постройка. 20. Аппарат, регулирующий напряжение или силу тока. 21. Соревнование, соискательство. 22. Боевой корабль. 23. Плодовое косточковое дерево. 26. Поселок на Черноморском побережье. 29. Непредвиденный случай. 31. Жировое вещество, применяемое в медицине и косметике. 32. Поэма Н. А. Некрасова. 33. Пушной зверь. 34. Ближайшая к Солнцу точка орбиты небесного тела.

По вертикали:

1. Персонаж балета П. И. Чайковского. 2. Старинный разрывной снаряд. 3. Строительный материал. 4. Советский художник-график. 6. Сын Дедала в греческой мифологии. 7. Известный русский актер. 10. Птица отряда воробьиных. 12. Лечебное учреждение. 14. Сумчатое млекопитающее. 16. Роман Д. Олдриджа. 17. Охотничья собака. 18. Леса в поймах рек. 24. Типографская машина. 25. Полуостров в Каспийском море. 27. Однодольное растение. 28. Соединительная часть труб. 29. Герой романа А. С. Пушкина. 30. Электрод.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 34

По горизонтали:

3. Писарев. 7. Папирология. 10. Постник. 11. Фактура. 15. Фирс. 16. Конденсат. 19. Драп. 20. Изобретательность. 21. Дефо. 22. Пантограф. 26. Овал. 27. Литавры. 28. Спутник. 30. Палеонтолог. 31. Ливадия.

По вертикали:

1. Дивизион. 2. Резонанс. 4. Азов. 5. Лахтак. 6. Биотит. 8. Толстолобик. 9. Предисловие. 12. «Виринея». 13. Нейтрон. 14. Кальман. 17. Онега. 18. Альфа 22. Планат. 23. Норвегия. 24. Рапсодия. 25. Футбол. 29. Анна.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Д. Т. ЛОБАНОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. **Рукописи не возвращаются.** Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусства — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05652. Подписано к печати 19/VIII 1959 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 500 000. Изд. № 1159. Заказ № 1829.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Сколько лет Новгороду?

«1 100»,— отвечают летописи.

Первая столица государства восточных славян... Защитник русских земель от немцев и шведов... Колыбель российской государственности... Господин Великий Новгород!

В новгородских храмах запечатлены замечательные образцы древнего зодчества. Археологические раскопки, которые ведутся здесь, пополняют музеи свидетельствами высокой материальной культуры наших далеких предков.

В дни 1100-летия новгородцы отмечают еще один юбилей: 15 лет со дня второго рождения города на Волхове. В 1944 году, когда войска Советской Армии очистили древний русский город от гитлеровских оккупантов, кварталы его насчитывали всего лишь 40 домов, окруженных развалинами, улицы и площади заросли бурьяном. Первые строители и реставраторы Новгорода селились в землянках, палатках.

Огромные восстановительные работы начались сразу же после освобождения. О том, что создано за эти годы, красноречиво говорят цифры. Предприятия радиотехнической, приборостроительной, тракторной, мебельной промышленности дают продукции втрое больше, чем до войны.

— Меня обманули,— сказал недавно турист из Соединенных Штатов Америки Маккрум, оглядывая многоэтажные кварталы, асфальтированные улицы и площади Новгорода.— Я ехал в музей, в исторический заповедник, а попал в современный город, который благоустроен лучше многих городов Западной Европы.

Огромны перспективы развития Новгорода в семилетие. Если в целом по стране объем промышленной продукции увеличится в 1965 году примерно на 80 процентов, то в старейшем русском городе он возрастет в четыре с половиной раза. Здесь появится завод по производству стеклотканей, в десять раз увеличится выпуск продукции на заводе электрогаражного оборудования, в семь раз — на мебельной фабрике.

Проложена трасса газопровода Серпухов — Ленинград. Ставропольский газ, идущий на север страны, обеспечил и Новгород дешевым топливом.

За семилетие в Новгороде будет выстроено примерно столько же новой жилой площади, сколько за 15 предыдущих лет. Появятся новые площади, улицы, скверы, новый мост через Волхов.

Инженер Г. РАЗУМОВ

Новгород. Московская улица.

Памятник «Тысячелетие России».

Правобережная часть Новгорода.

Фото И. Тункеля и К. Богданова.

Цена номера 3 руб.